

ИВ. БУНИНЪ

ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА

ИСТОКИ ДНЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"

ПАРИЖЪ

1 9 3 0

Copyright 1929 by I. Bunin
Tous droits réservés
Printed in France

ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА

ИСТОКИ ДНЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

I.

«Вещи и дѣла, еще не написанныи бываютъ, тмою покрываются и гробу безпамятства предаются, написанныи же яко одушевленнии . . . »

Итакъ, что же такое моя жизнь и вообще «вещи и дѣла» человѣческія?

Я родился полвѣка тому назадъ, въ средней Россіи, въ деревнѣ, въ отцовской усадьбѣ.

У насъ нѣтъ чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мнѣ сказали, когда именно я родился. Если бы не сказали, я бы и понятія не имѣлъ о своемъ возрастѣ, — тѣмъ болѣе, что я еще совсѣмъ не ощущаю его бремени — и, значить, былъ бы избавленъ отъ нелѣпой мысли, что мнѣ будто бы полагается лѣтъ черезъ десять или двадцать умереть. А родился я и живи на необитаемомъ островѣ, я бы даже и о самомъ существованьи смерти не подозрѣвалъ. «Вотъ было бы счастье!» — хочется прибавить мнѣ. Но кто знаетъ? Можетъ быть, великое несчастье. Да и правда ли, что не подозрѣвалъ бы? Не рождаемся ли мы съ чувствомъ смерти? А если нѣтъ, если бы не подозрѣвалъ, любилъ ли бы я жизнь такъ, какъ люблю и любилъ? И отдалъ ли бы ее тому, чему отдалъ почти безъ остатка, — своему словесному ремеслу, то есть осознанію и одушевленію своихъ вещей и дѣлъ, стремленье къ которому проистекаетъ, можетъ быть, только изъ страха передъ гробомъ безпамятства?

О родѣ Арсеньевыхъ, о его происхожденіи мнѣ, конечно, толкомъ ничего не извѣстно. Что мы вообще знаемъ! Я знаю только то, что въ Гербовникѣ родъ нашъ отнесенъ къ тѣмъ, «происхожденіе коихъ теряется во мракѣ времени». Знаю, что родъ нашъ «знатный, хотя и захудалый» и что я всю жизнь чувствовала эту знатность, гордясь и радуясь, что я не изъ тѣхъ, у кого нѣтъ ни рода, ни племени. Въ Духовъ день, памятуя, что «Святымъ Духомъ всякая душа живится», призываетъ Церковь за литургіей «сотворить память всѣмъ отъ вѣка умершимъ». Она возноситъ въ этотъ день прекрасную и полную глубокаго смысла молитву:

— Все рабы Твоя, Боже, упокой во дворѣхъ Твоихъ и въ нѣдрѣхъ Авраама, — отъ Адама даже до днесь послужившая Тебѣ чисто отцы и братіи наши, други и сродники!

Развѣ случайно сказано здѣсь о служеніи? И развѣ не радость чувствовать свою связь, соучастіе «съ отцы и братіи наши, други и сродники», нѣкогда совершавшими это служеніе? Исповѣдовали и наши древнѣйшіе прашуры ученіе «о чистомъ, непрерывномъ Пути отца всего сущаго», переходящаго отъ смертныхъ родителей къ смертнымъ чадамъ жизнью безсмертной, «непрерывной», вѣру въ то, что это волей Агни заповѣдано блюсти чистоту, непрерывность крови, породы, дабы не былъ оскверненъ, то есть прерванъ, забытъ, преданъ безпамятству этотъ Путь, и что съ каждымъ рожденіемъ должна все болѣе очищаться кровь рождающихся и возрастать ихъ родство, близость съ Нимъ, единымъ отцомъ всего сущаго.

Среди моихъ предковъ было, вѣроятно, не мало и дурныхъ людей. Но все таки изъ поколѣнія въ поколѣніе наказывали мои предки другъ другу помнить и блюсти свою кровь, священнымъ долгомъ почитали внѣдрять и, какъ ни какъ, все таки внѣдряли въ душу другъ другу: будь достоинъ своего благородства, будь добрымъ сы-

номъ Церкви и отечества, служи на пользу имъ, держи свое слово, свои обѣты, старайся быть правдивымъ, милосерднымъ, щедрымъ, самоотверженнымъ, въ битвѣ безстрашнымъ и честнымъ, въ любви и бракѣ чистымъ... И какъ передать тѣ чувства, съ которыми я смотрю порой на нашъ родовой гербъ? Рыцарскіе доспѣхи, латы и шлемъ съ страусовыми перьями. А подъ ними щитъ. И на лазурномъ полѣ его, въ серединѣ — перстень, эмблема вѣрности и вѣчности, къ которому сходятся сверху и снизу своими остріями три рапиры съ крестами-рукоятками...

Въ странѣ, замѣнившей мнѣ родину, много есть городовъ, подобныхъ тому, что далъ мнѣ пріютъ, нѣкогда славныхъ, а теперь заглошихъ, бѣдныхъ, въ повседневности живущихъ очень мелкой жизнью. А все же надъ этой жизнью всегда — и не даромъ — царить какая-нибудь сѣрая башня временъ крестоносцевъ, громада собора съ безцѣннымъ порталомъ, вѣка охраняемымъ стражей святыхъ изваяній, и пѣтухъ на крестѣ, въ небесахъ, высокій Господній глашатай, зовущій къ небесному Граду...

II.

Младенчество мое безконечно далеко и смутно, я даже не вѣрю теперь, что оно когда-то было. А мое самое первое воспоминаніе того времени есть, конечно, нѣчто случайное, ничтожное, вызывающее недоумѣніе. Я помню большую, освѣщенную предъосеннимъ солнцемъ комнату, его сухой блескъ надъ косогоромъ, надъ сухимъ золотистымъ жнивьемъ, видимымъ въ окно, выходящее на югъ... Только и всего, только одно мгновенье! Почему именно въ этотъ день и часъ, именно въ эту минуту и по такому пустому поводу впервые въ жизни вспыхнуло мое сознаніе столь ярко, что уже явилась возможность дѣйствія памяти? И почему тотчасъ же послѣ этого снова надолго потухло оно?

Младенчество свое я всегда вспоминаю съ печалью. Каждое младенчество печально: скудень тихій міръ, въ которомъ грезить жизнью еще не совсѣмъ пробудившаяся для жизни, всѣмъ и всему еще чуждая, робкая и нѣжная душа. Обычно говорятъ: золотое дѣтство, счастливое время! Нѣтъ, это время несчастное, болѣзненно-чувствительное, жалкое.

Можетъ быть, мое младенчество было печальнымъ въ силу нѣкоторыхъ частныхъ условій? Въ самомъ дѣлѣ, вотъ хотя бы то, что росъ я въ великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди нихъ... Зимой безграничное снѣжное море, лѣтомъ — море хлѣбовъ, травъ и цвѣтовъ... И вѣчная тишина этихъ полей, ихъ загадочное и безотвѣтное молчаніе... Но грустить ли въ тишинѣ, въ глуши какой-нибудь сурокъ, жаворонокъ? Нѣтъ, они ни о чемъ не спрашиваютъ, ничему не дивятся, не чувствуютъ той сокровенной души, которая всегда чудится человѣческой душѣ въ мірѣ, окружающемъ ее, не знаютъ ни зова пространства, ни бѣга времени. А я уже и тогда зналъ все это, всѣмъ этимъ втайнѣ томился. Глубина лѣтняго вечерняго неба, задумчивая даль полей говорили мнѣ о чемъ то иномъ, какъ бы существующемъ помимо ихъ, вызывали мечту и тоску о чемъ-то мнѣ недостающемъ, трогали непонятной любовью и нѣжностью, неизвѣстно къ кому и чему...

Гдѣ были люди въ это время? Помѣстье наше называлось хуторомъ, — хуторъ Каменка, — главнымъ имѣніемъ нашимъ считалось задонское, куда отецъ уѣзжалъ часто и надолго, а на хуторѣ хозяйство было небольшое и дворня малочисленная. Но все же люди были, какая-то жизнь шла. Были собаки, лошади, овцы, коровы, работники, былъ кучеръ, староста, стряпуха, повариха, скотница, птичница. нянька, мать и отецъ, гимназисты братья, сестра Оля, еще качавшаяся въ люлькѣ въ дѣтской... Но почему же остались въ моей памяти только минуты полного одиночест-

ва? Что, какъ сонъ, помню я? Вотъ вечерѣтъ прекрасный лѣтній день. Солнце уже за домомъ, за садомъ, пустой, широкой дворъ въ тѣни, а я (совсѣмъ, совсѣмъ одинъ въ мѣрѣ) лежу на его зеленой холодѣющей муравѣ, глядя въ бездонное синее небо, какъ въ чьи-то дивные и родные глаза, въ отчее лоно свое. Плыветъ и, круглясь, медленно мѣняется очертанія, таетъ въ этой вогнутой синей безднѣ высокое, высокое бѣлое облако... Ахъ, какъ все таки разъединенъ я съ нимъ! Какая томящая красота! Сѣсть бы на это облако и плыть, плыть на немъ въ этой жуткой высотѣ, въ поднебесномъ просторѣ, въ близости съ Богомъ и бѣлокрылыми ангелами, обитающими гдѣ-то тамъ, въ этомъ горнемъ мѣрѣ! — Вотъ я за усадьбой, въ полѣ. Вечеръ какъ будто все тотъ-же, только тутъ еще блеститъ и грѣетъ низкое солнце. Обернувшись, я вижу его надъ тѣми бесконечно-далекими западными полями, гдѣ на горизонтѣ чуть видно Батурино, — для меня еще невѣдомая, таинственная мѣста, родина матери. А предо мной другая даль, уходящая къ югу, туда, гдѣ сливается съ небомъ и зоветъ, тянетъ куда-то что-то смутно-голубое, чуть-чуть сиреневое, подобное едва видному морю. И я стою, смотрю, слушаю великую тишину, окружающую меня, чего-то жду, думаю о чемъ-то несказанно-прекрасномъ и грустномъ, что есть въ мѣрѣ и особенно тамъ, въ этой далекой дали. Полевая глухая дорога, на которой я стою, зарастаетъ сѣро-зеленой лебедой, женственно-смиренной блѣдно-розовой павиликой. Вокругъ меня, куда ни кинь взглядъ, колосистые ржи, овсы, пшеница, а въ нихъ, въ густой чашѣ склоненныхъ стеблей, — затаенная, настороженная жизнь перепеловъ. Сейчасъ они еще молчатъ да и все молчатъ, только порой загудитъ, угрюмо зажужжитъ запутавшійся въ колосьяхъ хлѣбный рыжій жучокъ. Я освобождаю его и съ жадностью, съ удивленьемъ разглядываю: что это такое, кто онъ, этотъ рыжій жукъ, гдѣ онъ живетъ, куда и зачѣмъ летѣлъ, что онъ думаетъ и чув-

ствуешь? Онъ сердитъ, серьезенъ: возится въ моихъ пальцахъ, шуршитъ жесткими надкрыльями, изъ-подъ которыхъ выпущено что-то тончайшее, палевое, — и вдругъ щитки этихъ надкрылій раздѣляются, раскрываются, палевое тоже распускается, — и какъ изящно! — и жукъ подымается въ воздухъ, гудя уже съ удовольствіемъ, съ облегченіемъ, и навсегда покидаетъ меня, теряется въ небѣ, обогащая меня новымъ чувствомъ — оставляя во мнѣ грусть разлуки . . .

А не то вижу я себя въ домѣ и опять въ лѣтній вечеръ и опять въ одиночествѣ. Солнце скрылось за вечерній притихшій садъ, по верхушкамъ осыпанный его червонной пылью, покинуло пустой залъ, пустую гостиную, гдѣ оно радостно блистало весь день: теперь только послѣдній лучъ одиноко краснѣетъ въ углу на паркетѣ, межъ высокихъ ножекъ какого-то стариннаго столика, — и, Боже, какъ мучительна его безмолвная и печальная прелесть! А позднимъ вечеромъ, когда садъ уже чернѣлъ за окнами всей своей таинственной ночной чернотой, а я лежалъ въ темной спальнѣ въ своей дѣтской кроваткѣ, все глядѣла на меня въ окно, съ высоты, какая-то тихая звѣзда . . . Что надо было ей отъ меня? Что она мнѣ безъ словъ говорила, куда звала, о чемъ напоминала?

III.

Дѣтство стало понемногу связывать меня съ жизнью, и въ моихъ воспоминаніяхъ о немъ уже мелькаютъ нѣкоторыя лица, нѣкоторыя картины усадебнаго быта, нѣкоторыя событія . . .

Изъ этихъ событій на первомъ мѣстѣ — въ смыслѣ времени, а можетъ быть, и значительности — стоитъ мое первое въ жизни путешествіе, самое далекое и самое необыкновенное изъ всѣхъ моихъ послѣдующихъ путешест-

вій по морю и сушѣ. Отець съ матерью отправились въ ту заповѣдную страну, которая называлась городомъ, и взяли меня съ собой. Это тоже еще сонъ, безконечно давній, изъ котораго остались въ моей памяти тоже только нѣкоторыя отдѣльныя мгновенья; но зато какія мгновенья! Тутъ я впервые испыталъ сладость осуществляющейся мечты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страхъ, что она почему-нибудь не осуществится. Помню и до сихъ поръ, какъ я томился, стоя среди двора на солнечномъ припекѣ и глядя на тарантасъ, который уже выкатили изъ каретнаго сарая: да когда же наконецъ запрягутъ, когда кончатся всѣ эти приготовления къ отъѣзду? Помню даже небрежный и совершенно непонятный отвѣтъ кучера на мои приставанья: скоро ли мы выѣдемъ?

— Какъ скоро, такъ сейчасъ, — отвѣтилъ онъ.

Затѣмъ я помню то, что ѣхали мы цѣлую вѣчность, что полямъ, какимъ-то логамъ, лощинамъ, проселкамъ, перекресткамъ не было счета и что въ дорогѣ случилось вотъ что: въ одной лощинѣ, — а дѣло было уже къ вечеру и мѣста были очень глухія, — густо росъ дубовый кустарникъ, темнозеленый и кудрявый, и по ея противоположному скату пробирался среди кустарника «разбойникъ», съ топоромъ, засунутымъ за поясъ, — самый, можетъ быть, таинственный и страшный изъ всѣхъ мужиковъ, видѣнныхъ мной не только до той поры, но и вообще за всю мою жизнь. А подъ городомъ ярко ударили мнѣ въ глаза какія-то великолѣпныя желтыя скалы, ихъ слоистыя обрывы, въ упоръ озаренныя предзакатнымъ солнцемъ... Какъ въѣхали мы въ самый городъ, мнѣ неизвѣстно, — должно быть, путешествіе такъ крѣпко одолѣло меня, что я заснулъ. Зато какой поразительный мигъ пережилъ я утромъ! Я висѣлъ надъ пропастью, въ узкомъ ущельи изъ огромныхъ, никогда мною не виданныхъ домовъ, и меня ослѣплялъ блескъ солнца, стеклоль, вывѣсокъ, нарядность толны, которой была залита улица внизу, а надо мной,

вокругъ меня, на весь міръ разливался какой-то дивный музыкальный кавардакъ: звонъ, гулъ колоколовъ съ колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всѣмъ въ такомъ величїи, въ такой роскоши, какія и не снились римскому Петру и Павлу, и такой громадой, что уже никакъ не могла поразить меня впослѣдствїи пирамида Хеопса.

Всего же поразительнѣе оказалась въ городѣ вакса. Бѣдное человѣческое сердце! Я ничуть не шучу: за всю мою жизнь не испыталь я отъ вещей, видѣнныхъ мною на землѣ, — а я видѣль много, — такого восторга, такой радости, какъ на базарѣ въ этомъ городѣ, держа въ рукахъ коробочку ваксы. Круглая коробочка эта была изъ простаго лыка, но что это было за лыко и съ какой несравненной художественной ловкостью была сдѣлана изъ него коробочка! А самая вакса! Черная, тугая, съ тусклымъ блескомъ и упоительнымъ спиртнымъ запахомъ! А потомъ были еще двѣ великихъ радости: мнѣ купили сапожки съ краснымъ сафьяновымъ ободкомъ на голенищахъ, про которые кучеръ опять сказалъ на весь вѣкъ запомнившееся мнѣ слово: «въ аккуратъ сапожки!» — и ременную плеточку съ свисткомъ въ рукояткѣ... Съ какимъ блаженнымъ чувствомъ, какъ сладострастно касался я и этого сафьяна, и этой упругой, гибкой ременной плеточки? Дома, лежа въ своей кроваткѣ, я истинно замираль отъ счастья, что возлѣ нея стоятъ мои новые сапожки, а подъ подушкой спрятана плеточка. И завѣтная звѣзда глядѣла съ высоты въ окно спальни и говорила мнѣ: вотъ теперь уже все хорошо, лучшаго въ мірѣ нѣтъ и не надо!

Эта же поѣздка, впервые раскрывшая мнѣ радости земного бытія, дала мнѣ еще одно глубокое впечатлѣнье. Я испыталь его на возвратномъ пути. Мы выѣхали изъ города въ предвечернее время, проѣхали длинную и широкую улицу, уже показавшуюся мнѣ очень бѣдной по сравненью

съ той, гдѣ была наша гостиница и церковь Михаила Архангела, проѣхали какую-то обширную площадь, и передъ нами опять открылся вдали знакомый міръ — поля, ихъ деревенская простота и свобода. Путь нашъ лежалъ прямо на западъ, на закатное солнце, и вотъ вдругъ я увидѣлъ, что есть еще одинъ человѣкъ, который тоже пристально смотритъ на него и на эти поля: на самомъ выѣздѣ изъ города высился необыкновенно огромный и необыкновенно скучный желтый домъ, не имѣвшій совершенно ничего общаго ни съ однимъ изъ доселѣ видѣнныхъ мною домовъ,—въ немъ было великое множество мелкихъ оконъ и въ каждомъ окнѣ была желѣзная рѣшетка, онъ былъ окруженъ высокой каменной стѣной, а большія ворота въ этой стѣнѣ были наглухо заперты,—и стоялъ за рѣшеткой въ одномъ изъ этихъ оконъ человѣкъ въ кофтѣ изъ сѣраго сукна и въ такой же безкозыркѣ, съ блѣдно-желтымъ пухлымъ лицомъ, на которомъ выражалось нѣчто такое сложное и тяжкое, чего я еще тоже отроду не видывалъ на человѣческихъ лицахъ (и что, конечно, только теперь могу кое-какъ выразить словами): смѣшеніе глубочайшей тоски, скорби, тупой покорности и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то страстной и мрачной мечты, жаднаго вниманья къ этому уходящему солнцу... Конечно, мнѣ объяснили, какой это былъ домъ и кто былъ этотъ человѣкъ въ окнѣ съ рѣшеткой, это отъ отца и матери узналъ я о существованіи на свѣтѣ того особаго сорта людей, которые называются острожниками, каторжниками, ворами, убійцами. Но вѣдь слишкомъ скудно знаніе, приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь — есть другое, безконечно болѣе богатое, то, съ которымъ мы рождаемся. Для тѣхъ чувствъ, которыя возбудили во мнѣ рѣшетка и лицо этого человѣка, родительскихъ объясненій было слишкомъ мало: я самъ почувствовалъ, самъ угадалъ, при помощи своего собственнаго знанія, особенную, жуткую душу его. Страшенъ былъ мужикъ, пробиравшійся

по дубовымъ кустарникамъ въ лощинѣ, съ топоромъ за подпояской. Но то былъ разбойникъ, — я ни минуты не сомнѣвался въ этомъ, — то было нѣчто очень страшное, но и чарующее, сказочное. Этотъ же острожникъ, эта рѣшетка...

Восторженные впечатлѣнья сперва заглушили тяжкое впечатлѣнье этой встрѣчи. А потомъ оно снова воскресло и живетъ во мнѣ даже и донынѣ...

IV.

Дальнѣйшія мои воспоминанія о моихъ первыхъ годахъ на землѣ болѣе обыденны и точны, хотя все такъ же скудны, случайны, разрознены: что, повторяю, мы знаемъ, что помнимъ, — мы, съ трудомъ вспоминающіе порой даже вчерашній день!

Дѣтская душа моя начинаетъ привыкать къ своей новой обители, находитъ въ ней много прелести уже радостной, видѣть красоту природы уже безъ боли, замѣчать людей и испытывать къ нимъ разныя, болѣе или менѣе сознательныя чувства.

Міръ для меня все еще ограничивается усадьбой, домомъ, и, что до людей, вниманье мое привлекается больше всего самыми близкими. Вотъ я уже не только замѣтилъ и почувствовалъ отца, его родное существованіе, но и разглядѣлъ его, сильного, бодрого, безпечнаго, вспыльчиваго и временами даже страшнаго, но необыкновенно отходчиваго, въ общемъ очень добраго, великодушнаго, терпѣть не могшаго людей злыхъ, злопамятныхъ и чудесно непослѣдовательнаго, — зачастую бѣшено кричавшаго, что онъ кому-то чего-то во вѣки никогда не проститъ, а черезъ часъ махавшаго рукой и говорившаго: «А впрочемъ чортъ съ нимъ совсѣмъ!» Я сталъ интересоваться имъ и вотъ уже кое-что узналъ о немъ: то, что онъ никогда ничего

не дѣлаетъ, — онъ, и правда, проводилъ свои дни въ той счастливой праздности, которая была столь обычна тогда не только для деревенскаго дворянскаго существованья, но и вообще для русскаго; что онъ всегда очень оживляется передъ обѣдомъ и веселье за столомъ; что, проснувшись послѣ обѣда, онъ любитъ сидѣть у раскрытаго окна и пить очаровательно-шипящую и восхитительно-колющую въ носъ воду съ кислотой и содой и что онъ всегда внезапно ловитъ меня въ это время, сажаетъ на колѣни, тискаетъ и цѣлуетъ, а затѣмъ такъ же внезапно и ссаживаетъ, забываетъ, не любя ничего длительного... Я уже чувствовалъ къ нему не только расположенье, но временами и радостную нѣжность, онъ мнѣ уже нравился, отвѣчалъ мнѣ уже слагающимся вкусамъ своей отважной наружностью, прямою перемѣнчиваго характера, больше же всего, кажется, тѣмъ, что былъ онъ когда-то на войнѣ въ какомъ-то Севастополѣ, а теперь охотникъ, удивительный стрѣлокъ, — онъ попадалъ въ двугривенный, подброшенный въ воздухъ, — и такъ хорошо, задушевно, а когда нужно, такъ ловко, подмывающе играетъ на гитарѣ пѣсни, особенно дворовыя, старинныя, счастливыхъ дѣдовскихъ временъ...

Замѣтилъ я наконецъ и няньку нашу, то есть осозналъ присутствіе въ домѣ, какую-то особую близость къ нашей дѣтской и нѣкоторыя особенности этой большой, статной и властной женщины, которая, хотя и называетъ себя постоянно нашей холопкой, есть на самомъ дѣлѣ членъ нашей семьи, а ссорится (и довольно часто) съ нашей матерью лишь потому, что это совершенно необходимо въ силу ихъ любви другъ къ другу и потребности послѣ ссоры черезъ нѣкоторое время заплакать и помириться. Братья были совсѣмъ не ровесники мнѣ, они жили тогда уже какой-то своей жизнью, пріѣзжая къ намъ на каникулы; я, вспоминая свое дѣтство, почти совсѣмъ не вижу ихъ, но зато у меня оказалось двѣ сестры, которыхъ я то-

же наконецъ осозналъ и по разному, но одинаково тѣсно соединилъ съ своимъ существованьемъ: я нѣжно полюбилъ полненькую, смѣшливую синеглазую Надю, которая заняла свою очередь въ люлькѣ, и незамѣтно сталъ дѣлать всѣ свои игры и забавы, радости и горести, а порой и самыя сокровенныя мечты и думы съ черноглазой Олей, дѣвочкой горячеей, легко, какъ отецъ, вспыхивающей, но по существу тоже очень доброй, чувствительной, вскорѣ сдѣлавшейся моимъ вѣрнымъ другомъ. Что же до матери, то, конечно, я замѣтилъ и понялъ ее прежде всѣхъ. Мать была для меня совсѣмъ особымъ существомъ среди всѣхъ прочихъ, нераздѣльнымъ съ моимъ собственнымъ, и я замѣтилъ, почувствовалъ ее, вѣроятно, тогда же, когда и себя самого.

Съ матерью связана самая горькая любовь всей моей жизни. Все и всѣ, кого любимъ мы, есть наша мука, пусть сладкая, радостная, но все же мука, — чего стоитъ одинъ этотъ вѣчный страхъ потери любимаго и сознание мимолетности всего земного! А я съ младенчества несъ великое бремя моей неизмѣнной любви къ ней, къ той, которая, давши мнѣ жизнь, поразила мою душу именно мукой, поразила тѣмъ болѣе, что въ силу любви, изъ коей состояла вся ея душа, была она и воплощенной печалью: сколько слезъ видѣлъ я ребенкомъ на ея глазахъ, сколько горестныхъ пѣсенъ слышалъ изъ ея усть!

Въ далекой родной землѣ, одинокая, на вѣки всѣмъ міромъ забытая, да покоится она въ мирѣ и да будетъ во вѣки благословенно ея безцѣнное имя! Навсегда завершена ея судьба. Завершена и того, съ кѣмъ великимъ таинствомъ любви и зачатій было соединено ея земное бытіе. Ужели до скончанія времени не увижу я больше его бодрого лица, не услышу его громкаго голоса, не поцѣлую его сильной руки? И ужели та, чей безглазый черепъ, чьи сѣрыя кости лежатъ гдѣ-то тамъ, въ кладбищенской рощѣ захолустнаго русскаго города, на днѣ уже безымянной моги-

лы, ужели это она, которая нѣкогда качала меня на рукахъ и пѣла о томъ, какъ «бѣжить въ степи молодой курьеръ и нестеть съ собой письмо-въѣсточку»?

Страшна, непостижима жизнь. «Пути Мои выше путей вашихъ и мысли Мои выше мыслей вашихъ».

V.

Такъ миновало мое младенческое одиночество. Помню: однажды осенней ночью я почему-то проснулся и увидалъ легкій и таинственный полусвѣтъ въ комнатѣ, а въ большое незавѣшенное окно — блѣдную и грустную осеннюю луну, стоявшую высоко, высоко надъ пустымъ дворомъ усадьбы, такую грустную и исполненную такой неземной прелести отъ своей грусти и своего одиночества, что и мое сердце сжали какія-то несказанно-сладкія и горестныя чувства, тѣ самыя какъ будто, что испытывала и она, эта осенняя блѣдная луна. Но я уже зналъ, помнилъ, что я не одинъ въ мѣрѣ, что я сплю въ отцовскомъ кабинетѣ, — я заплакалъ, я позвалъ, разбудилъ отца . . . Такъ постепенно входили въ мою жизнь и дѣлались ея неотдѣлимой частью люди, сперва свои, самые близкіе, а потомъ и прочіе — съ дворни и окрестныхъ деревень и сель: Выселокъ, Новоселокъ, Рождества, Батурина . . .

Я уже замѣтилъ, что на свѣтѣ, помимо лѣта, есть еще осень, зима, весна, когда изъ дому можно выходить только изрѣдка. Однако я сперва не запоминалъ ихъ, — въ дѣтской душѣ остается больше всего яркое, солнечное, — и поэтому мнѣ теперь вспоминается, кромѣ этой осенней ночи, всего двѣ-три темныхъ картины, да и то потому, что были онѣ не совсѣмъ обычны: какой-то зимній вечеръ съ ужаснымъ и очаровательнымъ снѣжнымъ ураганомъ за стѣнами, — ужаснымъ потому, что всѣ говорили, что это

всегда такъ бываетъ «на Сорокъ Мучениковъ», очаровательнымъ же по той причинѣ, что, чѣмъ ужаснѣе потрясалъ вѣтеръ стѣны, тѣмъ пріятнѣе было чувствовать себя за ихъ защитой, въ теплѣ, въ уютѣ; потомъ какое-то зимнее утро, когда случилось нѣчто дѣйствительно замѣчательное: проснувшись, мы увидали странный сумракъ въ домѣ, увидали, что со двора заститъ что то бѣлесое и невѣроятно громадное, поднявшееся выше дома, — и поняли, что это снѣга, которыми занесло насъ за ночь и отъ которыхъ работники откапывали насъ потомъ весь день; и наконецъ, какой-то мрачный апрѣльскій день, когда среди нашего двора внезапно появился человекъ въ одномъ сюртучкѣ, весь развѣвающийся и перекошенный отъ студенаго вѣтра, который гналъ его, несчастнаго, кривоногаго, какъ-то жалко прихватившаго рукой картузь на голову, а другой неловко зажавшаго на груди этотъ сюртучекъ... Въ общемъ же, повторяю, раннее дѣтство представляется мнѣ только лѣтними днями, радость которыхъ я почти неизмѣнно дѣлилъ сперва съ Олей, а потомъ съ мужицкими ребяташками изъ Выселокъ, деревушки въ нѣсколько дворовъ, находившейся за Проваломъ, въ верстѣ отъ насъ.

Бѣдная была эта радость, почти столь же бѣдная, какъ и та, что испыталъ я отъ ваксы, отъ плеточки. Всѣ человѣческія радости бѣдны, есть въ насъ кто-то, кто внушаетъ намъ порой горькую жалость къ самимъ себѣ. Но, быть можетъ, жалостнѣе всего наши дѣтскія, отроческія радости, мечты, надежды: вѣдь какъ невинно, какъ беззавѣтно довѣрчивы мы въ эти дни къ жизни! Вотъ я въ первый разъ и на такой невѣроятно короткій срокъ пришелъ на землю. А межъ тѣмъ какими радостями радовался я на утрѣ дней своихъ?

Край безъ исторіи, безъ всякихъ слѣдовъ былой жизни, какъ и вся почти безмѣрная родина наша. Ни горъ, ни рѣкъ, ни озеръ, ни лѣсовъ, — только кустарники въ ло-

щинахъ, кое-гдѣ перелѣски и лишь изрѣдка подобіе лѣса, какойнибудь Заказъ, Дубровка, а то все поля, поля, безпредѣльный океанъ хлѣбовъ. Это не степь, гдѣ на сотни верстъ уходитъ взглядъ въ голубыя дали, гдѣ пасутся овечьи отары въ десятки тысячъ головъ, гдѣ по часу ѣдешь по селу, по станицѣ, дивясь ихъ бѣлизнѣ, чистотѣ, многолюдству, богатству, вольному и веселому размаху жизни. Это только Подстепье, гдѣ поля волнисты, гдѣ все буераки да косогоры, неглубокіе луга, чаще всего каменистые, гдѣ деревушки и лапотные обитатели ихъ кажутся забытыми Богомъ, — такъ они неприхотливы, первобытно-просты, родственны своимъ лозинамъ и соломѣ. И вотъ я расту, познаю міръ и жизнь въ этомъ глухомъ и все же прекрасномъ краю, въ долгіе лѣтніе дни его. И, кажется, одна изъ самыхъ первыхъ картинъ той поры такова: жаркій полдень, бѣлыя облака плывутъ въ синемъ небѣ, дуетъ вѣтеръ, то теплый, то совсѣмъ горячій, несущій солнечный жаръ и ароматы нагрѣтыхъ хлѣбовъ и травъ, а тамъ, въ полѣ, за нашими старыми хлѣбными амбарами, — они такъ стары, что толстыя соломенные крыши ихъ сѣры и плотны на видъ, какъ камень, а бревенчатыя стѣны стали сизыми, — тамъ зной, блескъ, іюньское богатство и роскошь свѣта, жизни и, отливая тусклымъ серебромъ, безъ конца бѣгутъ, бѣгутъ по косогорамъ волны неогляднаго, уже высокаго и густого ржаного моря. Онѣ лоснятся, переливаются и бѣгутъ, бѣгутъ, сами радуясь своей густотѣ, буйности, и бѣгутъ по нимъ тѣни облаковъ, и бѣжитъ гдѣ-то тамъ, по межамъ среди нихъ, «верховой казакъ, молодой курьеръ» . . .

Потомъ оказалось, что среди нашего двора, густо заросшаго кудрявой муравой, есть какое-то древнее каменное корыто, подъ которымъ можно прятаться другъ отъ друга, разувшись и бѣгая бѣлыми босыми ножками (которыя нравятся даже самому себѣ своей бѣлизной) по этой зеленой кудрявой муравѣ, сверху отъ солнца горячей, а

ниже прохладной, въ общемъ же дающей истинное наслаждение. А подъ амбарами оказались кусты бѣлены, которой мы съ Олей однажды наѣлись такъ, что насъ отпаивали парнымъ молокомъ: ужъ очень дивно звенѣла у насъ голова, а въ душѣ и тѣлѣ было не только желанье, но и чувство полной возможности подняться на воздухъ и полетѣть куда угодно... Подъ амбарами же нашли мы и многочисленныя гнѣзда крупныхъ бархатно-черныхъ съ золотомъ шмелей, присутствіе которыхъ подъ землей мы угадывали по глухому, яростно-грозному жужжанію, припадая къ землѣ ухомъ, укусы которыхъ были нестерпимы по жгучести, а медъ жиже, но гораздо слаще пчелинаго. А сколько мы открыли горькихъ, но вполне съѣдобныхъ кореньевъ, сколько всякихъ сладкихъ стеблей и зеренъ на огородѣ, въ чащахъ сада, вокругъ риги, на гумнѣ, за людской избой, къ задней стѣнѣ которой вплотную подступали хлѣба и травы!

VI.

За людской избой и подъ стѣнами скотнаго двора росли громадныя лопухи, высокая крапива, — и «глухая», и жгучая, — пышныя малиновыя татарки въ колючихъ вѣнчикахъ, что-то раскидистое, блѣдно-зеленое, называемое козельчиками, и все это имѣло свой особый видъ, цвѣтъ, запахъ и вкусъ. Мальчишка подпасокъ, существованье котораго мы тоже наконецъ открыли, былъ необыкновенно интересенъ: посконная рубашонка и коротенькіе портченки были у него дыра на дырѣ, ноги, руки, лицо высушены, сожжены солнцемъ и лупились, губы болѣли, потому что вѣчно жевалъ онъ то кислую ржаную корку, то лопухи, то эти самыя козельчики, разѣдавшіе губы до настоящихъ язвъ, а острые глаза воровски бѣгали: вѣдь онъ хорошо понималъ всю преступность нашей дружбы съ нимъ и то,

что онъ подбиваль и насъ ѣсть Богъ знаетъ что. Но до чего сладка была эта преступная дружба и всѣ его лохмотья, струпы, болячки и даже «цыпки», то есть та самая чесотка на рукахъ и ногахъ, изъ-за котóрой и запрещали намъ общаться съ нимъ! Какъ заманчиво было все то, что онъ намъ тайкомъ, отрывисто, поминутно оглядываясь, рассказываль! Кромѣ того онъ удивительно хлопаль, стрѣляль, точно изъ пистолета, своимъ длиннымъ кнутомъ и бѣсовски хохоталь, когда пробовали и мы хлопать, пребольно обжигая себя по ушамъ концомъ кнута. И это онъ первый пробудиль во мнѣ, далъ смутно почувствовать что-то стыдное, жуткое: онъ много повѣдалъ мнѣ изъ своихъ наблюдений надъ скотиной, въ полѣ, въ стадѣ...

Но ужъ гдѣ было настоящее богатство всякой земляной снѣди, такъ это между скотнымъ дворомъ и конюшней, на огородахъ. Подражая подпаску, можно было запасть посоленной коркой чернаго хлѣба и ѣсть длинныя зеленыя стрѣлки лука съ сѣрыми зернистыми махорчиками на острияхъ, красную редиску, бѣлую рѣдьку, маленькіе, еще шершавые и бугристые огурчики, которые такъ приятно было искать, шурша подъ безконечными ползучими плетями, лежавшими на разсыпчатыхъ грядкахъ... На что намъ было все это, развѣ голодны мы были? Нѣтъ, конечно, но мы за этой трапезой, сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественнаго, изъ чего созданъ міръ. Помню: солнце пекло все горячѣ траву и каменное корыто на дворѣ, воздухъ все тяжелѣль, тускнѣль, облака сходились все медленнѣе и тѣснѣе и наконецъ стали подергиваться острымъ малиновымъ блескомъ, стали гдѣ-то, въ самой глубокой и звуковой высотѣ своей, погромыхивать, а потомъ гремѣть, раскатываться гулкимъ гуломъ и раздражаться мощными ударами, да все полновѣснѣе, величавѣй, великолѣпнѣе... О, какъ я уже чувствовалъ это божественное великолѣпіе міра и Бога, надъ нимъ царящаго и его создаващаго съ такой

полнотой и силой вещественности! Былъ потомъ мракъ, огонь, ураганъ, обломный ливень съ трескучимъ градомъ, все и всюду металось, трепетало, казалось гибнущимъ, въ домѣ у насъ закрыли и завѣсили окна, зажгли страстную восковую свѣчу передъ черными иконами въ старыхъ серебряныхъ ризахъ, крестились и повторяли: «Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѣ!» Зато какое облегченье настало потомъ, когда все стихло, успокоилось, всей грудью вдыхая невыразимо-отрадную сырую свѣжесть пресыщенныхъ влагой полей, — когда въ домѣ опять распахнулись окна, и отецъ, сидя подъ окномъ кабинета и глядя на тучу, все еще закрывавшую солнце и черной стѣной стоявшую на востокѣ, за огородомъ, послалъ меня выдернуть тамъ и принести ему рѣдку покрупнѣе! Мало было въ моей жизни мгновений, равныхъ тому, когда я летѣлъ туда по облитымъ водой бурьянамъ и, выдернувъ рѣдку, жадно куснулъ ея хвостъ вмѣстѣ съ синей густой грязью, облѣпившей его . . .

А затѣмъ, постепенно смѣлѣя, мы узнали скотный дворъ, конюшню, каретный сарай, гумно, Проваль, Выселки. Міръ все расширялся, становился все вещественнѣй, но все же первое время не люди и не человѣческая жизнь, а растительная и животная больше всего влекли къ себѣ наше вниманье и все еще любимыми нашими мѣстами были тѣ, гдѣ людей не было, а часами — послѣполуденные, когда люди спали. Садъ былъ веселъ, зеленъ, но уже извѣстенъ намъ; въ немъ хороши были только дебри и чащи, птичьи гнѣзда (особенно если въ нихъ, въ этихъ чашечкахъ, сплетенныхъ изъ прутиковъ и устланныхъ чѣмъ-то мягкимъ и теплымъ, сидѣло и зоркимъ чернымъ зернышкомъ смотрѣло что-нибудь пестро окрашенное) да малинники, ягоды которыхъ были несравненно вкуснѣе тѣхъ, что мы ѣли съ молокомъ и съ сахаромъ послѣ обѣда. И вотъ—скотный дворъ, конюшня, каретный сарай, рига на гумнѣ, Проваль . . .

VII.

Всюду была своя прелесть!

На скотномъ дворѣ, весь день пустомъ, съ лѣнливой грубостью скрипѣли ворота, когда мы изъ всѣхъ своихъ силенокъ пріотворяли ихъ, и остро, мерзко, но неотразимо привлекательно воняло навозной жижей и свиными закутами.

Въ конюшнѣ жили своей особой, лошадиной жизнью, заключающейся въ стояньи и звучномъ жеваньи сѣна и овса, лошади. Какъ и когда онѣ спали? Кучеръ говорилъ, что иногда онѣ тоже ложатся и спятъ. Но это было трудно, даже какъ-то жутко представить себѣ, — тяжело и неумѣло ложатся лошади. Это случалось, очевидно, рѣдко и въ какіе-то самые глухіе ночные часы, а обычно лошади стояли въ стойлахъ и весь день въ молоко размалывали на зубахъ овесъ, теребили и забирали въ мягкія губы сѣно, и были онѣ все красавицы, могучія, съ лоснящимися крупами, коснуться которыхъ было большое удовольствіе, съ жесткими хвостами до земли и женственными гривами, съ крупными лиловыми глазами, которыми онѣ порой грозно и дивно косили, напоминая намъ то страшное, что опять таки рассказывалъ кучеръ: что каждая лошадь имѣетъ въ году свой завѣтный день, день Флора и Лавра, когда она норовитъ убить человѣка въ отместку за свое рабство у него, за свою лошадиную жизнь, заключающуюся въ постоянномъ ожиданьи запряжки, въ исполненьи своего страннаго назначенья на свѣтѣ — только возить, только бѣгать... Пахло и здѣсь тоже крѣпко и тоже навозомъ, но совсѣмъ не такъ, какъ на скотномъ дворѣ, потому что совсѣмъ другой навозъ тутъ былъ, и запахъ его мѣшался

съ запахомъ самихъ лошадей, сбруи, гніющаго сѣна и еще чего-то, что присуще только конюшнѣ.

А въ каретномъ сараѣ стояли бѣговыя дрожки, тарантасъ, старозавѣтный дѣдушкинъ возокъ, спаль на полу, на войлокѣ, противъ всегда раскрытыхъ воротъ кучеръ... И экипажи соединялись съ мечтами о далекихъ путешествіяхъ, въ задкѣ тарантаса былъ необыкновенно занятный и таинственный дорожный ящикъ, возокъ тянулъ къ себѣ своей старинной неуклюжестью и тайнымъ присутвіемъ чего-то оставшагося въ мірѣ отъ дѣдушки, былъ непохожъ ни на что теперешнее, а кучеръ, въ своихъ широкихъ вытертыхъ плисовыхъ шароварахъ, въ подкованныхъ сапогахъ и желтой рубахѣ, былъ человѣкомъ совсѣмъ отдѣльнымъ отъ всей прочей дворни, угрюмо сознающимъ свою отдѣльность и вѣчно спящимъ. Отчего онъ всегда спалъ? И отчего такъ любили конюшню ласточки? Непрестанно сновали онѣ черными стрѣлами взадъ и впередъ, то изъ конюшни въ голубой небесный просторъ, то опять въ ея ворота, подъ крышу, гдѣ лѣпили онѣ свои известковыя круглыя и твердыя гнѣздышки, страшно пріятныя своей твердостью, выпуклостью, искусствомъ лѣпки. Часто приходитъ теперь въ голову: «Вотъ умрешь и никогда не увидишь больше неба, деревьевъ, птицъ и еще многого, многого, къ чему такъ привыкъ, съ чѣмъ такъ сроднился и съ чѣмъ такъ жалко будетъ разставаться!» Что до ласточекъ, то ихъ будетъ непремѣнно и очень жалко: какая это милая, ласковая, чистая красота, какое изящество, эти касаточки съ ихъ молніеноснымъ летомъ, съ розово - бѣлыми грудками, съ черно - синими головками и такими же черносиними, острыми, длинными, крестъ накрестъ складывающимися крылышками и неизмѣнно счастливымъ щебетаньемъ! Ворота были всегда открыты, кучеръ всегда спалъ — ничто не мѣшало забѣгать въ каретный сарай когда угодно, по часамъ слѣдить за этими щебетуньями, предаваться мечтѣ поймать какую нибудь изъ нихъ, садиться вер-

хомъ на дрожки, залѣзть въ тарантасъ, въ возокъ и, подпрыгивая, ѣхать куда-нибудь далеко, далеко... Почему съ дѣтства тянетъ человѣка даль, ширь, глубина, высота, неизвѣстное, опасное, то, гдѣ можно размахнуться жизнью, даже потерять ее за что-нибудь или за кого-нибудь? Развѣ это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, «что Богъ далъ», только земля, только одна эта жизнь? Богъ, очевидно, далъ намъ гораздо больше. Вспоминая сказки, читанныя и слышанныя въ дѣтствѣ, до сихъ поръ чувствую, что самыми плѣнительными были въ нихъ слова о неизвѣстномъ и необычномъ. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ невѣдомомъ государствѣ, за тридевять земель... За горами, за долами, за синими морями... Царь-Дѣвица, Василиса Премудрая...»

А рига была плѣнительно-страшна своей сѣрой соломенной громадой, зловѣщей пустотой, обширностью, сумракомъ внутри и тѣмъ, что, если залѣзть туда, нырнувъ подъ ворота, можно заслушаться, какъ шарить, шуршитъ по ней, носится вокругъ нея вѣтеръ; тамъ въ одномъ уголкѣ висѣла запыленная святая дощечка, но говорили, что все таки чортъ по ночамъ прилеталъ туда, и это соединенье — чертей и этой грозной для нихъ дощечки — внушало особенно-жуткія мысли (да внушаетъ и теперь). А Проваль былъ дальше, за ригой, за гумномъ, за обвалившимся овиномъ, за просынымъ полемъ. Это была небольшая, но очень глубокая лощина, съ обрывистыми скатами и знаменитымъ «проваломъ» на днѣ, которое заростало высочайшимъ бурьяномъ и серебристо-сѣдыми верболозами. Это было для меня самое глухое изъ всѣхъ глухихъ мѣстъ на свѣтѣ. Предвечернее солнце стояло высоко, всюду было еще жарко, а тамъ была уже тѣнь, уже свѣжѣло, пахло холодѣющей травой. И какая благословенная и сладостно-сиротливая тишина стояла всегда тамъ! Казалось, сидѣлъ бы въ этой лощинѣ весь вѣкъ, кого-то любя и кого-то жалѣя. Какой прелестный и по виду, и по имени цвѣ-

токъ цвѣлъ въ густой и высокой травѣ на ея скатахъ, — малиновый Богородичный Цвѣтокъ съ коричневымъ липкимъ стеблемъ! И какъ горестно-нѣжно звенѣла въ бурьянѣ своей коротенькой пѣсенкой овсянка! Тю - тю - тю - тю-ю . . .

Никогда ужъ больше не видать мнѣ этой лощины и не слушать овсянки. И уже всѣ, съ кѣмъ я начиналъ, а впоследствии дѣлилъ жизнь, или навѣки исчезли изъ міра, или гдѣ-то тамъ, за тысячи верстъ отъ меня, разъединенные другъ съ другомъ и уже никому, даже и другъ другу не нужные, доживаютъ свои послѣдніе, жалкіе дни . . . Гдѣ теперь хоть этотъ подпасокъ, гдѣ кучеръ? Гдѣ тѣ, что были нашими первыми друзьями на жизненномъ пути, босоногими, пахнущими курной избой, живоглазыми мальчишками изъ Выселокъ?

VIII.

Затѣмъ дѣтская жизнь моя становится обыденнѣе и разнообразнѣе. Я все больше замѣчаю бытъ усадьбы, все чаще бѣгаю въ Выселки, былъ уже въ Рождествѣ, въ Новоселкахъ, у бабушки въ Батуринѣ, на хуторѣ князя, нашего родственника, живущаго совѣмъ по мужицки . . .

Въ усадьбѣ рано утромъ, на восходѣ солнца, съ первымъ щебетаньемъ птицъ въ саду, верхушки котораго уже золотятся, просыпается отецъ. Совершенно убѣжденный, что всѣ должны просыпаться вмѣстѣ съ нимъ, онъ громко кашляетъ, хлопаетъ дверьми, быстро и тяжело, сотрясая половицы, проходитъ по дому, громко кричитъ: «Дашка, самоваръ!» Просыпаемся и мы, съ радостью отъ солнечнаго утра, — другихъ, повторяю, я все еще не хочу или не могу замѣчать, — съ нетерпѣливымъ желаньемъ поскорѣе бѣжать въ вишенникъ, рвать наши любимыя вишни, — наклеванныя птицами и подпеченныя солнцемъ, — ис-

каты на старыхъ, корявыхъ вишневыхъ деревьяхъ, сдирать съ нихъ и ѣсть тугой и прозрачный вишневый клей; иногда утро такъ тихо, свѣжо, что изъ Рождества музыкально доносится благовѣсть, дающій поэтическое чувство росистыхъ полей, за которыми скрыто Рождество, его близости и вмѣстѣ съ тѣмъ отдаленности, Божьяго благословенья, сходящаго на то скромное и благое, что должно быть и снова будетъ нынче, въ должной преемственности мирныхъ сельскихъ дней. А на скотномъ дворѣ, по утреннему, ново, скрипятъ въ это время ворота, оттуда съ ревомъ, визгомъ, хлопаньемъ кнутовъ, выгоняють на сочный утренній кормъ коровъ, свиней, сѣро-кудрявую, плотную, волнующуюся отару овецъ, гонятъ поить на полевой прудъ лошадей, и отъ топота ихъ сильнаго, дружнаго табуна гудить земля, межъ тѣмъ какъ въ людской избѣ и бѣлой кухнѣ уже пылаетъ оранжевый огонь въ печахъ и начинается горячая работа стряпухъ, смотрѣть и обонять которую лѣзутъ подъ окна и на пороги собаки, часто съ визгомъ отъ нихъ отскакивающія . . . Послѣ чая отецъ иногда ѣдетъ со мной на бѣговыхъ дрожкахъ въ поле, гдѣ, смотря по времени, или пашутъ, то есть идутъ и идутъ, качаясь, оступаясь въ мягкой бороздѣ, приноравливая къ натуживающейся лошади и себя, и тяжело скрипящую соху, на подвои которой лѣзутъ сырые пласты земли, разутые, безъ шапокъ, лохматые мужики, или выпалываютъ то просо, то картошки несмѣтныя дѣвки, радующія своей пестротой, бойкостью, смѣхомъ, пѣснями, или на зноѣ косятъ, со свистомъ, размахисто, присѣдая и раскорячиваясь, валятъ густую стѣну жаркой желтой ржи косцы съ почернѣвшими отъ пота спинами, съ растегнутыми воротами, съ ремешками вокругъ головы, — все сильный, отборный народъ, среди котораго всегда есть свои знаменитости, — а слѣдомъ за ними работаютъ граблями и, сгибаясь, наклоняясь, борются съ колкими головастыми снопами, пахнущими разогрѣтой на солнцѣ золотой ржаной соломой,

мнуть ихъ колѣномъ и туго вяжутъ подоткнутыя бабы, чаще всего почему-то беременныя . . . Какой это непередаваемо-очаровательный звукъ, — звукъ натачиваемой косы, по блестящему лезвію которой то съ одной, то съ другой стороны ловко мелькаетъ шершавая отъ песку, обмокнутая въ воду лопаточка! Всегда есть косецъ, который непременно восхититъ — расскажетъ, что онъ чуть-чуть не скосилъ цѣлое перепелиное гнѣздо, чуть-чуть не поймалъ перепелку, пополамъ перехватилъ змѣю. А про бабъ я уже знаю, что иногда онѣ жнутъ и ночью, если ночь лунная, — днемъ слишкомъ сухо, сыплется зерно, — и чувствую поэтическую прелесть этой ночной работы, завидую имъ . . .

Много ли такихъ дней помню я? Конечно, очень мало, утро, которое представляется мнѣ теперь, складывается изъ отрывочныхъ, разновременныхъ картинъ, мелькающихъ въ моей памяти. Полдень я вижу, кажется, одинъ, но зато необыкновенно радостный: жаркое солнце, волнующіе кухонные запахи, бодрое предвкушенье уже готового обѣда у всѣхъ возвращающихся съ поля, — у отца, у загорѣлаго, съ кудрявой рыжей бородой старосты, крупно и валко ѣдущаго на потномъ иноходцѣ подъ высокимъ казацкимъ сѣдломъ, у работниковъ, косившихъ съ косцами и теперь въѣзжающихъ во дворъ на возу подкошенной вмѣстѣ съ цвѣтами на межахъ травы, на которой лежатъ сверкающія косы, и у тѣхъ, что пригнали съ пруда выкупанныхъ, зеркально блещущихъ лошадей, съ темныхъ хвостовъ и гривъ которыхъ струится вода . . . Съ радостью и грустью, съ болью думаю теперь, какъ много было подобныхъ полдней. Въ такой полдень видѣлъ я однажды брата Николая, тоже на возу, на травѣ съ цвѣтами, пріѣхавшаго съ поля съ Сашкой, дѣвкой изъ Новоселокъ. Я уже что-то слышалъ о нихъ на дворнѣ, — что-то непонятное, но почему-то запавшее мнѣ въ сердце. И теперь, увидавъ ихъ вдвоемъ на возу, вдругъ съ тайнымъ восторгомъ почувствовалъ ихъ красоту, юность, счастье. Она, высокая,

худощавая, еще совсѣмъ почти дѣвочка, тонколикая, миловидная, сидѣла съ кувшиномъ въ рукѣ, отвернувшись отъ брата, свѣсивъ съ воза босыя ноги, опустивъ рѣсницы; онъ, въ бѣломъ картузѣ, въ легкой батистовой косовороткѣ, съ растегнутымъ воротомъ, загорѣлый, чистый, юный, держалъ вожжи, а самъ смотрѣлъ на нее сіяющими глазами, что-то говорилъ ей, радостно, любовно улыбаясь...

IX.

Помню еще двѣ-три поѣздки къ обѣднѣ, въ Рождество.

Тутъ, конечно, все необычайно, празднично: рябой кучеръ, въ желтой шелковой рубахѣ и плисовой безрукавкѣ, на козлахъ тарантаса, запряженного тройкой; отецъ съ нѣжнымъ, свѣже-выбритымъ подбородкомъ и по городскому одѣтый, въ дворянскомъ картузѣ съ краснымъ околышемъ, изъ подъ котораго еще мокро чернѣютъ по старинному, косицами начесанные отъ висковъ къ бровямъ волосы; тяжело и пышно наряженная нянька; мать въ какомъ-то красивомъ, легкомъ платьѣ со множествомъ оборокъ; я, напомаженный, въ шелковой рубашечкѣ, съ праздничной напряженностью въ душѣ и тѣлѣ... Мать входитъ въ тарантасъ со страхомъ, — ей всегда казалось, что лошади гдѣ-то подъ гору понесутъ, — отецъ же особенно увѣренно, командиромъ, говоря почему то даже сурово, нахмуриваясь:

— Ну, съ Богомъ!

Въ полѣ уже душно, жарко, дорога среди высокихъ и недвижныхъ хлѣбовъ узка и мѣстами пылитъ, но это-то и хорошо, это-то и есть поѣздка къ обѣднѣ, равно какъ и чувство своего превосходства, барства, когда кучеръ обгоняетъ мужиковъ и бабъ, тоже наряженныхъ и тоже ѣдущихъ къ празднику. Въ селѣ это чувство еще живѣе и смѣ-

шивается съ замираньемъ сердца отъ спуска съ необыкновенно крутой каменистой горы и съ новизной, богатствомъ впечатлѣній: въ селѣ мужицкіе дворы все большіе, зажиточные, съ древними дубами на гумнахъ, съ пасѣками, съ привѣтливыми, но независимыми хозяевами, рослыми, крупными однодворцами, а подъ горой извивается въ тѣни высокихъ лозинъ, усѣянныхъ орущими грачами, глубокая черная рѣчка, особенно, по рѣчному, прохладно пахущая и этими лозинами, и сыростью низины, на которой онѣ растутъ, и какъ будто рыбой. Въ селѣ, на противоположной горѣ, на которую поднимаешься, переѣхавъ каменный затонувшій въ свѣтлыхъ струяхъ мостъ, на выгонѣ передъ церковью — цвѣтистое многолюдство: дѣвки, бабы, гнутые, гробовые старики въ чистыхъ свиткахъ и шляпахъ-черепенникахъ; а въ церкви тѣснота, теплая, пахучая жара отъ этой тѣсноты, отъ пылающихъ свѣчей, отъ солнца, льющагося въ куполь, и опять чувство тайной гордости: мы впереди всѣхъ, мы такъ хорошо, умѣло и чинно молимся, священникъ послѣ обѣдни подаетъ намъ цѣловать пахнущій мѣдью крестъ прежде всѣхъ и кланяется почти подобострастно, — только мать скромна, растрогана, со слезами умиленья на глазахъ. Во дворѣ старика Данилы, ласковаго и гнутаго лѣшаго съ сивыми кудрями, въ длинной рубахѣ, съ коричневой шеей, похожей на потрескавшуюся пробку, мы послѣ обѣдни отдыхали, пили чай съ теплыми лепешками и медомъ, горой наваленнымъ въ деревянную миску, и мнѣ на всю жизнь запомнилось, — оскорбило! — что онѣ однажды взялъ прямо своими черными негнушимися пальцами огромный кусокъ текущаго, тающаго янтарнаго сота и положилъ мнѣ въ ротъ...

Я уже зналъ, что мы стали бѣдные, что отецъ много «промоталъ» въ крымскую кампанію, много проигралъ, когда жилъ въ Тамбовѣ, что онѣ безпечень, безпорядочень въ хозяйствѣ, что онѣ давно «послалъ къ чорту» зна-

комство съ богатыми сосѣдями и часто, понапрасну стараюсь напугать себя, говорить, что у насъ вотъ-вотъ и послѣднее затрещитъ съ молотка; зналъ, что задонское имѣнье уже «затрещало», что у насъ уже нѣтъ его; однако у меня отъ тѣхъ дней все таки сохранилось чувство довольства и благополучія. И я помню веселые обѣденные часы нашего дома, обиліе жирныхъ и сытныхъ блюдъ, зелень, блескъ и тѣнь сада за раскрытыми окнами, много прислуги, много гончихъ и борзыхъ собакъ, лѣзущихъ въ домъ, въ растворенныя двери, много мухъ и великолѣпныхъ бабочекъ . . . Помню, какъ сладко спала вся усадьба въ долгое послѣобѣденное время, а въ предвечернее цѣлыми тазами варили въ саду варенье . . . Я въ это время чаще всего убѣгалъ въ Выселки, къ своимъ Оедьякамъ и Сенькамъ, и оттуда, вмѣстѣ съ ними, или въ Дубнякъ, — корявый лѣсокъ въ лощинѣ возлѣ Выселокъ, всегда сухой и солнечный, съ блестящими сквозь стволы прудами, въ которыхъ мы купались, — или въ поле, на пары, гдѣ стерегли нашу и мужицкую скотину два хрипучихъ, злыхъ старика и нѣсколько веселыхъ пастушатъ. Но я помню и вечернія прогулки съ братьями, которые уже стали брать меня съ собой, ихъ юношескіе восторженные разговоры . . . Помню какую-то дивную лунную ночь, то, какъ неизъяснимо прекрасенъ, легокъ, свѣтелъ былъ подъ луной южный небосклонъ, какъ мерцали въ лунной небесной высотѣ рѣдкія лазурныя звѣзды, и братья говорили, что все это — міры, намъ невѣдомые и, можетъ быть, счастливые, прекрасные, что, вѣроятно, и мы тамъ будемъ когда-нибудь . . . Одно изъ нихъ уже давно нѣтъ въ живыхъ, и гдѣ-то онъ теперь? А отецъ спалъ иногда въ такія ночи не въ домѣ, а на телѣгѣ подъ окнами, на дворѣ: наваливали на телѣгу сѣна, на сѣнѣ стелили постель. Мнѣ казалось, что ему тепло спать отъ луннаго свѣта, льющагося на него и золотомъ сіяющаго на стеклахъ оконъ, что это высшее счастье спать вотъ такъ и всю ночь чувствовать сквозь сонъ этотъ

свѣтъ, миръ и красоту деревенской ночи, родныхъ окрестныхъ полей, родной усадьбы...

Только одно событіе омрачило эту счастливую пору, событіе страшное и огромное. Я хорошо помню необыкновенное впечатлѣнье, которое оно произвело на меня, но, безъ всякаго сомнѣнія, тайное воздѣйствіе его на мою душу было стократно сильнѣе и значительнѣе того, что я помню. Случилось вотъ что. Однажды вечеромъ во весь опоръ влетѣли во дворъ усадьбы пастушата, гнѣвшіе съ поля рабочихъ лошадей, и крикнули, что Сенька на всемъ скаку сорвался вмѣстѣ съ лошадыю въ Проваль, на дно Провала, въ тѣ страшныя заросли, гдѣ, какъ говорили, было нѣчто вроде илистой воронки въ преисподнюю. Работники, братья, отецъ, всѣ кинулись туда, спасать, вытаскивать, и усадьба замерла въ страхѣ, въ ожиданіи: спасутъ-ли? Но сѣло солнце, стало темнѣть, стемнѣло — вѣстей «оттуда» все не было, а когда онѣ пришли, все притихло и поникло еще болѣе: оба погибли — и Сенька, и лошадь, которая упала на него и задавила его своей тяжестью, барахтаясь, борясь за жизнь, а на послѣдокъ и сама задохнулась... Помню страшныя слова: надо немедленно дать знать становому, послать стеречь «мертвое тѣло»... Почему такъ страшны были они, эти совершенно для меня новыя, даже не совсѣмъ понятныя слова? Значить, я ихъ уже зналъ когда-то? А если такъ, откуда же было мое великое недоумѣніе: что это такое, — то ненужное и ужасное, что произошло въ мѣрѣ?

X.

Это дивило, этому не хотѣлось и нельзя было вѣрить. Въ этой столь нежданной, негаданной, нелѣпо-случайной гибели ребенка вмѣстѣ съ большой, тяжелой лошадыю было что-то не въ мѣру безобразное. Но думаю, что и вся-

кую другую, простую смерть, о которой мнѣ пришлось бы узнать въ ту пору, я запомнилъ бы навѣки.

Люди совсѣмъ не одинаково чувствительны къ смерти. Въ жизни большинства она играетъ все таки небольшую роль. Зато есть разрядъ людей, которые весь вѣкъ живутъ подъ ея знакомъ, съ младенчества имѣютъ обостренное чувство смерти (чаще всего въ силу столь же обостренного чувства жизни). Протопопъ Аввакумъ, рассказывая о своемъ дѣтствѣ, говоритъ: «Азъ же нѣкогда видѣхъ у сосѣда скотину умершу и, той нощи возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть . . . » Такъ вотъ къ подобнымъ людямъ принадлежу и я.

Твердо не могу сказать, но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, полагаю, что я съ особенной чувствительностью слушалъ въ младенствѣ о темныхъ и нечистыхъ силахъ, сущихъ въ мірѣ, и о «покойникахъ», отчасти сродныхъ этимъ силамъ. Я слышалъ, какъ говорили о «покойномъ» дядѣ, о «покойномъ» дѣдушкѣ, о «покойной» красавицѣ-бабушкѣ, умершей въ молодости (и тѣмъ весьма нарушавшей мои представленія о бабушкахъ). Я постоянно слышалъ о томъ, что покойники находятся гдѣ-то «на томъ свѣтѣ», то есть въ какомъ-то очень странномъ мѣстѣ, слышалъ отъ матери зловѣщіе отрывки изъ балладъ Жуковского; и, слушая, приобрѣталъ какія-то непріятныя и недоумѣнные впечатлѣнія, боязнь темныхъ комнатъ, чердака, глухихъ ночныхъ часовъ, чертей и привидѣній, иначе говоря, все тѣхъ-же покойниковъ, оживающихъ и бродящихъ по ночамъ.

Когда и какъ приобрѣлъ я вѣру въ Бога, понятіе о Немъ, ощущеніе Его? Думаю, что вмѣстѣ съ понятіемъ о смерти. Смерть, увы, была какъ-то соединена съ Нимъ (и съ лампадкой, съ черными иконами въ серебряныхъ и вызолоченыхъ ризахъ въ спальнѣ матери). Соединено съ Нимъ было, конечно, и безсмертіе. Богъ въ небѣ, въ не-

постижимой высотѣ и силѣ, въ томъ непонятномъ синемъ, что вверху, надъ нами, далеко отъ земли и царствуетъ надъ нею: это вошло въ меня съ самыхъ первыхъ дней моихъ, равно какъ и то, что, не взирая на смерть, у каждого изъ насъ есть душа и что душа эта безсмертна, находится гдѣ-то въ груди и отлетаетъ отъ насъ въ нашъ смертный срокъ на небо, на землѣ же имѣетъ надежнаго и вѣрнаго стража въ дивномъ и прелестномъ образѣ Ангела Хранителя, присутствіе котораго возлѣ себя я чувствовалъ въ тѣ годы такъ живо и съ такой нѣжностью и благодарностью. Но все же смерть оставалась смертью, и я уже зналъ и даже порой со страхомъ чувствовалъ, что на землѣ всѣ должны умереть — вообще еще очень не скоро, но въ частности въ любое время, особенно же наканунѣ Великаго Поста. У насъ въ домѣ, позднимъ вечеромъ, всѣ вдругъ дѣлались тогда кроткими, смиренно кланялись другъ другу, прося другъ у друга прощенья: всѣ какъ-бы разлучались другъ съ другомъ, думая и боясь, какъ бы и впрямь не оказалась эта ночь нашей послѣдней ночью на землѣ. Думалъ такъ и я и всегда ложился въ постель съ тяжелымъ сердцемъ передъ могущимъ быть въ эту роковую ночь Страшнымъ Судомъ, грознымъ Вторымъ Пришествіемъ и, что хуже всего, «возстаніемъ всѣхъ мертвыхъ». А потомъ начинался Великій постъ, — цѣлыхъ шесть недѣль отказа отъ жизни, отъ всѣхъ ея радостей. А тамъ — Страстная недѣля, когда умиралъ даже Самъ Спаситель...

На Страстной, среди предпраздничныхъ хлопотъ, всѣ, хотя и предвкушали грядущую радость, тоже грустили и сугубо постились, говѣли, — даже отецъ тщетно старался грустить и говѣть, — и я уже зналъ, что въ пятницу поставятъ предъ алтаремъ въ рождественской церкви то, что называется плащаницей и что такъ страшно описывали мнѣ, въ ту пору еще никогда не видѣвшему ея, мать и нянька. Въ Чистый четвергъ, когда даже воронъ купаетъ на ранней ут-

ренной зарѣ на краю прорубей или колодцевъ своихъ черныхъ воронятъ, — картина, которую я мысленно видѣлъ очень живо, — въ церкви исповѣдывались и причащались, обрѣтая тѣмъ на нѣкоторое время почти неземную чистоту; но мысль о плащаницѣ, объ этомъ черномъ образѣ смерти, все болѣе и болѣе угнетала меня. Къ вечеру Великой субботы домъ нашъ свѣтился предѣльной чистотой, какъ внутренней, такъ и внѣшней, благодной и счастливой, тихо ждущей въ своемъ благообразіи Христова праздника, Христова пречистаго посѣщенья. И вотъ праздникъ наступалъ, — ночью съ Субботы на Воскресенье въ мірѣ совершался нѣкій дивный переломъ, Христось побѣждалъ смерть и торжествовалъ надъ нею. Къ заутренѣ насъ не возили, но все же мы просыпались съ чувствомъ этого благодѣтельнаго перелома, такъ что, казалось бы, дальше не должно было быть мѣста никакой печали. Однако она даже и тутъ была, даже въ Пасхѣ. Вечеромъ въ тихихъ и розовыхъ весеннихъ поляхъ слышалось отдаленное, но все приближавшееся и все повторявшееся съ радостной настойчивостью: «Христось воскресе изъ мертвыхъ» — и черезъ нѣкоторое время показывались «Христоносцы», молодые мужики безъ шапокъ и въ бѣлыхъ подпояскахъ, высоко несшіе огромный крестъ, и дѣвки въ бѣлыхъ платкахъ, которыя несли въ чистыхъ полотенцахъ церковныя иконы. Они шли съ торжествующимъ пѣніемъ, входили во дворъ и наконецъ, дойдя до крыльца, радостно и взволнованно, съ сознаньемъ честь честью завершеннаго дѣла, замолкали, затѣмъ братски, какъ равные съ равными, цѣловались со всѣми нами мягкими и теплыми, очень пріятными молодыми губами и осторожно вносили крестъ и иконы въ домъ, въ залъ, гдѣ въ тонкомъ полусвѣтѣ весенней зари мерцала въ главномъ углу лампадка, и ставили иконы на сдвинутые подъ лампадку столы, на новыя красивыя скатерти, а крестъ на стулъ, въ мѣру съ рожью. Какъ прекрасно было все это! Но, увы, было и грустно и жутко

немного. Все было хорошо, успокоительно, лампадка въ весеннемъ чуть зеленѣющемъ сумракѣ горѣла такъ нѣжно, миротворно. А все таки было во всемъ этомъ и что-то церковное, Божественное и потому опять соединенное съ чувствомъ смерти, печали. И не разъ видаль я съ какимъ горестнымъ восторгомъ молилась въ этотъ уголь мать, оставшись одна въ залѣ и опустившись на колѣни передъ лампадкой, крестомъ и иконами . . . О чемъ скорбѣла она? И о чемъ вообще всю жизнь, даже и тогда, когда, казалось, не было на то никакой причины, горевала она, часами молилась по ночамъ, плакала порой въ самые прекрасные лѣтніе дни, сидя у окна и глядя въ поле? «Молодой курьеръ» несъ ей милую вѣсточку отъ любимаго сына, а она плакала . . . О чемъ? О томъ, что душа ея полна любви ко всему и ко всѣмъ и особенно къ намъ, ея близкимъ; роднымъ и кровнымъ, и о томъ, что все проходитъ и пройдетъ навсегда и безъ возврата, что въ мѣрѣ есть разлуки, болѣзни, горести, несбыточные мечты, неосуществимыя надежды, невыразимыя или невыраженные, нераздѣленные чувства — и смерть . . .

Все это я говорю затѣмъ, чтобы сказать, что не Сенька, конечно, далъ мнѣ первое понятіе о смерти. Я и до Сеньки зналъ и въ извѣстной мѣрѣ чувствовалъ ее. Однако это благодаря ему почувствовалъ я ее въ первый разъ въ жизни по настоящему, почувствовалъ ея вещественность, то, что она наконецъ коснулась и насъ. Я впервые ощутилъ тогда, что она порой находитъ на мѣрѣ истинно какъ туча на солнце, вдругъ обезцѣнивая всѣ наши «дѣла и вещи», лишая насъ интереса къ нимъ, чувства законности и смысла ихъ существованія, все покрывая печалью и скукой. Она въ тотъ памятный вечеръ возстала изъ-за гумна, изъ-за риги, со стороны Провала. И долго, долго чудилось мнѣ потомъ что-то очень темное, тяжкое и даже какъ будто гадкое въ той сторонѣ, и все, о чемъ бы я ни думалъ, чтобы я ни видѣлъ, связывалось у меня съ Сенькой. Я то-

мился бесплодными вопросами: что случилось съ нимъ послѣ того, какъ его задавило, и что онъ теперь такое, и почему именно въ этотъ вечеръ погибъ онъ? Я безсильно грустилъ, что онъ не увидитъ вмѣстѣ съ нами вновь наступающей осени...

Но дни шли, Сенька понемногу забывался и наконецъ совсѣмъ забылся, — безслѣдно и навсегда, какъ казалось тогда. И жизнь моя все продолжала обогащаться и шириться.

XI.

Дни шли, слагались въ недѣли, мѣсяцы, осень смѣняла лѣто, зима осень, весна зиму... Но что могу я сказать о нихъ? Я только знаю, что все это было, а помню опять таки очень немного, — лишь кой-какія частности, иногда весьма значительныя, иногда мелкія, запомнившіяся неизвестно почему, да нѣчто общее: то, что незамѣтно вступилъ я въ жизнь уже сознательную и что эти годы дали мнѣ рѣзко разнородныя впечатлѣнья: много свѣтлыхъ, но много и очень темныхъ, пронзительныхъ, жестокихъ.

Помню: однажды, вбѣжавъ въ спальню матери, я вдругъ увидалъ себя въ небольшое трюмо въ овальной рамѣ орѣховаго дерева, стоявшее напротивъ двери, — и на минуту заплулся: на меня съ удивленьемъ и даже нѣкоторымъ страхомъ глядѣлъ уже довольно высокій, стройный и худощавый мальчикъ въ коричневой косовороткѣ, въ черныхъ люстриновыхъ шароварахъ, въ обшарпанныхъ, но ловкихъ козловыхъ сапожкахъ. Много разъ, конечно, видалъ я себя въ зеркалѣ раньше и не запоминалъ этого, не обращалъ на это вниманья. Почему же обратилъ теперь? Очевидно, потому, что былъ удивлень и даже слегка испуганъ той перемѣной, которая съ какихъ то поръ, — можетъ быть, за одно лѣто, какъ это часто бываетъ, — произошла во мнѣ и которую я наконецъ внезапно от-

крыль. Не знаю точно, когда, въ какое время года это случилось и сколько мнѣ было тогда лѣтъ. Полагаю, что случилось осенью, судя по тому, что, помнится, загаръ мальчика въ зеркалѣ былъ блѣдный, такой, когда онъ сходитъ, выцвѣтаетъ, и что былъ я, должно быть, лѣтъ семи, а болѣе точно знаю только то, что мальчикъ мнѣ понравился своей стройностью, красиво вьющимися и выгорѣвшими на солнцѣ волосами, пріятнымъ и живымъ выраженьемъ лица — и что произошло нѣсколько испуганное удивленье. Въ силу чего? Очевидно, въ силу того, что я вдругъ увидалъ (какъ посторонній) свою привлекательность, — въ этомъ открытіи было, неизвѣстно почему, даже что - то грустное, — свой уже довольно высокій ростъ, свою худощавость и свое живое, осмысленное выраженье: внезапно увидалъ, однимъ словомъ, что я уже нѣ ребенокъ, смутно почувствовалъ, что въ жизни моей наступилъ какой-то переломъ и, можетъ быть, къ худшему . . .

И такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Преимущественное запоминаніе только однихъ счастливыхъ часовъ приблизительно съ тѣхъ поръ кончилось, — что уже само по себѣ означало, конечно, не малое, — и совпало это съ нѣкоторыми опять совсѣмъ новыми и дѣйствительно нелегкими познаніями, мыслями и чувствами, пріобрѣтенными мною на землѣ. Я вскорѣ послѣ того узналъ одного замѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка, вошедшаго въ мою жизнь, и началъ съ нимъ свое ученье. Я перенесъ первую тяжелую болѣзнь. Пережилъ смерть Нади, потомъ смерть бабушки . . . И многое, многое другое.

ХІІ.

Человѣкъ въ сюртучкѣ, неожиданно появившійся однажды на нашемъ дворѣ въ ледяной и ненастный весенній день, появился у насъ снова, — когда именно, не помню,

но появился. И оказался этотъ человѣкъ дѣйствительно несчастнымъ человѣкомъ, только совсѣмъ особаго рода, то есть не просто несчастнымъ, а создавшимъ свое несчастье своей собственной волей, жаждавшимъ его и переносившимъ не только съ какой-то почти свирѣпой бодростью, но даже съ наслажденьемъ, — оказался, словомъ, принадлежащимъ къ тому ужасному разряду русскихъ людей, который я, разумѣется, понялъ какъ слѣдуетъ только въ послѣдствіи, въ годы зрѣлости. Звали его Баскаковымъ, онъ происходилъ изъ богатой и родовитой семьи, былъ уменъ, талантливъ и, слѣдовательно, могъ жить не хуже, если не лучше, многихъ. Однако не даромъ былъ онъ худъ, сутулъ, горбоносъ, темноликъ «точно чортъ», какъ говорили про него: характеръ у него былъ сумасшедшій, бѣшенный, онъ, еще будучи лицеистомъ, съ проклятіями бѣжалъ изъ дому послѣ какой-то ссоры съ отцемъ, затѣмъ, когда умеръ отецъ, такъ взбѣсился на брата при раздѣлѣ наслѣдства, что въ клочки порвалъ раздѣльный актъ, плюнулъ брату въ лицо, крикнувъ, что онъ, «когда такое дѣло», знать не желаетъ никакого дѣлежа съ такимъ мерзавцемъ, не беретъ на свою долю ни гроша, и опять и уже навсегда крѣпко хлопнулъ дверью родного дома. Съ тѣхъ поръ и началась его скитальческая жизнь: ни на одномъ мѣстѣ, ни въ одномъ домѣ онъ не могъ ужиться даже нѣсколько мѣсяцевъ. Не ужился онъ и у насъ сначала: вскорѣ послѣ его перваго появленія на нашемъ дворѣ они съ отцемъ чуть не порѣзались кинжалами. Но на второй разъ случилось чудо: Баскаковъ черезъ нѣкоторое время заявилъ, что остается у насъ навѣки, — и прожилъ у насъ цѣлыхъ три года, до моего поступленія въ гимназію. Онъ даже признался, что, относясь вообще къ людямъ только съ презрѣньемъ и ненавистью, онъ горячо полюбилъ всѣхъ насъ, особенно меня. Онъ сталъ моимъ воспитателемъ и учителемъ, и черезъ нѣкоторое время горячо привязался и я къ нему, что и было источникомъ многихъ очень слож-

ныхъ и сильныхъ чувствъ, испытанныхъ мною въ близости съ нимъ.

Повышенная впечатлительность, унаслѣдованная мною не только отъ отца, отъ матери, но и отъ дѣдовъ, прадѣдовъ, тѣхъ весьма и весьма своеобразныхъ людей, изъ которыхъ когда-то состояло русское просвѣщенное общество, была у меня отъ рожденья. Баскаковъ чрезвычайно помогъ ея развитію и, разумѣется, больше всего невольно. Какъ воспитатель и учитель въ обычномъ значеніи этихъ словъ, онъ былъ никуда не годенъ. Онъ очень быстро выучилъ меня писать и читать по русскому переводу Донъ-Кихота, случайно оказавшемуся у насъ въ домѣ среди прочихъ случайныхъ книгъ, а что дѣлать дальше, точно не зналъ, да и не очень интересовался знать. Съ матерью, съ которой, кстати сказать, онъ держался всегда почтительно и тонко, онъ чаще всего говорилъ по французски. Мать посовѣтовала ему выучить меня читать и на этомъ языкѣ. Онъ и это выполнилъ скоро и съ большой охотой, но дальше опять не пошелъ: заказалъ купить въ городѣ кое-какіе учебники, которые я долженъ былъ пройти, чтобы попасть въ первый классъ гимназіи, и сталъ просто засаживать меня учить ихъ наизусть. И вышло такъ, что его большое воздѣйствіе на меня сказалось совсѣмъ въ другомъ. Онъ вообще жилъ очень замкнуто и дико. Онъ иногда бывалъ необыкновенно веселъ, милъ, любезенъ, разговорчивъ, остроуменъ, даже блестящъ, неистощимъ на мастерскіе рассказы. Но большей частью былъ онъ какъ то ѣдко молчаливъ, все что-то думалъ, ядовито усмѣхаясь, зло бормоча и безъ конца поспѣшно шагая, мѣрно и быстро раскачиваясь на своихъ худыхъ, тонкихъ и кривыхъ ногахъ по дому, по двору. Въ это время всякую попытку заговорить съ нимъ онъ обрывалъ или короткой желчной любезностью или просто дерзостью. Но и въ это время онъ совершенно преображался, завидя меня. Онъ тотчасъ же спѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу, цѣловалъ меня въ голову, об-

нималъ за плечо и уводилъ въ поле, въ садъ или усаживался со мной въ укромномъ уголкѣ въ домѣ и начиналъ что-нибудь рассказывать, что-нибудь читать вслухъ, поселяя во мнѣ самыя противоположныя чувства и представляя.

Рассказывалъ онъ, повторяю, превосходно — всегда съ увлеченьемъ, точно и живо, изображая все въ лицахъ, въ жестахъ, быстрыхъ перемѣнахъ голоса. Можно было заслушаться его и тогда, когда онъ читалъ, всегда, по своему обыкновению, прищуривъ лѣвый глазъ, держа въ лѣвой рукѣ и далеко отставивъ отъ себя книгу. А та противоположность чувствъ и представлений, которую онъ поселялъ во мнѣ, проистекала изъ того, что для своихъ рассказовъ онъ чаще всего избиралъ, совсѣмъ не считаясь съ моимъ возрастомъ, все, кажется, наиболѣе горькое и ѣдкое изъ пережитаго имъ, свидѣтельствующее о людской низости и жестокости, а для чтенія — что-нибудь героическое, возвышенное, говорящее о прекрасныхъ и благородныхъ страстяхъ челоуѣческой души, и я, слушая его, то горѣлъ отъ негодованья къ людямъ и отъ мучительной нѣжности къ нему самому, столько отъ нихъ страдавшему, то млѣлъ, замиралъ отъ радостныхъ волненій. Глаза у него были рачьи, близорукіе и всегда красные, какіе-то огненно-каріе, выраженье лица поражало своей напряженностью. И всегда, когда онъ ходилъ или, вѣрнѣе, бѣгалъ, развѣвались его сухіе съ просѣдью волосы и полы неизмѣннаго сюртучка, чрезвычайно старомоднаго. «Не желая никому быть въ тягость», — у него было помѣшательство на этомъ, — онъ курилъ (и безпрестанно) только махорку, спалъ лѣтомъ въ амбарѣ, а зимой въ лакейской, давно упраздненной за отсутствіемъ лакеевъ, а что до пищи, то, кажется, былъ твердо убѣжденъ, что это сущій предразсудокъ, будто люди должны питаться: за столомъ его интересовала только водка да горчица съ уксусомъ. Всѣ истинно дивились, чѣмъ только живъ онъ...

Онъ разсказывалъ мнѣ о томъ, какія случались у него въ жизни жестокія столкновенья «съ негодяями», о Москвѣ, гдѣ онъ когда-то учился, о дремучихъ, медвѣжьихъ лѣсахъ за Волгой, гдѣ онъ одно время долго скитался. Онъ читалъ со мной Донъ-Кихота, Одиссею, русскія былины и сказки, Гоголя, который особенно поразилъ меня «Страшной местию», журналъ «Всемирный путешественникъ», какую-то книгу подъ названьемъ «Земля и люди», Робинзона... Онъ рисовалъ акварелью — и надолго плѣнилъ меня страстной мечтой стать живописцемъ. Я долгое время весь дрожалъ при одномъ взглядѣ на ящикъ съ красками, пачкалъ бумагу съ утра до вечера, часами простаивалъ, глядя на цвѣты, на солнечный свѣтъ и тѣни, на ту дивную, переходящую въ лиловое, синеву неба, которая сквозитъ въ жаркій день противъ солнца въ верхушкахъ деревьевъ, какъ бы купающихся въ этой синевѣ, — и навсегда проникся глубочайшимъ чувствомъ и сознаниемъ истинно-божественнаго смысла и значенія земныхъ и небесныхъ красокъ. Подводя итоги того, что дала мнѣ жизнь, я вижу, что это одинъ изъ важнѣйшихъ итоговъ. Эту лиловую синеву, налитую, сквозящую въ вѣтвяхъ и листьѣ, я и умирая вспомню...

Впрочемъ, вспомню, вѣрно, и многое другое, пережитое мною въ то время.

ХІІІ.

Въ кабинетѣ отца висѣлъ на стѣнѣ старый охотничій кинжалъ. Я видѣлъ, какъ отецъ иногда вытаскивалъ изъ ноженъ его бѣлый клинокъ и отъ скуки теръ его полою венгерки. Потомъ я и самъ дѣлалъ то же самое. Какой сладострастный восторгъ охватывалъ меня тогда при одномъ прикосновеніи къ этой гладкой, холодной, острой стали! Мнѣ хотѣлось поцѣловать, прижать ее къ сердцу — и затѣмъ во что нибудь вонзить, всадить по рукоятку. Отцов-

ская бритва тоже была сталь и еще острѣе, да я почти не замѣчалъ ее. А вотъ при видѣ всякаго стального оружія я до сихъ поръ волнуясь — и откуда они у меня, эти чувства? Я былъ въ дѣтствѣ добръ, нѣженъ и однако съ истиннымъ упоеніемъ зарѣзалъ однажды молодого грача съ перебитымъ крыломъ. Помню, дворъ былъ пустъ, въ домѣ почему-то было тоже пусто и тихо, и вотъ я внезапно увидѣлъ большую и очень черную птицу, которая куда-то спѣшила, бокомъ, неловко, распутивъ повисшее крыло, прыгала по травѣ по направленію къ амбарамъ. Я кинулся въ кабинетъ, схватилъ кинжалъ, выскочилъ въ окно... Грачъ, когда я настигъ его, вдругъ замеръ, съ ужасомъ въ дикомъ блестящемъ глазу откинулся въ сторону, прижался къ землѣ, весь яростно нахохлился и, широко раскрывъ и поднявъ клювъ, ощерясь, зашипѣлъ, захрипѣлъ отъ злобы, рѣшивъ драться со мной, видимо, не на животъ, а на смерть... Убійство, впервые въ жизни содѣянное мною тогда, оказалось для меня цѣлымъ событіемъ, я нѣсколько дней послѣ того ходилъ самъ не свой, втайнѣ моля не только Бога, но и весь міръ простить мнѣ мой великій и подлый грѣхъ ради моихъ великихъ душевныхъ мукъ. Но вѣдь я все таки зарѣзалъ этого несчастнаго грача, отчаянно боровшагося со мной, въ кровь изодравшаго мнѣ руки, и зарѣзалъ съ страшнымъ удовольствіемъ!

А сколько разъ лазилъ я съ Баскаковымъ на чердакъ, гдѣ, по преданіямъ, будто бы валялась какая-то дѣдовская или прадѣдовская сабля? Карабкались мы туда по очень крутой лѣстницѣ, въ полутьмѣ, согнувшись. Такъ же пробирались и дальше, шагая черезъ балки, матицы, груды мусора и пыса, то есть золы, назола. Было по чердачному тепло и душно, пахло остывшимъ дымомъ, сажей, печами. Въ мірѣ было небо, солнце, просторъ, а тутъ — сумракъ и что-то задавленное, скучное, дремотное. Полевой вѣтеръ вольно шумѣлъ вокругъ насъ по крышѣ, а сюда

его шумъ доходилъ глухо, превращаясь въ какой-то иной, колдовской, зловѣщій . . . Сумракъ понемногу рѣдѣлъ, мы обходили кирпичный боровъ и шею трубы и при свѣтѣ, падавшемъ изъ слухового окна, безъ конца шатались взадъ и впередъ, заглядывали подъ балки, подъ косо лежавшія надъ ними пыльные стропила, рыли золу, то сѣрую, то фіолетовую, въ зависимости отъ мѣста, отъ освѣщенія . . . Если бъ нашлась эта сказочная сабля! Я бы, кажется, задохнулся отъ счастья! А межъ тѣмъ на что она мнѣ была? Откуда взялась моя страстная и безцѣльная любовь къ ней?

Впрочемъ, вѣдь и все въ мірѣ было безцѣльно, неизвѣстно зачѣмъ существовало, и я уже чувствовалъ это.

Уставъ отъ бесплодныхъ поисковъ, мы отдыхали. Станный человѣкъ, дѣлившій ихъ со мной, человѣкъ, зачѣмъ-то до тла разорившій свою жизнь и безцѣльно мотавшій ее по свѣту, единственный, кто понималъ мои безцѣльные мечты и страсти, садился на матицу, крутилъ цыгарку и, думая свое, что-то злорадно бормоталъ себѣ подъ носъ, а я стоялъ, глядѣлъ въ слуховое окно. Теперь на чердакѣ было совсѣмъ почти свѣтло, особенно возлѣ окна, и шумъ вѣтра не казался въ немъ такимъ зловѣщимъ. Но все же мы были тутъ сами по себѣ, а усадьба сама по себѣ, и я представлялъ ее себѣ, ея мирно текущую жизнь, какъ посторонній. Въ конюшнѣ все такъ же, какъ и прежде, щелбетами ласточки, хотя кучеръ уже не спалъ тамъ и лошадей стояло всего три, — мы все больше бѣднѣли, даже порой закладывали въ городѣ ризы съ иконъ . . . Работники были въ полѣ, пахали, двоили пары . . . Кухарка кормила возлѣ порога людской избы цыплятъ . . . Корыто посреди двора, уже забытое нами, заростало травой . . . Оля играла въ дѣтской съ Надей . . . Мать и нянька что-нибудь работали, сидя въ дѣтской возлѣ раскрытаго окна . . . Отецъ былъ въ отъѣздѣ, гостилъ и охотился въ имѣнныя какого-то Василя Петровича подъ Воронежомъ, старшій

братъ, проводившій свои каникулы съ нами, лежалъ подъ яблоней въ саду и читалъ какого-то Герцена, а Николай, совсѣмъ бросившій гимназію, былъ вѣрно въ Новоселкахъ, у Сашки, или у своихъ пріятелей, новосельскихъ ребятъ... И я смутно думалъ (вѣрнѣе чувствовалъ):

— Все это я люблю, все это немного грустно почему-то, но все таки очень хорошо, только къ чему все это, зачѣмъ?

Прямо подо мной, въ солнечномъ свѣтѣ, разнообразно круглились сѣро-зеленыя и темно-зеленыя верхушки сада, на которыя такъ странно было глядѣть сверху. Ихъ осыпали оживленнымъ трескомъ воробьи, онѣ, внутри тѣнистыя, сверху стеклянно блестяли подъ солнцемъ, а я глядѣлъ и думалъ: для чего это? Должно быть, для того только, что это очень хорошо. За садомъ и за полями, простиравшимися за нимъ, на самомъ горизонтѣ, синѣло, подобно далекому лѣсу, Батурино, и тамъ неизвѣстно зачѣмъ уже восемьдесятъ лѣтъ жила въ своей старосвѣтской усадьбѣ, въ домѣ съ высочайшей крышей и цвѣтными стеклами, бабушка, мать матери. Лѣвѣе все сіяло въ солнечной пыли; тамъ, за лугами, были Новоселки, то есть лозины, огороды, скудныя мужицкія гумна и рядъ жалкихъ избъ вдоль длинной, всегда пустой улицы... Зачѣмъ существовали тамъ куры, телята, собаки, водовозки, пуньки, пузатые младенцы, зубастыя бабы, красивыя дѣвки, лохматые и скучные мужики? И зачѣмъ уходилъ туда почти каждый день къ Сашкѣ братъ Николай? Только за тѣмъ, что ему было почему-то пріятно видѣть ея ласковое и скромное лицо, милый круглый вырѣзъ бѣлой миткалевой рубашки вокругъ шеи, длинный станъ и босыя ноги... Этотъ вырѣзъ и мнѣ нравился и тоже возбуждалъ нѣсколько томящее, неразрѣшимое чувство: хотѣлось что-то съ нимъ сдѣлать, но было непонятно, что именно и зачѣмъ?

Да, въ тѣ дни больше всего плѣняла таившаяся на чердакѣ сабля. Но нѣтъ-нѣтъ вспоминалась и Сашка, къ ко-

торой я однажды, когда она какъ-то пришла въ усадьбу и, стоя съ опущенной головой у крыльца, что-то робко говорила матери, вдругъ испыталъ что-то особенно сладостное и томящее: первый проблескъ самаго непонятнаго и самаго плѣнительнаго изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ...

XIV.

Донъ-Кихоть, по которому я учился читать, картинки въ этой книгѣ и рассказы Баскакова о рыцарскихъ временахъ совсѣмъ свели меня съ ума. У меня не выходили изъ головы замки, зубчатая стѣны и башни, подъемные мосты, латы, забрала, мечи и самострѣлы, битвы и турниры. Мечтая о роковомъ, какъ первое причастіе, ударѣ палашомъ по плечу колѣнопреклоненнаго юноши съ распущенными волосами, я чувствовалъ, какъ у меня мурашки бѣгутъ по тѣлу. Въ письмахъ Алексѣя Толстого есть такія строки: «Какъ въ Вартбургѣ хорошо! Тамъ даже есть инструменты 12 вѣка. И какъ у тебя бьется сердце въ азиатскомъ мірѣ, такъ у меня забилося и запрыгало сердце въ этомъ рыцарскомъ мірѣ, и я знаю, что я прежде къ нему принадлежалъ». Думаю, что и я когда-то принадлежалъ. Я посѣтилъ на своемъ вѣку чуть-ли не всѣ самые славные замки Европы и, бродя по нимъ, не разъ дивился: какъ могъ я, будучи ребенкомъ, мало чѣмъ отличавшимся отъ любого мальчишки изъ Выселокъ, какъ я могъ, глядя на книжныя картинки и слушая полоумнаго скитальца, кутившаго махорку, такъ вѣрно чувствовать древнюю жизнь этихъ замковъ и такъ точно рисовать себѣ ихъ? Да, я когда-то къ этому міру принадлежалъ. И даже былъ пламеннымъ католикомъ. Ни Аѳинскій Акрополь, ни Баальбекъ, ни Оивы, ни Пестумъ, ни святая Софія, ни старыя церкви въ русскихъ Кремляхъ и до нынѣ несравнимы для меня съ готическими соборами. Какъ потрясъ меня органъ, когда я впервые (въ юноше-

скіе годы) вошелъ въ костель, хотя это былъ всего на всего костель въ Витебскѣ! Мнѣ показалось тогда, что нѣтъ на землѣ болѣе дивныхъ звуковъ, чѣмъ эти грозные, скрежещущіе раскаты, гулъ и громы, среди которыхъ и наперекоръ которымъ вопіють и ликуютъ въ разверстыхъ небесахъ ангельскіе гласы...

А за Донъ-Кихотомъ и рыцарскими замками послѣдовали моря, фрегаты, Робинзонъ, міръ океанскій, тропическій. Ужъ къ этому то міру я несомнѣнно нѣкогда принадлежалъ. Картинки въ Робинзонѣ и во «Всемирномъ путешественникѣ», а вмѣстѣ съ ними большая пожелтѣвшая карта земного шара съ великими пустотами южныхъ морей и точками полинезійскихъ острововъ плѣнили меня уже на всю жизнь. Эти узкія пироги, нагіе люди съ луками и дротиками, кокосовые лѣса, лопасти громадныхъ листьевъ и первобытная хижина подъ ними — все чувствовалъ я такимъ знакомымъ, близкимъ, словно только что покинулъ я эту хижину, только вчера сидѣлъ возлѣ нея въ райской тишинѣ соннаго послѣполуденнаго часа, полнаго тропическаго блеска и недвижнаго зноя. Какія сладкія и яркія видѣнья и какую настоящую тоску по родинѣ пережилъ я надъ этими картинками! Пьеръ Лоти рассказываетъ о томъ «волнующемъ и чудодѣйственномъ», что заключалось для него въ дѣтствѣ въ словѣ «колоніи». Но вѣдь онъ говоритъ: «Il y avait une quantité de choses des colonies chez cette petite Antoinette: un perroquet, des oiseaux de toutes couleurs dans une volière, des collections de coquilles et d'insectes. Dans les tiroirs de sa maman, j'avais vu de bizarres colliers de graines pour parfumer; dans les greniers on trouvait des peaux de bêtes, des sacs singuliers, des caisses sur lesquelles se lisaient encore des adresses de villes des Antilles...» А что же подобное могло быть въ Каменкѣ?

Въ книгѣ «Земля и люди», отпечатанной на плотной розовой бумагѣ, были картинки въ краскахъ, очень цвѣти-

стыя и вполне лубочныя, несомненно. Помню особенно двѣ: на одной была финиковая пальма, верблюдъ и египетская пирамида, на другой — пальма кокосовая, тонкая и очень высокая, косою скать очень длиннаго пятнистаго жираффа, тянушагося своею женственной косоглазой головкой, своимъ тонкимъ, жалоподобнымъ языкомъ къ ея перистой верхушкѣ — и весь сжавшійся въ комокъ, летящій въ воздухѣ прямо на шею жираффу гривастый левъ. Все это — и верблюдъ, и финиковая пальма, и пирамида, и жираффъ подъ пальмой кокосовой, и левъ — было на фонѣ двухъ рѣзко бьющихъ въ глаза красокъ: необыкновенно яркой, густой и ровной небесной сини и ярко-желтыхъ песковъ. И, Боже, сколько сухого зноя, сколько солнца не только видѣлъ, но и всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ я, глядя на эту синь и эту охру, замирая отъ какой-то истинно эдемской радости! Въ тамбовскомъ полѣ, подъ тамбовскимъ небомъ надъ лубочной книжкой, съ такой необыкновенной силой вспомнилъ я все, что я видѣлъ, чѣмъ жилъ когда-то, въ своихъ прежнихъ, незапамятныхъ существованьяхъ, что впоследствии, въ Египтѣ, въ Нубіи, мнѣ оставалось только говорить себѣ: да, да, все это именно такъ, какъ я впервые «вспомнилъ» тридцать лѣтъ тому назадъ!

Была у насъ въ домѣ и еще одна книга съ картинками въ краскахъ — русскія сказки. Но терема, палаты, кремли съ маковками многочисленныхъ церквей, красавицы въ кокошникахъ, миловидные добрые молодцы въ кафтанахъ со стоячими воротами, въ желтыхъ и зеленыхъ сапожкахъ съ загнутыми носками и могучіе, бородатые богатыри въ шишакахъ и кольчугахъ меня мало трогали. Не потому-ли, что зналъ я втайнѣ, чувствовалъ, что все это Русь со-всѣмъ недавно выдуманная? Другое дѣло — міръ явно сказочный: черный дремучій лѣсъ въ нѣкоторомъ царствѣ, дикая избушка на курьихъ ножкахъ, островъ Буянъ въ кольцѣ синяго моря и вѣковой зеленый дубъ на немъ,

Царь-Дѣвица въ небесной лазури на коврь-самолетѣ...
Это говорило о вѣчномъ, о неизмѣнно-прекрасномъ, от-
вѣчало важнѣйшимъ требованьямъ души и оставляло въ
ней неизгладимые слѣды.

XV.

Пушкинѣ, нѣкоторые стихи котораго говорила намъ съ
Олей мать, поразилъ меня своимъ колдовскимъ проло-
гомъ къ «Руслану»:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ...

Казалось бы, какой пустякъ — нѣсколько хорошихъ,
пусть даже прекрасныхъ, на рѣдкость прекрасныхъ сти-
ховъ! А межъ тѣмъ они отравили меня на весь вѣкъ, вошли
во все мое существо, стали одной изъ высшихъ радостей,
пережитыхъ мной на землѣ. Казалось бы, какой вздоръ —
какое-то никогда и нигдѣ не существовавшее лукоморье,
какой-то «ученый» котъ, ни съ того ни съ сего очутившій-
ся на немъ и зачѣмъ то прикованный къ дубу, какой-то
лѣшій, русалки и «на невѣдомыхъ дорожкахъ слѣды неви-
данныхъ звѣрей». Но очевидно, въ томъ-то и дѣло, что
вздоръ, пьяный вымыселъ, нѣчто крайне нелѣпое, небы-
валое, а не что-нибудь разумное, подлинное; въ томъ-то и
сила, что и надъ самимъ стихотворцемъ колдовалъ кто-то
неразумный, хмельной и «ученый» въ хмельномъ дѣлѣ:
чего стоитъ одна эта ворожба кругообразныхъ, непрестан-
ныхъ движеній («и днемъ и ночью котъ ученый все хо-
дить по цѣпи кругомъ») и эти «невѣдомыя» дорожки, и
«слѣды невиданныхъ звѣрей», — только слѣды, а не са-
мые звѣри! — и это «о зарѣ», а не на зарѣ, та простота,
точность, яркость начала (лукоморье, зеленый дубъ, зла-

тая цѣль) а потомъ — сонъ, навожденье, многообразіе, путаница, что-то плывущее и мѣняющееся, подобно раннимъ утреннимъ туманамъ и облакамъ какой-то заповѣдной сѣверной страны, дремучихъ лѣсовъ у лукоморья, уже совсѣмъ волшебнаго:

Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны,
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать рыцарей прекрасныхъ
Чредой изъ волнъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской...

Мать знала наизусть и порой говорила намъ съ Олей цѣлыя страницы пушкинскихъ стиховъ, произнося ихъ пѣвуче и мечтательно, на старомодный ладъ, съ милой, слегка томной улыбкой на устахъ. Чаще всего, — вѣрно, всегда вспоминая при этомъ свои институтскіе годы, — она декламировала «Руслана». Но поразили меня, повторяю, только «Прологъ» къ нему. И то же было и съ Гоголемъ, котораго такъ хорошо, горячо, хотя и театрально немного, читалъ мнѣ Баскаковъ: необыкновенное впечатлѣнье произвели на меня «Старосвѣтскіе помѣщики», «Страшная месть», «Тарасъ Бульба», но опять таки лишь нѣкоторыми своими мѣстами да своимъ общимъ высокимъ складомъ и смысломъ. Какія это незабвенныя мѣста! Какъ дивно звучать онѣ для меня и до сихъ поръ, съ дѣтства войдя въ меня безъ возврата, сдѣлавшись для меня дорогими на всю жизнь, оказавшись въ числѣ того самаго важнаго, изъ чего образовался мой, какъ выражался Гоголь, «жизненный составъ»! Эти поющія двери, этотъ «прекрасный» лѣтній дождь, который «роскошно» шумитъ по саду, эти дикіе коты, обитавшіе за садомъ въ лѣсу, гдѣ «старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатые лапы голубей...» Когда я пере-

читываю теперь Гоголя, я, конечно, восторгаюсь имъ, но истинно оживаю я только на этихъ завѣтныхъ строкахъ: до поры до времени все звучитъ прекрасно, только какъ бы подъ сурдинку; но вотъ я дохожу до того, что вошло въ мою душу когда-то — и все сразу мѣняется: какъ будто я отпустилъ педаль, и вдругъ все заплѣло, зазвучало совсѣмъ по иному:

«Шумить, гремитъ конецъ Кіева: есауль Горобецъ празднуетъ свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ есаулу въ гости...»

«Пріѣхалъ и названный братъ есаула, Данило Буруль-башъ, съ другого берега Днѣпра, съ молодою женой Катериною и съ годовымъ сыномъ. Дивились гости бѣлому лицу пани Катерины, чернымъ, какъ нѣмецкій бархатъ, бровямъ, сапогамъ съ серебряными подковами, но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ...»

И дальше:

«Тихо свѣтитъ по всему міру: то мѣсяцъ показался изъ-за горы. Будто дамасскою бѣлою, какъ снѣгъ, кисеею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чашу сосенъ... Посреди Днѣпра плылъ дубъ. Сидятъ впереди два хлопца: черныя козацкія шапки на-бекрень, и подъ веслами, какъ будто отъ огнива огонь, летятъ брызги во всѣ стороны...»

А вотъ Катерина тихо говоритъ съ мужемъ, вытирая платкомъ лицо спящаго на ея рукахъ ребенка: «на томъ платкѣ были вышиты краснымъ шелкомъ листья и ягоды» (тѣ самые, что я вижу, помню и люблю всю жизнь!). Вотъ она «замолчала, потупивши очи въ сонную воду; а вѣтеръ дергалъ воду рябью, и весь Днѣпръ серебрился, какъ волчья шерсть среди ночи...»

Опять дивлюсь: какъ могъ я тогда, въ Каменкѣ, такъ разительно точно видѣть, вызывать въ своемъ воображеніи всѣ эти картины? Я ихъ видѣлъ совершенно такъ

же, какъ видѣль стѣны своей дѣтской! И не странно ли, что съ тѣхъ поръ, не взирая на то, что я видѣль потомъ Днѣпръ при лунѣ сотни разъ воочію, уже ни одна черта не измѣнилась въ нихъ? Вообще, какъ уже различала, угадывала моя дѣтская душа, что хорошо, что дурно, что лучше и что хуже, что нужно и что не нужно ей! Къ одному я былъ холоденъ и забывчивъ, другое ловилъ съ радостью, со страстью, навсегда запоминая, закрѣпляя за собой, — и чаще всего дѣйствовалъ при этомъ съ удивительной вѣрностью чутья и вкуса. Многіе вкусы и способности измѣнились у меня съ тѣхъ поръ, многіе развились, и, конечно, это вполнѣ естественно. Но какъ объяснить, что многіе другіе остались совершенно такими-же, какъ были въ дѣтствѣ, что они и тогда обладали той же силой, что и теперь? Очевидно, мы и не представляемъ себѣ, до какой степени все таки мало мѣняемся мы отъ рожденья до могилы...

«Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломенная кровля: то дѣдовскіе хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного козака...»

Да, вотъ это было мнѣ нужно!

«Хуторъ пана Данила между двумя горами въ узкой долинѣ, сбѣгающей къ Днѣпру. Невысокіе у него хоромы; хата на видъ, какъ у простыхъ козаковъ, и въ ней одна свѣтлица... Вокругъ стѣнъ, вверху, идутъ дубовыя полки. Густо на нихъ стоятъ миски, горшки для трапезы. Есть межъ ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные въ золото, дарственные и добытыя на войнѣ. Ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, копья... Подъ стѣною, внизу, дубовыя гладко вытесанныя лавки; возлѣ нихъ, передъ лежанкою, виситъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо, привинченное къ потолку, люлька. Во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило, на лежанкѣ старая прислуж-

ница; въ люлькѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу покотомъ ночуютъ молодцы...»

Всѣ ужасы, нагроможденные въ этомъ геніальномъ сказѣ, даже не коснулись моей души въ дѣтствѣ. А вотъ эта хата... А потомъ — эпилогъ:

«За пана Степана, князя Семиградскаго, жило два козака: Иванъ да Петро...»

«Страшная месть» пробудила въ моей душѣ то высочайшее чувство, которое вложено въ каждую душу и будетъ жить вовѣки, — чувство священнѣйшей законности возмездія, священнѣйшей необходимости конечнаго торжества добра надъ зломъ и предѣльной безпощадности, съ которой въ свой срокъ зло карается. Это чувство есть несомнѣнная жажда Бога, есть вѣра въ него. Въ минуту осуществленья Его торжества и Его праведной кары оно повергаетъ человѣка въ сладкій ужасъ и трепетъ и разрѣшается бурей восторга какъ бы злораднаго, который есть на самомъ дѣлѣ взрывъ нашей высшей любви и къ Богу, и къ ближнему...

XVI.

Такъ начались мои школьные годы, когда особенно напряженно жилъ я не той подлинной жизнью, что окружала меня, а той, въ которую она для меня преображалась, больше же всего вымышленной.

Подлинная жизнь была очень бѣдна и проста.

Я родился и росъ, повторяю, совсѣмъ въ чистомъ полѣ, котораго даже и представить себѣ не можетъ европейскій человѣкъ, выросшій во Франціи, въ Германіи, въ Италіи, на берегу океана или Средиземнаго моря, въ Альпахъ или Пиренеяхъ, и которое даже и мнѣ самому кажется необыкновенно страннымъ теперь, послѣ всего пережитаго мной за полвѣка моей безконечно-разнообразной жизни,

не оставившей мнѣ отъ прежняго ровно ничего, настолько ничего, что даже удивительно и страшно порой. Правда, великій просторъ, безъ всякихъ преградъ и границъ, окружалъ меня: гдѣ въ самомъ дѣлѣ кончалась наша усадьба и начиналось это безпредѣльное поле, съ которымъ сливалась она? Но вѣдь все таки только поле да небо видѣлъ я, и представленія мои, — подлинныя, а не сказочныя, — о многолюдствѣ селеній и красотахъ природы далѣе Рождества не простирались.

Колоніи! Я зналъ только «колоніальную» лавку рождественскаго мѣщанина Баева. Для меня все колоніальное заключалось въ корицѣ, которой сдабривали на Страстной пасху, да въ черныхъ блестящихъ рожкахъ, приторный вкусъ которыхъ я узналъ, побывавъ въ Рождествѣ на ярмаркѣ, да въ ярлыкахъ (хересь, мадера) на бутылкахъ въ тонкихъ проволочныхъ сѣткахъ, которыми я забавлялся, растягивая ихъ такъ и этакъ, и которыхъ опять стало появляться въ нашемъ домѣ все больше и больше, потому что отецъ опять сталъ запивать все чаще и чаще. Въ Рождествѣ же видѣлъ я и высшую роскошь: въ церкви. Для глаза, привыкшаго только къ хлѣбамъ, травамъ, проселкамъ, дегтярнымъ телѣгамъ, курнымъ избамъ, лаптямъ, посконнымъ рубахамъ, для уха, привыкшаго къ тишинѣ, къ пѣнью жаворонковъ, къ писку цыплятъ, къ кудахтанью куръ, глубокой куполь съ грознымъ сѣдовласымъ Саваофомъ, простершимъ длани надъ сиреневыми клубами облаковъ и надъ своими волнистыми, вѣющими ризами, золотой иконостасъ, образа въ золотыхъ окладахъ, жарко пылающія свѣтлымъ, золотымъ костромъ, косо и обильно наставленныя передъ Праздникомъ и другъ друга растопляющія тонкія восковыя свѣчи, громкое и нестройное пѣнье дьячка и пономаря, ризы священника и дьякона, возгласы и чтенія на языкѣ возвышенномъ и не совсѣмъ понятномъ, поклоны и кажденья ладономъ, его пряный дымъ, густо восходящій изъ кадила, ловко

взлетающего вверхъ и бряцающего серебряными цѣпочками — все казалось царственнымъ, пышнымъ, празднично и торжественно восхищало душу...

Росъ я, кромѣ того, среди крайняго дворянскаго оскудѣнія, котораго опять таки никогда не понять европейскому человѣку, чуждому русской страсти ко всяческому самоистребленію. Эта страсть была присуща не однимъ дворянамъ. Почему въ самомъ дѣлѣ влачилъ нищее существованіе русскій мужикъ, все таки владѣвшій на великихъ просторахъ своихъ такимъ богатствомъ, которое и не снилось европейскому мужику, а свое бездѣлье, дрему, мечтательность и всякую неустроенность оправдывавшій только тѣмъ, что не хотѣли отнять для него лишнюю пядь земли отъ сосѣда помѣщика, и безъ того съ каждымъ годомъ все скудѣвшаго? Почему алчное купеческое стяжаніе то и дѣло прерывалось дикими размахами мотовства съ проклятіями этому стяжанію, съ горькими пьяными слезами о своемъ окаянствѣ и горячечными мечтами по своей собственной волѣ стать Ювомъ, бродягой, босякомъ, юродомъ? И почему вообще случилось то, что случилось съ Россіей, погибшей на нашихъ глазахъ въ такой волшебной краткій срокъ?

Среди моихъ родныхъ и близкихъ еще можно было понять одну нашу мать съ ея слезами, грустью, постами и молитвами, съ ея жаждой, — впрочемъ, ни чуть не болѣзненной, — отрѣшенія отъ жизни: душа ея была въ непрестанномъ и высокомъ религіозномъ напряженіи, царство Божіе она полагала не отъ міра сего и вѣрила всѣмъ существомъ своимъ, что милая, недолгая и печальная земная жизнь есть только приуготовленіе къ иной, вѣчной и блаженной. А всѣ прочіе, то есть наши безпутные сосѣди, родственники, отецъ, Баскаковъ? Что сдѣлалъ съ своей жизнью Баскаковъ, я уже говорилъ. А что дѣлалъ надъ собой, надъ своимъ благосостояніемъ нашъ живой, сильный, благородный, великодушный, но безпечный, какъ пти-

цу, любить; испыталъ переходъ въ какую то совѣтъ осо-
бую сферу, гдѣ съ особой, какъ бы даже противоестествен-
ной силой потрясаетъ тѣло несказанный жаръ и знобъ, а
затѣмъ — цѣлые дни и ночи какъ-бы несуществованія,
иногда только прерываемаго бредомъ, снами, видѣньями,
чаще всего безобразными, нелѣпо-сложными, какъ-бы
сосредоточившими въ себѣ всю тѣлесную грубость міра,
которая, въ распадѣ, въ яростномъ бореніи съ самой со-
бой, гибнетъ среди чего-то горячечнаго, пламеннаго (не-
сомнѣнно, послужившаго для человѣческихъ представле-
ній объ адскихъ мукахъ). Ахъ, какъ помню я эти безконеч-
ныя ночи, когда я уже сталъ одолѣвать смерть, а мои
схватки съ нею все еще длились, когда я дѣлалъ отчаянныя
попытки коснуться все еще ускользавшей отъ меня жизни
— и порою видѣлъ то мать въ образѣ бѣлаго громаднаго
призрака, то, вмѣсто спальни, темный и мрачный оwinъ,
гдѣ, отъ свѣчи, поставленной на полъ за изголовье кроват-
ти, неслись и дрожали въ огненныхъ волнахъ тысячи от-
вратныхъ фигуръ, лицъ, звѣрей, растений! И какой незем-
ной ясностью, тишиной, кроткой радостью, умиленіемъ
долго полна была моя душа послѣ того, какъ я вернулся
изъ этого снисхожденія во адъ на землю, въ ея простую,
милую и уже знакомую юдоль! Почему то въ это время
я съ особеннымъ наслажденіемъ ѣлъ черный хлѣбъ, одинъ
запахъ котораго приводилъ меня въ восторгъ и который,
по деревенской простотѣ и слабости, давали мнѣ почти
безъ отказа...

Затѣмъ умерла Надя — мѣсяца черезъ два послѣ моей
болѣзни, послѣ Святокъ. Святки эти прошли для меня
какъ то странно весело. Отецъ пилъ, и каждый день съ ут-
ра до вечера шло у насъ разливанное море, домъ былъ
полонъ гостей, мелкопомѣстныхъ сосѣдей въ венгеркахъ
и поддевахъ, и меня, — я хорошо это помню, — не поки-
дало чувство счастья, которое какъ-то вызывающе соеди-
нялось съ звуками фортепьяно, на которомъ сумасшедшая

тетя Варя, гостившая у насъ, барабанила безъ отдыха. Мать плакала, говорила, что теперь, когда отецъ опять запилъ, «все пропало», однако тоже была счастлива: высшей ея радостью всегда было то время, когда вся наша семья была въ сборѣ, то есть когда прїѣзжалъ на каникулы братъ Георгій, а онъ на Святки прїѣхалъ. Какъ вдругъ, среди всего этого веселаго безобразія, захворала Надя, передъ тѣмъ особенно бойко топавшая по всему дому крѣпкими ножками и всѣхъ восхищавшая своими синими глазами, криками и смѣхомъ. Шли дни, праздникъ кончился, гости схлынули, братъ уѣхалъ, а она все лежала въ забытьи, горѣла, и въ дѣтской было все то же: завѣшенные окна, полумракъ, свѣтъ лампадки... За что, именно ея радость всего дома, избралъ Богъ? Весь домъ былъ угнетень, подавленъ, даже отецъ все только махалъ рукой, зачѣмъ-то стараясь лишить себя и всѣхъ окружающихъ всякой надежды, и все таки никто не чаялъ, что это томленье такъ внезапно разрѣшится однажды позднимъ вечеромъ крикомъ няньки, вдругъ распахнувшей дверь въ столовую съ дикой вѣстью, что Надя кончается. Да, это потрясающее слово—«кончается»—раздалось для меня впервые позднимъ зимнимъ вечеромъ, въ глуши темныхъ снѣжныхъ полей, въ одинокой усадьбѣ, занесенной сугробами, — въ полной беззащитности. А ночью, когда улеглось сумасшедшее смятенье, на время охватившее послѣ того весь домъ, когда все пришло въ порядокъ (какой-то новый, жуткій), я видѣлъ: въ залѣ на столѣ, въ лампадномъ могильномъ свѣтѣ, лежала недвижная нарядная кукла съ ничего не выражающимъ безкровнымъ личикомъ и неплотно закрытыми черными рѣсницами, въ которой уже было что-то церковное, священное... Болѣе страшной и волшебной ночи не было во всей моей жизни.

А весной умерла бабушка. Стояли чудесные майскіе дни, мать сидѣла возлѣ раскрытаго окна, въ черномъ платьѣ, худая, блѣдная, и что-то шила. Вдругъ изъ-за амба-

ровъ выскочилъ какой-то незнакомый мужикъ, верховой, и что-то ей весело крикнулъ. Мать широко раскрыла глаза и съ легкимъ и какъ будто тоже радостнымъ восклицаньемъ ударила по подоконнику ладонью... Жизнь усадьбы опять была внезапно и рѣзко нарушена. Опять всюду поднялась какая-то особая суматоха,—увы, уже знакомая мнѣ, — работники кинулись запрягать лошадей, мать и отецъ — одѣваться... Насъ, дѣтей, они, слава Богу, съ собой не взяли...

XVIII.

Эта смерть уже не произвела на меня страшнаго впечатлѣнья: я къ этой веснѣ уже крѣпко переболѣлъ смертью. Я тогда оправлялся отъ второго тяжкаго недуга, — того, которымъ сразила меня Надя и который не то закалилъ, не то переломилъ мою душу.

Смерть Нади, первая, которую я видѣлъ воочію, надолго лишила меня чувства жизни, — жизни, которую я только что узналъ! Я вдругъ понялъ, что и я смертенъ, что и со мной каждую минуту можетъ случиться то дикое, ужасное, что случилось съ Надей, и что вообще все земное, все живое, вещественное, тѣлесное очень ненадежно, непременно подлежитъ гибели, тлѣнью, той лиловой чернотѣ, которой покрылись губки Нади къ выносу ея изъ дома. И моя уstraшенная и какъ будто чѣмъ то глубоко опозоренная, оскорбленная душа устремилась за помощью, за спасеньемъ къ Богу. Вскорѣ всѣ мои помыслы и чувства перешли въ одно — въ тайную мольбу къ Нему, въ непрестанную безмолвную просьбу пощадить меня, указать путь изъ той смертной сѣни, которая простерлась надо мной и вокругъ меня во всемъ мірѣ. Но Богъ молчалъ; за него говорилъ тотъ скорбный и единственно спасительный опытъ, который познало че-

ловѣчество на своихъ земныхъ путяхъ и который узаконили и осыяти мудрѣйшіе изъ насъ, — угодники Божіи: имъ Богъ нѣкогда отвѣчалъ, имъ Онъ открывался, ихъ Онъ, за умертвленіе плоти, за отказъ отъ всего тѣлеснаго міра, за безраздѣльную любовь только къ Нему одному, наставилъ до конца, возлюбилъ и успокоилъ въ вѣчномъ и блаженномъ лонѣ Своемъ, совершенно чуждомъ міру и во всемъ ему противоположномъ. Мать на моихъ глазахъ шла за ними, — страстно молилась день и ночь, просила «спасти и помиловать, не лишитъ Царствія Небеснаго», обращаясь и непосредственно къ самому Богу, и къ ихъ помощи, къ ихъ заступничеству и предстательству. Нянька, видя мое томленіе, указывала мнѣ то же убѣжище:

— Поусерднѣй надо Богу молиться, дѣточка. Какъ же святые-то, угодники-то молились, постились, мучили себя, чтобы Богъ имъ помогъ! О Наденькѣ грѣхъ плакать, за нее радоваться надо, — говорила она, плача: — она теперь въ раю, съ ангелами...

И вотъ я вступилъ еще въ одинъ новый для меня и дивный міръ: сталъ жадно, безъ конца читать копеечныя житія святыхъ и мучениковъ, которыя сталъ привозить мнѣ изъ города сапожникъ Павелъ изъ Выселокъ, часто ѣздившій въ городъ за товаромъ для своего ремесла. Странно, — во всѣхъ избахъ у мужиковъ въ Выселкахъ было сухо, тепло и, не смотря ни на что, уютно, пріятно; у одного Павла было скучно, безконечно скучно, — вѣчно сидѣлъ онъ у своего окошечка съ тусклымъ свинцовымъ блескомъ на изможденномъ, зелено-желтомъ лицѣ, въ грязномъ суровомъ фартукѣ, согнувшись и раздергивая драгву надъ перевернутымъ вверхъ сапогомъ безъ подошвы, свѣсивъ къ нему свои желтыя маслянистыя кудри; у одного Павла пахло не только кожей и кислымъ клеємъ, но и сыростью, плѣсенью. Такъ навѣки и соединился у меня запахъ плѣсени съ тѣми тоненькими, крупнымъ шрифтомъ напечатанными книжечками, что я читалъ и перечитывалъ съ та-

кимъ болѣзненнымъ умилениемъ. Этотъ запахъ сталъ даже навсегда дорогимъ мнѣ, живо напоминающимъ ту странную зиму: мои полубезумныя, восторженно-горькія мечты о мученіяхъ первыхъ христіанъ, объ отроковицахъ, растерзанныхъ дикими звѣрями на какихъ то ристалищахъ, о царскихъ дочеряхъ, чистыхъ и прекрасныхъ, какъ Божьи лиліи, и обезглавленныхъ отъ руки собственныхъ лютыхъ родителей, о знойныхъ, безмолвныхъ пустыняхъ, гдѣ, прикрывая свою наготу лишь собственными власами, отросшими до земли, обитали, замаливая свой блудъ въ міру, Марія Египетская, старецъ Герасимъ и гдѣ львы когтями изрывали имъ могилы по ихъ пречистой кончинѣ, о кievскихъ пещерахъ, гдѣ почиють сонмы страсотерпцевъ, ради Господа заживо погребавшихъ себя въ нихъ для слезъ и непрестанныхъ молитвенныхъ трудовъ въ подземномъ мракѣ, полномъ по ночамъ всякихъ ужасовъ, искушеній и надругательствъ отъ дьявола... Я жилъ только внутреннимъ созерцаньемъ этихъ картинъ и образовъ, отрѣшился отъ жизни дома, замкнулся въ своемъ сказочно-святомъ мірѣ, упиваясь своими скорбными радостями, жаждой страданій, самоизнуренія, самоистязанія. Я ходилъ по дому какъ лунатикъ, никого и ничего не видя, не склоняясь ни на какіе уговоры и увѣщанія, даже материнскіе. Я уже зналъ: вѣдь и всѣхъ святыхъ въ ихъ отрочествѣ тоже всегда со слезами и упреками увѣщали ихъ «престарѣлые и благочестивые» родители. Я пламенно надѣялся быть нѣкогда сопричисленнымъ къ лику мучениковъ и выстаивалъ цѣлые часы на колѣняхъ, тайкомъ заходя въ пустыя комнаты, связалъ себѣ изъ веревочныхъ обрывковъ нѣчто вродѣ власяницы, пилъ только воду, ѣлъ только черный хлѣбъ...

И длилось это всю зиму. А къ веснѣ стало понемногу стходить и наконецъ совсѣмъ отошло — какъ то само собой, даже не помню, какъ именно. Пошли солнечные мартовскіе дни, стало пригрѣвать двойныя стекла, по кото-

рымъ поползли ожившія мухи, — трудно было не развлекаться ими среди «земныхъ метаній» и колѣнопреклоненій, уже не дававшихъ прежнихъ, полныхъ и искреннихъ молитвенныхъ восторговъ! Насталъ апрѣль, и въ одинъ особенно солнечный день стали вынимать, съ трескомъ выдирать сверкающія на солнцѣ зимнія рамы, наполняя весь домъ оживленьемъ, беспорядкомъ, всюду соря сухой замазкой и паклей, а затѣмъ распахнули лѣтнія стекла на волю, на свободу, навстрѣчу новой, молодой жизни, и въ комнатахъ запахло свѣжимъ и нѣжнымъ полевымъ воздухомъ, землей, ея мягкой сыростью, послышался важный и томный крикъ уже давно прилетѣвшихъ грачей... Стали по вечерамъ причудливо громоздиться на аломъ, тихо и долго гаснущемъ западѣ синія весеннія тучи, стали заводить свои дремотныя, мечтательныя и успокоительныя трели лягушки на пруду въ полѣ, въ медленно густѣющей весенней темнотѣ, общающей ночью благодатный, теплый дождь... И опять, опять ласково и настойчиво потянула меня въ свои материнскія объятія вѣчно (и не по своей, видно, волѣ) обманывающая насъ земля...

Помню, день, когда умерла бабушка, этотъ долгій день въ опустѣвшей усадьбѣ, былъ тихъ, печалень, мы съ Олей все глядѣли въ сторону Батурина, — тамъ все какъ то нехорошо измѣнилось, пріобрѣло что-то молчаливое и зловѣщее, — но помню и то, что вмѣстѣ съ печалью, тяжестью были въ душѣ и другія чувства: уже пріобрѣтенная мною за зиму и, вѣрно, неизбѣжная, единственно спасительная для человѣка покорность. Я, помню, все хотѣлъ представить себѣ то подлинное, что было теперь тамъ, въ Батуринѣ, а душа противилась, хотѣла претворенья дѣйствительности во что-то другое, хотѣла какого-то умиротворяющаго обмана, и, противъ моей воли, въ ней пѣвуче звучало:

«Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки кре-

стомъ, дали въ руки восковую свѣчу — Афанасій Ивановичъ на все глядѣлъ безчувственно. Множество народа пріѣхало на похороны: длинные столы разставлены были по двору; кутья, наливки, пироги покрывали ихъ кучами. Гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него, но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу понесли наконецъ, народъ повалилъ слѣдомъ... Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли...»

Да, жаворонки кротко пѣли, младенцы бессмысленно плакали, столъ ломился отъ яствъ для жадной трапезы послѣ похоронъ, и Афанасій Ивановичъ глядѣлъ «безчувственно и странно»... Жизнь продолжалась, и онъ «странно» глядѣлъ вокругъ себя. Не понималъ ни жизни, ни этой смерти, ни вообще того, что творится въ мірѣ?

Не понималъ и я, ничего не понималъ — и покорно клонилъ голову...

XIX.

А три мѣсяца спустя я уже носилъ синій картузикъ съ серебрянымъ значкомъ на околышѣ. Просто Алеши не стало, — теперь былъ Арсеньевъ Алексѣй, ученикъ перваго параллельнаго класса такой-то мужской гимназіи.

Къ лѣту отъ тѣлесныхъ и душевныхъ болѣзней, пережитыхъ мной зимою, какъ будто не осталось и слѣда. Мало того — никогда еще, кажется, не чувствовалъ я себя лучше и крѣпче, чѣмъ теперь; кромѣ того, я очень возмужалъ, то есть, говоря точнѣе, совсѣмъ вышелъ изъ дѣтства: сужу такъ потому, что хорошо помню ту уже почти совсѣмъ обычную человѣческую сознательность, которой ознаменовалось для меня это лѣто совсѣмъ въ иной, гораз-

до болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ прежде. И мнѣ было хорошо, спокойно и весело — вполне подстать и веселой сухой погодѣ, которая держалась въ томъ году все лѣто, и легкому настроенью, которое царило во всемъ нашемъ домѣ. Надя уже превратилась — даже и для матери и няньки — только въ прекрасное воспоминанье, въ представленье о младенчески-ангельскомъ образѣ, который пребываетъ и радуется гдѣ-то тамъ, въ вѣчной небесной обители; мать и нянька еще тосковали, часто говорили о ней, но уже какъ-то по иному, чѣмъ прежде, — иногда даже съ улыбками, — онѣ, случалось, и плакали, но опять таки не прежними безнадежно-горькими слезами. Что до бабушки, то она просто забылась; даже болѣе: ея смерть была одной изъ причинъ (сокровенной, конечно,) легкаго настроенья нашего дома: во первыхъ, Батурино принадлежало теперь намъ, что очень поправляло наши дѣла, а, во вторыхъ, осенью предстояло наше переселенье туда, которое втайнѣ тоже всѣхъ радовало, какъ всегда радуется человѣка перемѣна обстановки, связанная съ надеждой на что-то хорошее или, можетъ быть просто съ бессознательными воспоминаньями давняго былого, кочевыхъ временъ.

Отецъ былъ оживленъ, конечно, всѣхъ болѣе. Онъ вѣдь былъ всѣхъ бодрѣе и всѣхъ воспримчивѣе на все пріятное. И его радовало многое: и то, что онъ опять пересталъ пить, и то, что стоитъ хорошая погода, — это на него всегда очень дѣйствовало, — и то, что надо переѣзжать въ новое имѣнье, то есть какъ бы начинать новую жизнь. Радовало его, разумѣется, и наслѣдство бабушки, хотя и очень по своему; его, натуру, весь вѣкъ жаждавшую всяческаго саморазоренья, то есть освобожденья себя отъ всякихъ житейскихъ тягостей и обязательствъ, оно радовало прежде всего надеждой на новое мотовство. Онъ былъ, повторяю, особенно веселъ, безпечень, добродушень и милъ въ это лѣто. А такъ какъ его настроенье всегда очень живо пере-

давалось всему дому, мнѣ же больше всѣхъ, то я чувствовалъ себя вдвойнѣ хорошо.

По рассказамъ матери, мнѣ переданнымъ нянькой, я нарисовалъ себѣ уже подлинную, а не выдуманную картину того, что было въ Батуричѣ, когда мать съ отцомъ такъ поспѣшно прискакали туда: майскій день, уютный дворъ, окруженный старинными службами, старинный деревянный домъ съ деревянными колоннами на двухъ крыльцахъ, за домомъ зеленѣющій во всемъ своемъ майскомъ богатствѣ старинный садъ, темно-синія и багряныя верхнія стекла въ окнахъ зала — и подъ ними, на двухъ сдвинутыхъ столахъ, устланныхъ подъ простыней сѣномъ и косякомъ упирающихся въ главный уголь, аккуратно лежитъ маленькая блѣдная старушка въ бѣломъ чепцѣ съ зубчиками, со сложенными на груди прозрачными ручками, по поясъ прикрытая серебряной парчой, а вокругъ нея желтыми языками горятъ огромныя свѣчи въ церковныхъ под-свѣчникахъ, а у изголовья стоитъ «черничка», очень опрятная пожилая отроковица, и, не поднимая длинныхъ рѣсницъ, однообразно читаетъ наставительнымъ, высокимъ и страннымъ голосомъ, который отецъ съ непріязненной усмѣшкой называлъ серафическимъ... Это слово часто вспоминалось мнѣ лѣтомъ, и я смутно чувствовалъ то жуткое, чарующее и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то непріятное, что заключалось въ немъ. Непріятна была и вся картина, рисовавшаяся мнѣ. Но уже только непріятна — не болѣе. И эта непріятность съ излишкомъ возмѣщалась пріятной, хотя и грѣховной, то и дѣло приходившей въ голову мыслью, что теперь прекрасная бабушкина усадьба стала наша, что это туда приѣду я въ первый разъ на каникулы, — уже, Богъ дастъ, второклассникомъ, — и отецъ выберетъ изъ бывшихъ бабушкиныхъ лошадей и подаритъ мнѣ верховую кобылку, самую рѣзвую, но и самую смирную, которая такъ полюбитъ меня, что будетъ прибѣгать ко мнѣ куда угодно, только я свистну ей.

Было, конечно, не мало и другого, что было неприятно: предчувствіе тяжелой разлуки съ матерью, съ Олей, съ Баскаковымъ и со всѣмъ роднымъ гнѣздомъ, страхъ передъ одинокой, неизвѣстной жизнью у какихъ-то чужихъ, городскихъ людей, страхъ передъ тѣмъ, что называется какой-то гимназіей съ ея строгими и безпощадными учителями въ мундирахъ... Но спасало то, что спасаетъ всегда и всѣхъ,—присущая не только дѣтскому, но и всякому возрасту безпечность, недодумыванье того тяжелого или ужаснаго, что должно быть или уже есть и чему до послѣдней возможности отказываешься вѣрить. То и дѣло сжималось сердце при взглядѣ на мать и Баскакова, у которыхъ, конечно, тоже сжималось сердце при видѣ меня, но сейчас же я съ радостью говорилъ себѣ: все это еще такъ не скоро! — и съ радостью обращался къ тому пріятному, заманчивому, что вѣдь тоже таилось въ моемъ будущемъ: я буду гимназистъ, буду ходить въ формѣ, буду жить въ городѣ, у меня будутъ товарищи, изъ которыхъ я выберу себѣ вѣрнаго друга... Новая, неизвѣстная жизнь, конечно, страшна, но вѣдь сколько въ ней прелести! Больше всего меня ободрялъ и обольщалъ картинами этой новой жизни братъ Георгій, казавшійся мнѣ совсѣмъ необыкновеннымъ существомъ: былъ онъ тогда удивительно красивъ своей юношеской худобой и свѣжестью, чистотой высокаго лба, лучистыми глазами, темнымъ румянцемъ на щекахъ и былъ онъ уже не кто нибудь, а студентъ Императорскаго Московскаго Университета, съ золотой медалью кончившій ту самую гимназію, въ которую вотъ-вотъ долженъ былъ я поступить.

Шестого августа меня повезли наконецъ — на экзамены. Когда послышался подъ крыльцомъ шумъ тарантаса, у матери, у няньки, у Баскакова измѣнились лица, Оля заплакала, отецъ и братья переглянулись съ неловкими улыбками. «Ну, присядемъ», рѣшительно сказалъ отецъ, и всѣ несмѣло сѣли. «Ну, съ Богомъ», черезъ мгно-

веніе еще рѣшительнѣе сказалъ онъ, и всѣ сразу закрестились и встали. У меня отъ страха ослабѣли ноги, и я закрестился такъ усердно и торопливо, что мать со слезами кинулась цѣловать и крестить меня. Но я уже оправился — пока она, плача, цѣловала и крестила меня, я уже думалъ: «А можетъ, Богъ дастъ, я еще и не выдержу . . . »

Но—я выдержалъ. Три года готовили меня къ этому знаменательному дню, а меня только заставили помножить пятьдесятъ пять на тридцать, рассказать, кто такіе были Амаликитяне, попросили «четко и красиво» написать: «снѣгъ бѣлъ, но не вкусенъ» да прочесть наизусть: «Румяной зарею покрылся востокъ . . . » Тутъ мнѣ даже кончить не дали: едва я дошелъ до пробужденія стада «на мягкихъ лугахъ», какъ меня остановили, — вѣрно, учителю (рыжему, въ золотыхъ очкахъ и съ широко открытыми ноздрями) слишкомъ хорошо было извѣстно это пробужденіе, и онъ поспѣшно сказалъ:

— Ну, прекрасно, — довольно, довольно, вижу, что знаешь . . .

Да, братъ былъ правъ: въ самомъ дѣлѣ «ничего особеннаго страшнаго» не оказалось. Все вышло гораздо проще, чѣмъ я ожидалъ, разрѣшилось съ неожиданной быстротой, легкостью, незначительностью. А межъ тѣмъ вѣдь какую дѣйствительно важную черту жизни перешагнулъ я!

Сказочная дорога въ городъ, въ которомъ я не былъ со времени моего перваго знаменитаго путешествія, самый городъ, столь волшебный нѣкогда, — все было теперь уже совсѣмъ не то, что прежде, ничѣмъ не очаровало меня. Гостиницу возлѣ Михаила Архангела я нашелъ довольно невзрачной, — одинъ Богъ знаетъ, откуда взялась у меня такая опытность, — трехъэтажное зданіе гимназіи за высокою оградой, въ глубинѣ большого мощенаго двора, я принялъ какъ нѣчто уже знакомое, хотя никогда еще въ жизни не входилъ я въ такой огромный, чистый и гулкій домъ. Не удивительны, не очень страшны оказались и учи-

теля во фракахъ съ золотыми пуговицами, то огненно-рыжіе, то дегтярно-черные, но одинаково крупные, пухлолицый батюшка въ лиловой шелковой рясѣ, сладко пахнувшей и ладаномъ и табачнымъ дымомъ, и даже самъ директоръ, похожіи на гіену...

Послѣ экзамена намъ съ отцемъ тотчасъ же сказали, что я принять и что мнѣ дается отпускъ до перваго сентября. У отца точно гора съ плечъ свалилась, — только потому, конечно, что онъ страшно соскучился молча сидѣть въ «учительской», гдѣ испытывали мои знанія, — у меня же еще болѣе. Все вышло отлично: и выдержалъ, и цѣлыхъ три недѣли свободы впереди! Казалось бы, ужаснуться долженъ былъ я, съ рожденья до сей минуты пользовавшійся полнѣйшей свободой и вдругъ ставшій рабски несвободнымъ, отпущенный на свободу только на три недѣли, а я и это принялъ какъ должное и почувствовалъ только одно: слава Богу, цѣлыхъ три недѣли! — точно этимъ тремъ недѣлямъ и конца не предвидѣлось. И оба возбужденные, съ необыкновенной легкостью въ душѣ и тѣлѣ, мы вышли изъ воротъ гимназіи и быстро пошли по тротуару, наступая на коричневую, сожженную солнцемъ, пріятно шуршащую листву, которой онъ былъ усѣянъ.

— Ну-съ, зайдемъ теперь поскорѣй къ портному — и обѣдать! — весело сказалъ отецъ, съ особымъ удовольствіемъ закуривая толстую папиросу.

И мы зашли къ какому-то маленькому, короткономому человѣчку, удивившему меня быстротой рѣчи съ вопросительными и какъ будто немного обиженными оттяжками въ концѣ каждой фразы и той ловкостью, съ которой онъ снималъ съ меня мѣрку, потомъ въ «шапочное заведеніе», гдѣ были пыльные окна, нагрѣваемые городскимъ солнцемъ, было душно и тѣсно отъ безчисленныхъ шляпныхъ коробокъ, всюду наваленныхъ въ такомъ беспорядкѣ, что хозяинъ мучительно долго рылся въ нихъ и все что-то сердито кричалъ на непонятномъ языкѣ въ другую

комнату, какой-то женщи́нѣ съ приторно-бѣлымъ и томнымъ лицомъ. Это былъ тоже еврей, но совѣмъ въ другомъ родѣ: старикъ съ крупными пейсами, въ длинномъ сюртукѣ изъ чернаго люстрина, въ люстриновой шапочкѣ, сдвинутой на затылокъ, большой, толстый въ груди и подъ мышками, сумрачный, недовольный, съ огромной и черной, какъ сажа, бородой, росшей отъ самыхъ глазъ, — въ общемъ нѣчто даже страшное, траурное. И это онъ выбралъ мнѣ наконецъ превосходный синій картузикъ, на околышѣ котораго ярко бѣлѣли двѣ серебряныхъ вѣточки. Въ этомъ картузикѣ я и домой вернулся, — на радость всѣмъ и даже матери, на радость очень мнѣ теперь непонятную, ибо совершенно справедливо не разъ говорилъ отецъ:

— И на чорта ему эти Амаликитяне?

XX.

Какъ-то въ концѣ августа отецъ надѣлъ длинные сапоги, подпоясался поясомъ съ патронами, перекинулъ черезъ плечо ягташъ, снялъ со стѣны двустволку, кликнулъ меня, потомъ свою любимицу, каштановую красавицу Джальму, и мы пошли по жнивьямъ вдоль дороги на прудъ — за перепелами.

Отецъ былъ въ одной пестренькой косовороткѣ и въ бѣломъ картузѣ, я, несмотря на жаркую, сухую погоду, конечно, въ своемъ гимназическомъ, который все еще приятно волновалъ меня. Отецъ, рослый, сильный, легко шелъ своимъ твердымъ шагомъ впереди, шурша по желтой щеткѣ жнивья и пуская черезъ плечо дымъ папиросы, я поспѣшалъ сзади, держась правой стороны, какъ полагается по правиламъ охоты, соблюдать которыя мнѣ доставляло большое удовольствіе. Онъ поощрительно, подмигивающе посвистывалъ, и Джальма со сдержанной горячностью, съ радостно-напряженнымъ вниманіемъ, мелко и часто мо-

тая, дрожа тугимъ хвостомъ, вся превратясь въ слухъ, зрѣнье и чутье, быстрымъ, извилистымъ поискомъ тянула передъ нами. Поля были уже пусты, просторны, но еще по лѣтнему свѣтлы и веселы. Горячій вѣтерокъ то совсѣмъ упадаль, — и тогда припекало, слышно было, какъ горячо сипять, часиками стучать, куютъ кузнечики, — то дулъ мягкимъ сухимъ зноемъ, усиливался, летѣлъ мимо насъ и вдругъ игриво взвиваль по наѣзженной за рабочую пору дорогѣ облачко пыли, подхватываль, крутилъ ее и винтомъ, воронкой лихо уносилъ впередъ. Мы однако больше всего слѣдили за Джальмой, однообразно и поспѣшно уходящей отъ насъ, и она незамѣтно уводила насъ за собой все дальше и дальше. Время отъ времени она вдругъ замирала, вся подавшись впередъ, и, поднявъ правую лапу, впивалась глазами въ то, невидимое намъ, что было передъ нею. Отецъ негромко ронялъ: «пиль!» — она кидалась на это невидимое и тотчасъ же — ффрр! — тяжело и неловко (отъ жиру) вырывался изъ-подъ нея крупный кургузый перепелъ и, не успѣвъ пролетѣть и пяти шаговъ, комомъ падаль опять въ жнивье подъ выстрѣломъ. Я бѣжалъ, подбиралъ его, клалъ отцу въ ягташь, и мы продолжали путь.

Такъ прошли мы все ржаное поле, потомъ картофельное, миновали глинистый прудъ, жарко и скудно блестящей своей удлиненой поверхностью вправо отъ насъ, въ лощинѣ среди голыхъ, выбитыхъ скотиной косогоровъ. На нихъ кое-гдѣ какъ то неприютно, на юру, въ раздумьи, сидѣли грачи. Тутъ отецъ поглядѣлъ и сказалъ, что вотъ уже и грачи по осеннему стали собираться на совѣты, подумывать на счетъ отлета, и меня на минуту опять охватило чувство глубокой тоски, близкой разлуки не только съ уходящимъ лѣтомъ, но и со всѣми этими полями, со всѣмъ, что было мнѣ такъ дорого и близко во всемъ этомъ глухомъ и миломъ краю, кромѣ котораго я еще ничего не видалъ на свѣтѣ, въ этой тихой обители, гдѣ такъ мирно и

одинокое цвѣло мое никому въ мірѣ невѣдомое и никому ненужное младенчество, дѣтство . . .

Потомъ мы взяли лѣвѣе, пошли на Заказъ, по межамъ среди необозримой черной пашни, которую скородили. Это было все еще наше поле, и одну борону влекъ по сухимъ комьямъ сухого сѣроватаго чернозема гнѣдой стригунъ, когда-то, еще тонконогимъ сосуномъ, у котораго еще шелковисто кудрявилась рѣпка хвоста, подаренный мнѣ, а теперь безсовѣстно, безъ спросу, безъ моего разрѣшенья, уже пущенный въ работу. Дуль жаркій вѣтерокъ, надъ пашней блестяло августовское солнце, еще какъ будто лѣтнее, но уже какое-то безцѣльное, а стригунъ, уже очень выросшій, высокій, — хотя высокій еще какъ-то странно, по мальчишески, — покорно шелъ по пашнѣ, таща веревочныя постромки, и за нимъ виляла, прыгала рѣшетка бороны, разбивавшая землю косыми желѣзными клевцами, и, неумѣло держа веревочныя вожжи въ обѣихъ рукахъ, ковылялъ подростокъ въ лаптяхъ. И я долго смотрѣлъ на эту картину, опять чувствуя непонятную грусть...

Заказъ былъ довольно большой полевой лѣсъ, принадлежавшій полусумасшедшему помѣщику, который одиноко и враждебно всему міру, точно въ крѣпости, сидѣлъ въ своей усадьбѣ возлѣ Рождества, охраняемой свирѣпыми овчарками, вѣчно судился съ рождественскими и новосельскими мужиками, никогда не сходился съ ними въ цѣнахъ на работу, такъ что нерѣдко случалось, что у него оставались цѣлые косяки хлѣбовъ некошенными или до глубокой осени гнили въ полѣ, а потомъ гибли подъ снѣгомъ тысячи копенъ. Такъ было и теперь. Мы шли къ Заказу по некошеннымъ желтымъ овсамъ, перепутаннымъ и истоптаннымъ скотиной, полегшимъ на землю. Тутъ Джальма подняла еще нѣсколько перепеловъ; я опять бѣгалъ, поднималъ ихъ и мы опять шли дальше, обходя Заказъ по густому просяному полю, шелковисто блестявшему подъ солнцемъ своими коричневыми склоненными къ землѣ ки-

стями, полными зерна, которыя особенно сухо и звонко, бисеромъ, шумѣли подъ нашими ногами. Отецъ разстегнулъ воротъ, раскраснѣлся,—ужасная жара и ужасно пить хочется, пойдѣмъ черезъ лѣсъ, на прудъ, сказалъ онъ. И, перепрыгнувъ черезъ канаву, которая отдѣляла поле отъ лѣсной опушки, мы пошли по лѣсу, вошли въ его августовское, свѣтлое, легкое, уже кое-гдѣ желтѣющее, веселое и прелестное царство.

Птицъ было уже мало, — одни дрозды стаями, съ веселымъ, притворно-яростнымъ взвизгиваньемъ и сытымъ квохтаньемъ, перелетали то тамъ, то сямъ; въ лѣсу было пусто, просторно, лѣсъ былъ не частый, далеко видный насквозь, солнечный. Мы шли то подъ старыми березами, то по широкимъ полянамъ, на которыхъ вольно и свободно стояли могучіе вѣтвистые дубы, уже далеко не такіе темные, какъ лѣтомъ, съ порѣдѣвшей и подсохшей листвою. Мы шли въ ихъ пестрой тѣни, дыша ихъ сухимъ ароматомъ, по скользкой, сухой травѣ и глядѣли впередъ, гдѣ жарко сіяли болѣе открытыя поляны, а за ними канареечно желтѣла и трепетала небольшая чаща молодой кленовой поросли. Когда мы вошли на тропинку, пролегавшую среди этой чащи къ пруду, изъ подсѣда, изъ лапчатыхъ орѣшниковъ, вдругъ съ трескомъ вырвался почти изъ-подъ ногъ у насъ старый золотисто-рыжій вальдшнепъ. Отецъ былъ такъ пораженъ столь раннимъ гостемъ, что даже растерялся, — выстрѣлилъ, разумѣется, мгновенно, но промахнулся. Подивившись, откуда могъ взяться въ такую пору вальдшнепъ, и подосадовавъ на промахъ, онъ подошелъ къ пруду, положилъ ружье, присѣлъ на корячки и сталъ горстями пить. Потомъ, съ удовольствіемъ отдуваясь и вытирая рукавомъ губы, легъ на берегу и закурилъ. Вода въ прудѣ была чистая, прозрачная, особенная лѣсная вода, какъ есть вообще нѣчто особенное въ этихъ одинокихъ лѣсныхъ прудахъ, почти никогда никѣмъ, кромѣ птицы и звѣря, не посѣщаемыхъ. Въ

ея свѣтлой бездонности, похожей на какое-то зачарованное небо, спокойно отражались, тонули верхушки окружавшаго ее березоваго и дубоваго лѣса, по которому съ легкимъ лепетомъ и шорохомъ тянулъ вѣтеръ съ поля. И подъ этотъ шорохъ, лежа съ подставленной подъ голову рукой, отецъ закрылъ глаза и задремалъ. Джальма тоже напилась въ прудѣ, потомъ бухнулась въ него, немножко проплыла, осторожно держа голову надъ водой съ повисшими, какъ лопухи, ушами, и, внезапно повернувъ назадъ, какъ бы испугавшись глубины, быстро выскочила на берегъ и крѣпко встряхнулась, осыпавъ насъ брызгами. Теперь, высунувъ длинный красный языкъ, она сидѣла возлѣ отца, то вопросительно посматривая на меня, то нетерпѣливо оглядываясь по сторонамъ... Я всталъ и безцѣльно побрелъ среди деревьевъ въ ту сторону, откуда мы подходили къ лѣсу по овсяному полю...

XXI.

Тамъ, за опушкой, за стволами, изъ-подъ лиственнаго навѣса, сухо блестя и желтѣя полевой просторъ, откуда тянуло лаской, тепломъ, свѣтомъ, счастьемъ послѣднихъ лѣтнихъ дней. Вправо отъ меня всплывало изъ-за деревьевъ, неправильно и чудесно круглилось на синевѣ, медленно текло и мѣнялось неизвѣстно откуда взявшееся большое бѣлое облако. Пройдя нѣсколько шаговъ, я тоже легъ на землю, на сучки и скользкую траву, среди разбросанныхъ, какъ бы гуляющихъ вокругъ меня свѣтлыхъ, солнечныхъ деревьевъ, въ легкой тѣни двухъ сросшихся березъ, двухъ бѣлоствольныхъ сестеръ въ сѣровой мелкой листвѣ съ сережками, тоже подставилъ руку подъ голову и сталъ смотрѣть то въ поле, сіявшее и ярко желтѣвшее за стволами, то на это облако. Мягко тянуло съ поля сухью, зноемъ, свѣтлый лѣсъ трепеталъ, струился, слы-

шался его дремотный, какъ будто куда-то бѣгущій шумъ. Этотъ шумъ иногда возрасталъ, усиливался, и тогда сѣтчатая тѣнь пестрѣла, двигалась, солнечныя пятна вспыхивали, сверкали и на землѣ и въ деревьяхъ, вѣтви которыхъ гнулись и свѣтло раскрывались, показывая небо...

Что я думалъ, если это только были думы? Я думалъ, конечно, о близкомъ отъѣздѣ въ городъ, о гимназіи, объ удивительныхъ людяхъ, которыхъ я видѣлъ въ ней, которые назывались учителями и принадлежали какъ-бы къ какой-то совѣмъ особой породѣ людей, все назначеніе которыхъ — учить и держать учениковъ въ вѣчномъ страхѣ, и меня опять охватывалъ недоумѣнный ужасъ, зачѣмъ везуть меня въ рабство къ нимъ, разлучаютъ съ роднымъ домомъ, съ Каменкой, съ этимъ веселымъ полевымъ лѣсомъ, и поражала мысль, что все таки этому быть не миновать и что не только я, но и всѣ принимаютъ эту нелѣпость, какъ нѣчто неизбежное, и въ сущности не ужасаются: то есть ужасаются вотъ какъ я — только на минуту, а тамъ опять тотчасъ-же успокаиваются. Потомъ я думалъ о стригунѣ, котораго я видѣлъ въ боронѣ на пашнѣ. Я смутно думалъ приблизительно такъ: да, вотъ какъ все обманчиво на свѣтѣ, — я воображалъ, что стригунъ мой, а имъ распорядились, не спросясь меня, какъ своей собственностью, — и мысль эта на мгновенье возмущала меня, возбуждала чувство стыда, обиды: ну, хорошо же! — мысленно говорилъ я кому-то угрожающе, чувствуя однако свое полное безсиліе какъ нибудь осуществить свою угрозу, — и думалъ дальше: да, вотъ былъ тонконогіи мышастый жеребенокъ, трепетный, пугливый, какъ всѣ жеребята, но и радостный, довѣрчивый, съ ясными черносливыми глазами, привязанный только къ матери, всегда со сдержаннымъ удовольствіемъ и лаской ржавшей при видѣ его, во всемъ же прочемъ безконечно вольный, беззаботный... этого жеребенка мнѣ въ одинъ счастливый день подарили, навсегда отдали въ мое полное распоряженіе, и я ра-

довался на него нѣкоторое время, мечталъ о немъ, о нашемъ съ нимъ будущемъ, о близости, которая не только будетъ, но уже образовалась между нами оттого что мнѣ его подарили, а потомъ сталъ понемногу забывать о немъ — и мудрено-ли, что и всѣ забыли, что онъ мой? Я вѣдь въ концѣ концовъ совсѣмъ забылъ о немъ, — вотъ какъ забуду я, вѣрно, и Баскакова, и Олю, и даже, можетъ быть, отца, котораго я сейчасъ такъ люблю, съ которымъ такое счастье ходить на охоту, да забуду и всю Каменку, гдѣ мнѣ знакомъ и дорогъ каждый уголокъ... И прошло два года, — точно ихъ и не бывало никогда! — и гдѣ онъ теперь, этотъ глупый и безпечный жеребенокъ? Есть трехлѣтокъ, стригунъ — и гдѣ его прежняя воля и свобода? Вотъ онъ уже ходитъ въ хомутъ по пашнѣ, таскаетъ за собой борону — и это уже навсегда: навсегда прощай теперь его воля! И развѣ не случилось и со мной того же, что съ этимъ жеребенкомъ?

Послѣдняго я, конечно, не могъ думать такъ точно. Но я хорошо помню ту грусть, съ которой я думалъ о жеребенкѣ и порой любовался своимъ новенькимъ темносинымъ картузикомъ съ вѣточками изъ бѣлаго серебра на околышѣ...

На что мнѣ были Амаликитяне? Я то и дѣло ужасался и дивился, но что жъ я могъ? Облако изъ-за березъ блистало, бѣлѣло, все мѣняя свои очертанья... Могло-ли оно не мѣняться? Свѣтлый лѣсъ струился, трепеталъ, съ дремотнымъ лепетомъ и шорохомъ убѣгалъ куда-то... Куда, зачѣмъ? И можно-ли было остановить его? И я закрывалъ глаза и смутно чувствовалъ: все сонъ, непонятный сонъ! И городъ, который гдѣ-то тамъ, сзади, за лѣсомъ, за далекими полями, и въ которомъ мнѣ быть не миновать, и мое будущее въ немъ, и мое прошлое въ Каменкѣ, и этотъ свѣтлый предъосенній день, уже склоняющійся къ вечеру, и я самъ, и мои мысли, мечты, чувства — все сонъ! Грустный-ли, тяжелый-ли? Нѣтъ, все таки пока счастли-

вый и легкій. Вотъ когда-то, на порогѣ дѣтства, преслѣдовало меня нѣкоторое время одно сновидѣніе: съ безконечной тоской, съ несказанной безнадежностью, съ ужасной болѣзненной подлинностью видѣлъ я безграничное, сверху и снизу и во всѣ стороны пустое пространство и въ немъ, гдѣ-то вдали, вправо отъ меня — кругъ уже краснѣющаго предзакатнаго солнца, чистаго, яснаго, но невыразимо печальнаго, которое, какъ я зналъ, никогда не могло зайти, и видѣлъ вмѣстѣ со всѣмъ этимъ самого себя: одинъ, совершенно одинъ во всей этой довременной пустотѣ, въ незакатномъ, мертвомъ блескѣ этого солнца, я долженъ былъ крѣпко держать во рту и держалъ, сжималъ все крѣпче каменную рыбу... Этотъ сонъ былъ тѣмъ страшнѣе, что я и во снѣ зналъ, что я вижу сонъ, какой-то вѣщій и вѣчный сонъ. Нянька говорила, что это пустяки, — это у васъ, Алешенька, новые зубки рѣжутся, — но я послѣ него все таки весь день ходилъ самъ не свой, мнѣ все казалось, что онъ все еще длится, чувствуется во всемъ мірѣ, что я все еще въ немъ, въ этомъ снѣ, — и меня томила такая отчаянная тоска, которой, вѣрно, не будетъ даже и за гробомъ... Да, вотъ это былъ сонъ, а теперь...

И, какъ бы подтверждая мое отрадное чувство, что теперь все таки совсѣмъ не то, что прежде, въ томъ непонятномъ снѣ общей, человѣческой жизни, въ которую я вступилъ уже безъ возврата, за мной вдругъ тяжело бухнулъ и по всему лѣсу, гремящимъ кольцомъ охватывая его, раскатился выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ послышался особенно яростный взвизгъ и квохтъ, видимо, огромной стаей взлетѣвшихъ дроздовъ и бѣшено-радостный лай Джальмы: стрѣлялъ проснувшійся отецъ. И, сразу забывъ всѣ свои думы, я со всѣхъ ногъ кинулся къ нему — подбирать убитыхъ, окровавленныхъ и еще теплыхъ, сладко пахнувшихъ дичью и порохомъ дроздовъ.

КНИГА ВТОРАЯ

I.

Въ тотъ день, когда я покинулъ Каменку, не понимая, что я покинулъ ее навѣки, когда меня везли въ гимназію, — по новой для меня, Чернавской дорогѣ,—я впервые почувствовалъ поэзію забытыхъ большихъ дорогъ, душу отходящей въ прошлое, въ преданье, русской старины. Большія дороги отживали свой вѣкъ. Отживала и Чернавская. Ея прежнія колеи зарастали травой, старыя ветлы, мѣстами еще стояшія справа и слѣва вдоль ея просторнаго и пустыннаго полотнища, видѣ имѣли одинокій и грустный. Помню одну особенно одинокую и ветхую, ея дуплистый и разбитый грозой остовъ. На ней сидѣлъ, черной головней чернѣлъ большой воронъ, и отецъ сказалъ, очень поразивъ этимъ мое воображенье, что вороны живутъ по нѣсколько сотъ лѣтъ и что, можетъ быть, этотъ воронъ жилъ еще при татарахъ... Въ чемъ заключалось очарованье того, что онъ сказалъ и что я почувствовалъ тогда? Въ ощущеніи Россіи и того, что она моя родина? Въ ощущеніи связи съ былымъ, далекимъ, общимъ, всегда на мгновение расширяющимъ нашу душу, наше личное существованіе, жутко и радостно напоминающимъ нашу причастность къ этому общему?

Онъ сказалъ, что этими мѣстами шелъ когда-то съ низовъ на Москву и по пути до тла разорилъ нашъ городъ самъ Мамай, а потомъ — что сейчасъ мы будемъ проѣз-

жать мимо Становой, большой деревни, еще недавно бывшей знаменитымъ притономъ разбойниковъ и особенно прославившейся какимъ-то Митькой, такимъ страшнымъ душегубомъ, что его, послѣ того, какъ онъ наконецъ былъ пойманъ, не просто казнили, а четверговали. Помню, что какъ разъ въ это время, между Становой и нами, влѣво отъ большой дороги, шелъ еще никогда не видѣнный мной поѣздъ. Вечерѣло, сзади насъ склонялось къ закату солнце и въ упоръ освѣщало эту быстро обгонявшую насъ, бѣгущую въ сторону города какъ бы заводную игрушку — маленькій, но заносчивый паровозикъ, изъ головастой трубы котораго валилъ назадъ хвостъ дыма, и зеленые, желтые и синіе домики съ торопливо крутящимися подъ ними колесами. Паровозъ, домики, возбуждавшіе желанье пожить въ нихъ, ихъ окошечки, блестящія противъ солнца, этотъ быстрый и мертвый бѣгъ колесъ — все было очень странно и занятно; но хорошо помню, что все же гораздо больше влекло меня другое, то, что рисовалось моему воображенію тамъ, за желѣзной дорогой, гдѣ видѣлись лозины таинственной и страшной Становой. Татары, Мамай, Митька... Несомнѣнно, что именно въ этотъ вечеръ впервые коснулось меня сознание, что я русскій и живу въ Россіи, а не просто въ Каменкѣ, въ такомъ-то уѣздѣ, въ такой-то волости, и я вдругъ почувствовалъ эту Россію, почувствовалъ ея прошлое и настоящее, ея сложную, огромную жизнь, ея дикія, порой страшныя и все-же чѣмъ-то плѣняющія особенности и свое родство, близость съ ней...

II

Вообще очень русское было все то, среди чего жилъ я въ мои ранніе годы.

Вотъ хотя бы эта Становая. Впослѣдствіи я, конечно, много разъ бывалъ въ Становой и вполне убѣдился, что

уже давно нѣтъ въ ней никакихъ разбойниковъ. Однако никогда не установилось у меня совсѣмъ простаго взгляда на нее, все казалось, что недаромъ ея обитатели все еще имѣютъ славу прирожденныхъ злодѣевъ. А затѣмъ — пресловутый Становлянский верхъ. Большая дорога возлѣ Становой спускалась въ довольно глубокой логъ, по нашему, верхъ, и это мѣсто всегда внушало почти суевѣрный страхъ всякому запоздавшему проѣзжему, въ какое-бы время года ни проѣзжалъ онъ ее, и не разъ испыталь въ молодости этотъ чисто русскій страхъ и я самъ, проѣзжая подъ Становой. Много было на Чернавскомъ трактѣ славныхъ мѣстъ, — такихъ, гдѣ когда-то, въ свой завѣтный часъ, изъ разныхъ потаенныхъ буераковъ и водомоинъ, выходили подъ дорогу добрые молодцы, чуткимъ ухомъ заслышавъ въ ночной тишинѣ дальній плачь колокольчика или стукъ простыхъ телѣгъ; но Становлянский верхъ славился громче всѣхъ. Ночью возлѣ него всегда невольна замирала душа, и неизвѣстно, что было хуже: гнать-ли лошадей во весь опоръ или вести ихъ шагомъ, ловя малѣйшій звукъ? Все представлялось: глядь, а они и вотъ они — не спѣша идутъ наперерѣзъ тебѣ, съ топориками въ рукахъ, туго и низко, по самымъ кострецамъ подтянутые, съ надвинутыми на зоркіе глаза шапками, и вдругъ останавливаются, негромко и преувеличенно-спокойно приказываютъ: «Постой-ка на минутку, купецъ . . . » И что было страшнѣй: услышать ихъ приказъ въ мирномъ безмолвіи, въ тихомъ сумракѣ лѣтнихъ ночныхъ полей, или сквозь шумъ зимняго вѣтра, слѣпящаго бѣлой вьюгой, или подъ осенними ледяными и острыми звѣздами, въ полусвѣтѣ которыхъ далеко видна чернѣющая окрестъ мертвая земля, и такъ страшно грохочутъ твои собственные колеса по застывшей, какъ камень, дорогѣ?

Послѣ Становой большую дорогу пересѣкало шоссе, и тутъ была застава, шлагбаумъ: тутъ нужно было остановиться и ждать, пока николаевскій солдатъ, выйдя

изъ полосатой будки, освободить такую же полосатую перекладину, и она, звеня цѣпью, медленно потянется оголовкомъ вверхъ (за что нужно было платить казнѣ двѣ копейки дани, которую всѣ проѣзжіе почитали деннымъ грабежомъ). Эта будка, эта перекладина, ихъ траурная полосатость, столѣтній солдатъ съ огромными сѣрыми баками, на разбитыхъ, растоптанныхъ ногахъ — это была Русь сравнительно недавняя, гоголевскихъ, пушкинскихъ временъ. Зато дальше времена опять мѣшались: дорога шла сперва вдоль Бѣглой Слободы, снабжавшей городъ рабочими (мукомолами, кожевниками) и босяками, одинаково славными какъ непомѣрной грубостью, такъ и неслыханнымъ мастерствомъ въ матерной брани, потомъ мимо необозримаго болота нечистотъ, имѣвшаго совершенно непристойное названіе, и наконецъ по шоссе между новымъ зданіемъ острога и древнимъ монастыремъ. Самый городъ тоже гордился своей древностью и имѣлъ на то полное право: онъ и впрямь былъ и есть одинъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городѣвъ, лежитъ среди великихъ черноземныхъ полей Подстепья на той роковой чертѣ, за которой нѣкогда простирались «земли дикія, незнаемыя», а во времена княжествъ Суздальскаго и Рязанскаго принадлежалъ къ тѣмъ важнѣйшимъ оплотамъ Руси, что, по слову лѣтописцевъ, первые вдыхали бурю, пыль и холодъ изъ-подъ грозныхъ азіатскихъ тучъ, то и дѣла: заходившихъ надъ нею, первые видѣли зарева страшныхъ ночныхъ и дневныхъ пожарищъ, ими запаляемыхъ, первые давали знать Москвѣ о грядущей бѣдѣ и первые ложились костями за нее. Въ свое время онъ, конечно, не разъ пережилъ все, что полагается: въ такомъ-то вѣкѣ его «до тла разорилъ» одинъ ханъ, въ такомъ-то другой, въ такомъ-то третій, тогда-то «опустошилъ» его великій пожаръ, тогда-то голодъ, тогда-то моръ и трусь... Вещественныхъ историческихъ памятниковъ онъ при такихъ условіяхъ, конечно, не могъ сохранить. Но старина въ немъ

все же очень чувствовалась, сказывалась въ крѣпкихъ нравахъ купеческой и мѣщанской жизни, въ озорствѣ и кулачныхъ бояхъ его слобожанъ, то есть жителей Черной Слободы, Зарѣчья, Аграмачи, стоявшей надъ рѣкой на тѣхъ желтыхъ скалахъ, которыя поразили меня въ младенчествѣ, и съ которыхъ будто бы сорвался нѣкогда вмѣстѣ со своимъ аргамакомъ какой-то татарскій князь. А какой пахучій былъ этотъ городъ! Чуть не отъ заставы, откуда уже хорошо виденъ былъ онъ со всѣми своими несмѣтными церквами, блестящими вдали въ огромной низменности, уже постепенно пахло: сперва болотомъ съ непристойнымъ названьемъ, потомъ кожевенными заводами, потомъ желѣзными крышами, нагрѣтыми солнцемъ, потомъ Щепной площадью, гдѣ въ базарные дни становъ стояли съѣзжавшіеся на торгъ мужики, а тамъ уже и не разберешь чѣмъ: всѣмъ, что только присуще старому и богатому русскому городу...

III.

Въ гимназіи я пробылъ четыре года, живя нахлѣбникомъ у мѣщанина Ростовцева, то есть въ мелкой и бѣдной средѣ: попасть въ иную среду я не могъ, богатые горожане въ нахлѣбникахъ не нуждались.

Какъ ужасно было начало этой жизни! Уже одно то, что это былъ мой первый городской вечеръ, первый послѣ разлуки съ отцемъ и матерью, первый въ полномъ одиночествѣ да еще въ совершенно новой и убогой обстановкѣ, въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ, въ средѣ до нелѣпости чужой и чуждой мнѣ, съ людьми, которыхъ я, барчукъ, считалъ, конечно, очень низкими и которые однако вдругъ приобрѣли даже нѣкоторую власть надо мной, — уже одно это было ужасно. У Ростовцевыхъ былъ и другой нахлѣбникъ, мой сверстникъ и одноклассникъ,

незаконный сынъ одного батуринскаго помѣщика, рыжій мальчикъ Глѣбочка; но между нами не было въ тотъ вечеръ еще никакихъ отношеній, онъ дико сидѣлъ въ углу, какъ звѣрекъ, попавшій въ клѣтку, дико и упорно молчалъ, со звѣриной недовѣрчивостью поглядывая на меня исподлобья, да и я не спѣшилъ навязываться въ дружбу къ нему — между прочимъ и по той причинѣ, что онъ казался мнѣ не совсѣмъ обыкновеннымъ мальчикомъ, отъ котораго, можетъ, надо было держаться подальше: я еще въ Каменкѣ зналъ, что онъ будетъ жить вмѣстѣ со мной, и однажды слышалъ, какъ нехорошо назвала его наша нянька, разумѣя его незаконное происхожденье. А на дворѣ, какъ нарочно, было сумрачно, къ вечеру стало накрапывать, безконечная каменная улица, на которую я смотрѣлъ изъ окошечка, была мертва, пуста, а на полуголомъ деревѣ за заборомъ противоположнаго дома, горбясь и натуживаясь, не обѣщая ничего добраго, каркала ворона, на высокой колокольнѣ, поднимавшейся вдали за желѣзными пыльными крышами въ ненастное темнѣющее небо, каждую четверть часа нѣжно, жалостно и безнадежно пѣло и играло что-то . . . Отецъ въ такой вечеръ тотчасъ закричалъ бы зажечь огонь, подать самоваръ или прежде времени накрывать на столъ къ ужину, — «терпѣть не могу этого чертоваго унынія!» Но тутъ огня не зажигали до позднихъ сумерокъ, за столъ когда попало не сажались, — тутъ на все знали свой часъ и срокъ. Такъ было и теперь: огонь зажгли, когда уже совсѣмъ стемнѣло и воротился изъ города хозяинъ. Это былъ высокий, стройный человекъ съ правильными чертами смуглаго лица и сухой черной бородой, кое-гдѣ тронутый серебристыми волосами, чрезвычайно скупой на слова, неизмѣнно требовательный и назидательный, на все имѣвшій и для себя, и для другихъ твердыя правила, какой-то «не нами, глупцами, а нашими отцами и дѣдами» разъ навсегда выработанный уставъ благопристойной жизни, какъ домашней,

такъ и общественной. Онъ занимался тѣмъ, что скупалъ и перепродавалъ хлѣбъ, скотину, и потому часто бывалъ въ разбѣздахъ. Но даже и тогда, когда онъ отсутствовалъ, въ его домѣ, въ его семьѣ (состоявшей изъ миловидной и спокойной жены, двухъ тихихъ отроковицъ съ голыми круглыми шейками и шестнадцатилѣтняго сына) неизмѣнно царило то, что было установлено его суровымъ и благороднымъ духомъ: безмолвіе, порядокъ, дѣловитость, предопредѣленность въ каждомъ дѣйстви, въ каждомъ словѣ... Теперь, въ эти грустныя сумерки, хозяйка и дѣвочки, сидя каждая за своимъ рукодѣльемъ, тихо, но строго ждали его къ ужину. И какъ только стукнула наружи калитка, у всѣхъ у нихъ тотчасъ же слегка сдвинулись брови.

— Маня, Ксюша, накрывайте, — негромко сказала хозяйка и, поднявшись съ мѣста, пошла въ кухню.

Онъ вошелъ, спокойно нахмуренный, снялъ въ маленькой прихожей картузь и чуйку и остался въ одной легкой сѣрой поддевки, которая вмѣстѣ съ вышитой косовороткой и ловкими опойковыми сапогами особенно подчеркивала его русскую ладность. Сказавъ что-то сдержанно-привѣтливое женѣ, онъ тщательно вымылъ и туго отжалъ, встряхнулъ руки подъ мѣднымъ рукомойникомъ, висѣвшимъ надъ лоханью въ кухнѣ. Ксюша, младшая дѣвочка, потупивъ глаза, подала ему чистое длинное полотенце. Онъ неспѣша вытеръ руки, съ сумрачной усмѣшкой кинулъ полотенце ей на голову, — она при этомъ радостно вспыхнула, — и, войдя въ комнату, нѣсколько разъ точно и красиво перекрестился и поклонился на образничку въ уголъ...

Первый мой ужинъ у Ростовцевыхъ тоже крѣпко запомнился мнѣ — и не потому только, что состоялъ онъ изъ очень странныхъ для меня кушаній. Подавали сперва похлебку, потомъ, на деревянномъ кругѣ, сѣрые шершавые рубли, одинъ видъ и запахъ которыхъ повергъ меня

въ трепеть и которые хозяйинъ крошилъ, рѣзалъ, беря прямо руками, къ рубцамъ — соленый арбузь, а подь конецъ гречишный крупень съ молокомъ. Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что, такъ какъ я ѣлъ только похлебку и арбузь, хозяйинъ раза два слегка покосился на меня, а потомъ сухо сказалъ:

— Надо ко всему привыкать, барчукъ. Мы люди простые, русскіе, ѣдимъ пряники неписанные, у насъ разнословъ нѣту . . .

И мнѣ показалось, что послѣднія слова онъ произнесъ почти надменно, особенно полноувѣсно и внушительно, — и тутъ впервые пахнуло на меня тѣмъ, чѣмъ я такъ крѣпко надышался въ городѣ впослѣдствіи: гордостью.

IV.

Гордость въ словахъ Ростовцева звучала вообще весьма не рѣдко. Гордость чѣмъ? Тѣмъ, конечно, что мы, Ростовцевы, русскіе, подлинные русскіе, что мы живемъ той совсѣмъ особой, простой, съ виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нѣтъ и не можетъ быть, ибо вѣдь скромна-то она только съ виду, а на дѣлѣ обильна, какъ нигдѣ, и вообще есть порождение исконнаго духа Россіи, а Россія богаче, сильнѣй, праведнѣй и славнѣй всѣхъ странъ въ мірѣ. Да и одному ли Ростовцеву присуща была эта гордость? Впослѣдствіи я увидальъ, что очень и очень многимъ, а теперь вижу и другое: то, что была она тогда даже нѣкоторымъ знаменіемъ времени, чувствовалась въ ту пору особенно и не только въ одномъ нашемъ городѣ.

Куда она дѣвалась позже, когда Россія гибла? Какъ не отстояли мы всего того, что такъ гордо называли мы русскимъ, въ силѣ и правдѣ чего мы, казалось, были такъ увѣрены? Какъ бы то ни было, знаю точно, что я росъ во

времена величайшей русской силы и огромного сознания ея. Поле моихъ отроческихъ наблюдений было весьма нешироко, и однако то, что я наблюдалъ тогда, было, повторяю, показательно. Да, впоследствии я узналъ, что далеко не одинъ Ростовцевъ говоритъ въ такомъ родѣ, то и дѣло слышалъ эти мнимо-смиранныя рѣчи, — мы, молъ, люди сѣрые, у насъ самъ государь Александръ Александровичъ въ смазныхъ сапогахъ ходить, — а теперь не сомнѣваюсь, что онѣ были весьма характерны не только для нашего города, но и вообще для тогдашнихъ русскихъ чувствъ. Въ проявленіяхъ этихъ чувствъ было, конечно, много и наиграннаго, показнаго, — какъ, напримѣръ, играла каждая чуйка на каждомъ перекресткѣ, завидѣвъ въ пролетѣ улицы церковь, снимая картузъ, крестясь и чуть не до земли кланяясь; съ ролей, конечно, то и дѣло срывались, слова часто не вязались съ жизнью, одно чувство нерѣдко смѣнялось другимъ, противоположнымъ; но что все-таки преобладало?

Ростовцевъ сказалъ однажды, указывая на оконный косякъ, гдѣ были сдѣланы имъ какія-то помѣтки мѣломъ:

— Что намъ векселя! Не русское это дѣло. Вотъ въ старину ихъ и въ поминѣ не было, записывалъ торговый человѣкъ, кто сколько ему долженъ, вотъ вродѣ этого, простымъ мѣлкомъ на притолкѣ. Пропустилъ должникъ срокъ въ первый разъ, торговый человѣкъ вѣжливо напоминать ему о томъ. Пропустилъ другой — остерегалъ: ой, молъ, смотри, не забудь и въ третій разъ, а то возьму да и сотру свою помѣтку. Тебѣ, молъ, тогда дюже стыдно будетъ!

Такихъ, какъ онъ, конечно, было мало. По роду своихъ занятій онъ былъ «кулакъ», но кулакомъ себя, понятно, не считалъ да и не долженъ былъ считать: справедливо называлъ онъ себя просто торговымъ человѣкомъ, будучи совсѣмъ не чета не только прочимъ кулакамъ, но и вообще очень многимъ нашимъ горожанамъ. Онъ, случа-

лось, заходилъ къ намъ, своимъ нахлѣбникамъ, и порой вдругъ спрашивалъ, чуть усмѣхаясь:

— А стихи вамъ нынче задавали?

Мы говорили:

— Задавали.

— Какіе же?

Мы бормотали:

— «Небо въ часъ дозора — обходя луна — свѣтитъ сквозь узора — мерзлаго окна...»

— Ну, это что-й-то не складно, — говорилъ онъ. — «Небо въ часъ дозора обходя луна» — я этого что-й-то не понимаю.

Не понимали и мы, ибо почему-то никогда не обращали вниманья на запятую послѣ слова «обходя». Выходило дѣйствительно нескладно. И мы не знали, что сказать, а онъ опять спрашивалъ:

— А еще?

— А еще «тѣнь высокаго стараго дуба голосистая птичка любила, на вѣтвяхъ, переломанныхъ бурей, она кровь и покой находила...»

— Ну, это ничего, пріятно, мило. А вотъ вы прочитайте энти — про всюнощную и «подъ большимъ шатромъ».

И я смущенно начиналъ:

«Приди ты, немощный, приди ты, радостный, звонять ко всюнощной, къ молитвѣ благодостной...»

Онъ слушалъ и съ тихой усмѣшкой закрывалъ глаза. Потомъ я читалъ Никитина: «Подъ большимъ шатромъ голубыхъ небесъ, вижу, даль степей разстилается...» Это было широкое и восторженное описаніе великаго простора, великихъ и разнообразныхъ богатствъ, силъ и дѣлъ Россіи. И когда я доходилъ до гордаго и радостнаго конца, до разрѣшенья этого описанія: «Это ты, моя Русь державная, моя родина православная!» — Ростовцевъ сжималъ челюсти и блѣднѣлъ.

— Да, вотъ это стихи! — говорилъ онъ, открывая гла-

за, стараясь быть спокойнымъ, поднимаясь и уходя. — Вотъ это надо покрѣпче учить! И вѣдь кто писалъ-то? Нашъ братъ мѣщанинъ, землякъ нашъ!

Прочіе «торговые люди» нашего города, и большіе и малые, были, повторяю, не Ростовцевы, чаще всего только на словахъ были хороши: не мало въ своемъ дѣлѣ они просто разбойничали, «норовили содрать съ живого и мертваго», обмѣривали и обвѣшивали, какъ послѣдніе жулики, лгали и облыжно клялись безъ всякаго стыда и совѣсти, жили грязно и грубо, злословили другъ на друга, чванились другъ надъ другомъ, дышали другъ къ другу недоброжелательствомъ и завистью походя, надъ дураками и дурочками, калѣками и юродивыми, которыхъ въ городѣ шлялось весьма порядочно, потѣшались съ ужасной безсердечностью и низостью, на мужиковъ смотрѣли съ величайшимъ и ничуть не скрываемымъ презрѣніемъ, «объегоривали» ихъ съ какой-то бѣсовской удалью, ловкостью и веселостью. Да не очень святы были и другіе сограждане Ростовцева, — всѣмъ извѣстно, что такое былъ и есть русскій чиновникъ, русскій начальникъ, русскій обыватель, русскій мужикъ, русскій рабочій. Но вѣдь были же у нихъ и достоинства. Что же до гордости Россіи и всѣмъ русскимъ, то ея было, еще разъ говорю, даже въ излишествѣ. И не одинъ Ростовцевъ могъ гордо поблѣднѣть тогда, повторяя восклицаніе Никитина: «Это ты, моя Русь державная!» — или говоря про Скобелева, про Черняева, про Царя - Освободителя, слушая въ соборѣ изъ громовыхъ устъ златовласаго и златоризнаго діакона поминовеніе «благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго Государя нашего Александра Александровича» — и почти съ ужасомъ прозрѣвая вдругъ, надъ какимъ дѣйствительно необъятнымъ царствомъ всяческихъ странъ, племенъ, народовъ, надъ какими несмѣтными богатствами земли и силами жизни, «мирнаго и благоденственнаго житія», высится русская корона . . .

V.

Начало моей гимназической жизни было столь ужасно, какъ я даже ожидать не могъ. Первый городской вечеръ былъ таковъ, что мнилось: все кончено! Но, можетъ, еще ужаснѣе было то, что вслѣдъ за этимъ очень быстро покорился я судьбѣ, и жизнь моя стала довольно обычной гимназической жизнью, если не считать моей не совсѣмъ обычной впечатлительности. Утро, когда мы съ Глѣбочкой въ первый разъ пошли въ гимназію, было солнечное, и уже этого одного было достаточно, чтобы мы повеселились. Кромѣ того, какъ нарядны мы были! Все съ иголочки, все прочно, ловко, все радуеть: расчищенные сапожки, свѣтло-сѣрое сукно панталонъ, синіе мундирчики съ серебряными пуговицами, синіе блестящіе картузики на чистыхъ стриженныхъ головкахъ, скрипящіе и пахнущіе кожей ранцы, въ которыхъ лежатъ только вчера купленные учебники, пеналы, карандаши, тетради . . . А потомъ—рѣзкая и праздничная новизна гимназіи: чистый каменный дворъ ея, сверкающія на солнцѣ стекла и мѣдныя ручки входныхъ дверей, чистота, просторъ и звучность выкрашенныхъ за лѣто свѣжей краской коридоровъ, свѣтлыхъ классовъ, залъ и лѣстницъ, звонкій гамъ и крикъ несмѣтной юной толпы, съ какимъ то сугубымъ возбужденіемъ вновь вторгшейся въ нихъ послѣ лѣтней передышки, чинность и торжественность первой молитвы передъ ученіемъ въ огромной сборной залѣ, первый разводъ «по-парно и въ ногу» по классамъ, — ведетъ и, командуя, бойко маршируетъ впереди настоящей военной, отставной капитанъ, — первая драка при захватѣ мѣсть на партахъ и наконецъ первое появленіе въ классѣ учителя, его фрака съ журав-

линымъ хвостомъ, его толстыхъ сверкающихъ очковъ, близорукихъ, какъ бы изумленныхъ глазъ, поднятой бороды и портфеля подъ мышкой... Черезъ нѣсколько дней все это стало такъ привычно, словно иной жизни и не было никогда. И побѣжали дни, недѣли, мѣсяцы...

Учился я легко; хорошо только по тѣмъ предметамъ, которые болѣе или менѣ нравились, по остальнымъ. — посредственно, отдѣливаясь своей способностью быстро все схватывать, кромѣ чего-нибудь ужъ очень ненавистнаго, вродѣ аористовъ. Три четверти того, чему насъ учили, было, конечно, ровно ни на что намъ не нужно, не оставило въ насъ ни малѣйшаго слѣда и преподавалось тупо, казенно, то есть такъ, какъ почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ по всему земному шару, изъ столѣтія въ столѣтіе. Большинство нашихъ учителей были люди сѣрые, незначительные, среди нихъ выдѣлялось нѣсколько чудаковъ, надъ которыми, конечно, въ классахъ всячески потѣшались, и два-три настоящихъ сумасшедшихъ. Одинъ изъ нихъ былъ замѣчательнъ: онъ страдалъ боязнью грязи жизни, съ великимъ трудомъ ѣлъ, пилъ, разговаривалъ, боясь людского дыханья, прикосновенья, ходилъ всегда по срединѣ улицы, въ гимназіи, снявъ перчатки, тотчасъ вынималъ носовой платокъ, чтобы только черезъ него братья за дверную ручку, за стулъ передъ кафедрой; онъ былъ маленькій, щуплый, съ великолѣпными, закинутыми назадъ каштановыми кудрями, съ чудеснымъ бѣлымъ лбомъ, съ удивительно тонкими чертами блѣднаго лица и недвижимыми, темными, куда-то въ пустоту, въ пространство печально и тихо устремленными глазами. Можно себя представить, какъ бѣлоснѣжно было его бѣлье, какъ не терпѣлъ онъ ни малѣйшей пушинки на своемъ фракѣ, какъ сіяли ногти его молочно-голубыхъ рукъ—и до чего странно былъ онъ въ нашемъ городѣ, какой страшно одинокой, сокровенной жизнью жила его вѣчно безмолвная душа!

Что еще сказать о моихъ школьныхъ годахъ? За эти годы я изъ мальчика превратился въ подростка. Но какъ именно совершилось это превращеніе, опять одинъ Богъ вѣдаетъ. А внѣшне жизнь моя шла, конечно, буднично, мѣняясь только тогда, когда прїѣзжали въ городъ отецъ съ матерью или когда меня увозили въ Батурино. Все то же хожденье въ классы, все то же грустное и неохотное ученье по вечерамъ уроковъ на завтра, все та же неотступная мечта о будущихъ каникулахъ, все тотъ же счетъ дней, оставшихся до святокъ, до лѣтняго отпуска, — ахъ, если бы поскорѣй мелькали они! — точно такъ ужъ много дается намъ дней на землѣ, чтобы ими пошвыриваться... Послѣ каникулъ стало даже прїятно возвращаться въ свою тюрьму. Въ гимназіи все уже знакомо и вмѣстѣ съ тѣмъ опять ново и на первое время интересно: новый классъ, новые учебники, — первыя страницы даже въ алгебрѣ заманчивы, — нѣкоторые новые учителя и товарищи... Даже самый городъ, его оживленье, его улицы, церкви, магазины, базары, его звуки и запахи уже стали прїятно волновать при вѣздѣ въ него послѣ деревни.

Въ общемъ жилъ я эти годы печально: вѣчное чувство неволи, одиночества, тайное сознанье, что убиваешь дни и силы на что-то совершенно ненужное, въ средѣ грубой и тяжелой для чувствительной юной души... А изъ чего складывалось это общее?

VI.

Вотъ сентябрь, погожій, ясный вечеръ. Я брожу по городу, — меня не смѣютъ сажать учить уроки и драть за уши, какъ Глѣбочку, который становится все озлобленнѣй и поэтому все лѣнивѣй и упрямѣ. Въ душѣ грусть о промелькнувшемъ лѣтѣ, которое, казалось, будетъ безконечнымъ и сулило осуществленіе тысячи самыхъ чудесныхъ

плановъ, грусть своей отчужденности отъ всѣхъ, кто идетъ, ѣдетъ по улицѣ, торгуетъ на базарѣ, стоитъ въ рядахъ возлѣ лавокъ . . . У всѣхъ свои дѣла, свои разговоры, всѣ живутъ своей привычной жизнью взрослыхъ людей, — не то, что одинокій и грустный гимназистъ, еще не принимающій въ ней того простого и здороваго участія, которое принимаютъ они въ этотъ ясный и спокойный вечеръ, полный всяческаго осенняго изобилія, осенняго довольства. Смутно и пріятно чувствуется только оно, это довольство, то, что городъ ломится отъ своего богатства и многолюдства: онъ и такъ богатъ, круглый годъ торгуетъ съ Москвой, съ Волгой, съ Ригой, Ревелемъ, теперь же и того богаче — съ утра до вечера везетъ въ него деревня всѣ свои урожаи, съ утра до вечера идетъ по всему городу ссыпка хлѣба, базары и площади завалены цѣлыми горами всякихъ плодовъ земныхъ. То и дѣло встрѣчаешь мужиковъ, которые спѣшатъ по срединѣ улицы съ громкимъ говоромъ довольныхъ, отдыхающихъ людей, обдѣлавшихъ наконецъ всѣ свои городскія дѣла, все, что нужно, продавшихъ и купившихъ, уже дернувшихъ по шкалику и теперь, на ходу, по дорогѣ къ своимъ телегамъ, закусывающихъ «подрукавничкомъ». Съ оживленнымъ говоромъ идутъ по тротуарамъ и тѣ, что весь день обрабатывали этихъ мужиковъ, — загорѣлые, запыленные, вѣчно бодрые мѣщане-перекупщики, съ утра выходящіе за городъ навстрѣчу мужикамъ, другъ у друга ихъ перебивающіе и потомъ разводящіе за собой по базарамъ и лабазамъ; они тоже отдыхаютъ теперь, направляются по трактирамъ попить чайку. А прямая, какъ стрѣла, Долгая улица, ведущая вонъ изъ города, къ острогу и монастырю, тонетъ въ пыли и слѣпящемъ блескѣ солнца, заходящаго какъ разъ въ концѣ ея пролета, и въ этомъ пыльномъ золотѣ течетъ потокъ идущихъ и ѣдущихъ, возвращающихся съ рысистыхъ бѣговъ, которыми тоже знаменитъ нашъ городъ,—и сколько тутъ

франтовъ изъ всякихъ писцовъ и приказчиковъ, сколько барышень, разряженныхъ точно райскія птицы, сколько щегольскихъ шарабановъ, въ которыхъ красуются передъ народомъ толстозадые купчики, сидя рядомъ со своими молодыми женами и сдерживая своихъ рысачковъ! А въ соборѣ звонятъ ко всенощной, надъ городомъ музыкально плаваетъ важный и мѣрный гулъ, и бородастые, степенные кучера везутъ въ тяжелыхъ и покойныхъ коляскахъ, на вороныхъ раскормленныхъ лошадяхъ, старыхъ купчихъ съ восковыми свѣчами въ рукахъ, поражающихъ или желтой пухлостью и обиліемъ драгоценностей, или гробовой бѣлизной и кудобой . . .

Вотъ «табельный» день, обѣдня въ соборѣ, осеннее солнечное утро. Во всемъ городѣ чувствуется напряженная торжественность. Нашъ капитанъ, передъ тѣмъ какъ вести насъ, собравшихся во дворѣ гимназіи, осматриваетъ на насъ каждую пуговицу. Учителя — въ мундирахъ, въ орденахъ, въ треуголкахъ. Идя по улицамъ, мы съ удовольствіемъ чувствуемъ, что прохожіе смотрятъ на насъ какъ на что-то казенное, полувоенное, принимающее непосредственное участіе во всемъ томъ парадѣ, которымъ долженъ быть ознаменованъ этотъ день. Къ собору отовсюду сходятся и съѣзжаются другія «вѣдомства», то есть опять мундиры, ордена, треуголки, жирныя эполеты. Чѣмъ ближе соборъ, тѣмъ звучнѣе, тяжеле, гуще и торжественнѣе гулъ соборнаго колокола. Но вотъ и паперть — «шапки долой!» — и, тѣснясь, разстраивая ряды, мы вступаемъ въ прохладное величіе широко раскрытаго портала, и тысячепудовый звонъ реветъ и гудитъ уже глуше, надъ самой головой, широко и благостно-строго встрѣчая, принимая и покрывая тебя. А въ соборѣ какое многолюдство, какое грузное великолѣпіе залитаго сверху до низу золотомъ иконостаса, золотыхъ ризъ причта, горящихъ паникадилъ, пылающихъ свѣчей, всякаго чина, тѣснящагося возлѣ ступеней амвона, устланнаго краснымъ сукномъ! Для от-

роческаго сердца было все это нелегко: голова мутилась отъ длительности и пышности службы, отъ этихъ чтеній, кажденій, выходовъ и выносовъ, отъ зычнаго грома басовъ и сладкихъ альтовыхъ замираній на клиросѣ, изысканно щеголяющемъ то мощью, то нѣжностью, отъ горячей и жуткой плотности большихъ тѣлъ, со всѣхъ сторонъ надвинувшихся на тебя, отъ вида до ужаса скованной своимъ короткимъ мундиромъ и серебрянымъ поясомъ кабаньей туши полиціймейстера, возвышающагося прямо надъ тобою . . .

По вечерамъ въ такіе дни городъ багово пылалъ, дымился и вонялъ площадками, разставленными по тротуарамъ, дома, украшенные флагами, горѣли въ темнотѣ огненно-сквозными вензелями и коронами, — это, среди моихъ первыхъ городскихъ впечатлѣній, одно изъ самыхъ памятныхъ. Тогда въ городѣ всегда бывало большое гулянье. И вотъ сынъ Ростовцева, — онъ былъ тоже гимназистъ, шестиклассникъ, — однажды взялъ насъ съ Глѣбочкой на такое гулянье въ городской садъ, и меня поразила несмѣтная, отъ тѣсноты медленно двигающаяся по главной аллеѣ толпа, пахнущая пылью и дешевыми духами, межъ тѣмъ какъ въ концѣ аллеи, въ сіяющей цвѣтными шкаликами раковинѣ, томно разливался вальсомъ, рычалъ и гремѣлъ во всѣ свои мѣдныя трубы и литавры военный оркестръ. Ростовцевъ въ этой аллеѣ вдругъ остановился, лицомъ къ лицу столкнувшись съ хорошенькой барышней, шедшей навстрѣчу намъ съ подругами, и, покраснѣвъ, шутя щелкнулъ каблуками и отдалъ ей честь, а она вся озарилась подъ своей затѣйливой шляпкой откровенно-радостной улыбкой. Передъ раковиной, на площадкѣ, билъ среди большого цвѣтника, орошая его прохладнымъ водянымъ дымомъ, раскидистый фонтанъ, и мнѣ навѣки запомнилась его свѣжесть и прохладный, очаровательный запахъ обрызганныхъ имъ цвѣтовъ, которые, какъ я узналъ потомъ, назывались просто «табакъ»:

запомнились потому, что этотъ запахъ соединился у меня съ чувствомъ влюбленности, которой я впервые въ жизни былъ сладко боленъ нѣсколько дней послѣ того. Это благодаря ей, этой милой, простодушной барышнѣ, я и до сихъ поръ не могу безъ волненія слышать запахъ табака, а она и понятія не имѣла никогда обо мнѣ и о томъ, что я всю жизнь вспоминалъ отъ времени до времени и ее, и свѣжесть фонтана, и звуки военной музыки, какъ только слышалъ этотъ запахъ... Гдѣ то она теперь? До сихъ поръ вижу ее все той-же, какой она была въ тотъ вечеръ, полвѣка тому назадъ, чувствую къ ней что-то благодарное и то, что мы съ ней чѣмъ-то какъ будто связаны...

VII.

А вотъ и первые холода: скудные, свинцовые, спокойные дни поздней осени. Городъ затихъ, опустѣлъ, вставилъ въ окна зимнія рамы, топить печи, тепло одѣлся, запасается на зиму всѣмъ, чѣмъ полагается, съ удовольствіемъ чувствуя уже зимній уютъ и тотъ старый, наслѣдственный бытъ, которымъ онъ живетъ столѣтія, — повторяемость временъ года и обычаевъ.

— Гуси летятъ, — съ удовольствіемъ говоритъ Ростовцевъ, входя въ домъ въ теплой чуйкѣ и тепломъ картузѣ и внося съ собой прохладу, зимній воздухъ. — Сейчасъ цѣлый косякъ видѣлъ... Купилъ у мужика два воза капусты, прими, Любовь Андревна, сейчасъ привезетъ. Заглядѣнье капуста, качанъ къ качану...

И на душѣ у меня дѣлается хорошо и такъ грустно, грустно. Я оставляю Вальтеръ Скотта, котораго взялъ читать изъ гимназической библіотеки, и задумываюсь, — мнѣ хочется понять и выразить что-то происходящее во мнѣ. Я уже родственно чувствую городъ, мысленно вижу, осматриваю его. Тамъ, на выѣздѣ, древній мужской мона-

стырь . . . всѣ говорятъ, что въ немъ, въ каждой кельѣ, у
каждаго монаха, всегда есть за образомъ и водочка, и
колбаска, Глѣбочку очень занимаетъ, носятъ-ли монахи
подъ рясами штаны, я-же, думая о монастырѣ, вспоминаю
то болѣзненно-восторженное время, когда я постился, мо-
лился, хотѣлъ стать святымъ, а кромѣ того почему-то
томлюсь мыслью о его старинѣ, о томъ, что когда-то его
не разъ осаждали, брали приступомъ, жгли и грабили та-
тары: я въ этомъ чувствую что-то прекрасное, что мнѣ му-
чительно хочется понять и выразить въ стихахъ, въ поэ-
тической выдумкѣ . . . Затѣмъ, если идти отъ монастыря
въ городъ по Долгой улицѣ, то влѣво будутъ бѣдныя и
грязныя улицы, спускающіяся къ оврагамъ, къ зловонно-
му притоку нашей рѣки, въ которомъ мочать, гноять ко-
жи: онъ мелкій, дно его все завалено ихъ черными пласта-
ми, а по берегамъ лежатъ цѣлыя горы чего-то бурога,
остро ипряно воняющаго, и тянутся черныя сквозныя сру-
бы, гдѣ эти кожи сушатъ, и черныя бревенчатыя строенія,
гдѣ ихъ выдѣлываютъ, гдѣ въ огромномъ количествѣ
шумно работаетъ, курить, сквернословить какой-то
страшный родъ людей, — могучихъ, невѣроятно сальныхъ
и грубыхъ . . . это очень старинныя мѣста, имъ лѣтъ три-
ста, четыреста, и когда я думаю о нихъ, меня томить жела-
ніе и о нихъ, объ этихъ мерзкихъ мѣстахъ, сказать, выду-
мать что-то чудесное . . . Дальше, за притокомъ, — Чер-
ная Слобода, Аграмача, скалистые обрывы, на которыхъ
она стоитъ, и тысячи лѣтъ текущая подъ ними на далекій
югъ, къ низовьямъ Дона, рѣка, въ которой погибъ когда-
то молодой татарскій князь, будто бы любимый сынъ ка-
кого-то славнаго опустошителя русской земли: о немъ то-
же очень хочется что-нибудь выдумать и рассказать въ
стихахъ; его, говорятъ, покарала чудотворная икона Бо-
жьей Матери, и донинѣ пребывающая въ самой старой
изъ всѣхъ нашихъ церквей, что стоитъ надъ рѣкой какъ
разъ противъ Аграмачи, — тотъ древній образъ, передъ

которымъ горять неугасимыя лампы и всегда молятся на колѣняхъ какая-нибудь женщина въ темной шали, крѣпко прижавъ щепоть ко лбу и настойчиво и скорбно устремивъ глаза на тускло блистающій въ тепломъ лампадномъ свѣтѣ смугло-золотой окладъ, въ отверстія котораго видна узкая черно-коричневая дощечка: правой руки, прижатой къ груди, а немного выше небольшой и такой-же темный средневѣковый Ликъ, смиренно и горестно склоненный къ лѣвому плечу подъ серебрянымъ кружевнымъ, колючимъ вѣнчикомъ въ мелко и разнообразно сверкающихъ алмазахъ, жемчугахъ и рубинахъ... Потомъ я мысленно брожу въ серединѣ города, вижу старыя москательныя и колониальныя лавки, пахнуція лимономъ и гвоздикой и напоминающія мнѣ тѣ оплетенныя проволочными свѣтками бутылки, что когда то привозилъ отецъ въ Каменку, — и тутъ меня вдругъ охватываетъ страшная нѣжность къ нему, къ матери, къ Баскакову, котораго я такъ любилъ и такъ безсовѣстно забылъ уже... А за рѣкой, за городомъ, широко раскинулось на неоглядной низменности Зарѣчье, видное, какъ и другія окрестности, изъ многихъ городскихъ улицъ, покато сходящихъ къ рѣкѣ: это цѣлый особый городъ, гдѣ много босяковъ, отчаянныхъ, безшабашныхъ людей, и цѣлое желѣзнодорожное царство, гдѣ день и ночь, волнуя тягой въ даль, туда, куда косяками тянутся теперь подъ сумрачнымъ и холоднымъ небомъ гуси, требовательно и призывно, грустно и вольно перекликаются въ студеномъ, звонкомъ воздухѣ паровозы, гдѣ стоитъ вокзалъ, тоже волнующій своими запахами, — жареныхъ пирожковъ, самоваровъ, кофе, — смѣшанными съ запахомъ каменноугольнаго дыма, то есть тѣхъ поѣздовъ, что день и ночь расходятся отъ него во всѣ стороны Россіи...

Я помню не мало такихъ дней, скудныхъ, короткихъ, сладко и грустно томившихъ и домашнимъ уютомъ, и мечтами то о старинѣ города, то о вольныхъ осеннихъ про-

сторахъ, видныхъ изъ него. Безъ конца шли эти дни среди классной скуки въ гимназіи, гдѣ я насильно узнавалъ все то, что будто бы необходимо знать людямъ, потомъ въ тишинѣ двухъ теплыхъ мѣщанскихъ комнатокъ, спокойствіе которыхъ усугублялъ не только дремотный стукъ будильника на комодѣ Любови Андревны, покрытомъ вязанной скатеркой и украшенной свадебной шкатулкой, но даже мелкій трескъ коклюшекъ подъ руками Мани и Ксюши, весь день сидѣвшихъ за плетеніемъ кружевъ, — шли медленно, однообразно и вдругъ сразу обрывались: въ нѣкіе особенно печальные сумерки неожиданно хлопала наружи калитка, потомъ дверь въ сѣнцахъ, дверь въ прихожей, и внезапно на нашемъ порогѣ, озаряя весь домъ свѣтомъ, радостью, появлялся отецъ въ своей мѣховой шапкѣ съ наушниками и распахнувшейся енотовой шубѣ, и я со всѣхъ ногъ кидался ему на шею, впиваясь въ его милыя теплыя губы подъ холодными и влажными съ морозу усами и съ восторгомъ чувствуя: Боже, какъ не похожъ онъ ни на кого во всемъ городѣ, какой онъ совѣмъ, совѣмъ другой, чѣмъ всѣ прочіе!

VIII.

Улица, на которой мы жили, шла черезъ весь городъ. Въ нашей части она была пуста, безлюдна, состояла изъ каменныхъ купеческихъ домовъ, казавшихся необитаемыми. Зато середина ея была очень оживлена, — тутъ къ ней примыкалъ базаръ и находилось все, что полагается: трактиры, ряды, лучшіе магазины, лучшія гостиницы, между прочимъ, и та, что стояла на углу Долгой, — Дворянская, недаромъ называвшаяся такъ: въ ней останавливались только помѣщики, въ окна ея подвального этажа прохожіе обоняли сладкій ресторанный чадъ, видѣли поваровъ въ бѣлыхъ колпакахъ, въ стеклянную же

дверь подъѣзда — пологую и широкую лѣстницу, устланную краснымъ сукномъ.

Отецъ въ мои гимназическіе годы переживалъ свой послѣдній подъемъ, свое послѣднее раззореніе: переселившись въ Батурино, заложивъ его и продавъ богатому рождественскому мужику Каменку, — все будто бы съ мудрыми хозяйственными планами, — онъ опять чувствовалъ себя богатымъ бариниомъ и поэтому, пріѣзжая въ городъ, опять сталъ останавливаться только въ Дворянской, всегда занимая лучшей номеръ. И вотъ, когда онъ пріѣзжалъ, я изъ дома Ростовцева сразу попадалъ на два, на три дня совсѣмъ въ другой міръ, опять на время становился барчукомъ, которому всѣ улыбались, кланялись — и «рѣзвые» у подъѣзда, и швейцаръ въ подъѣздѣ, и корридорные, и горничныя, и самъ бритый Михѣичъ въ широкомъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, бывшій шереметьевскій крѣпостной, всего когда-то отвѣдавшій на своемъ вѣку, — и Парижа, и Рима, и Петербурга, и Москвы, — а теперь достойно и печально доживавшій свой вѣкъ лакеемъ въ захолустномъ городѣ, въ какой-то Дворянской гостиницѣ, гдѣ даже настоящіе хорошіе господа только притворялись теперь господами, а прочіе были просто «уѣздные моншеры», какъ онъ называлъ ихъ, люди съ преувеличенно-барскими замашками, съ подозрительно-развязной требовательностью, съ низкими больше отъ водки, чѣмъ отъ барства голосами.

— Здравствуйте, Александръ Сергѣичъ, — на перебой кричали «рѣзвые» у подъѣзда Дворянской. — Извольте приказать обождать, — можетъ, въ циркъ вечеромъ поѣдете?

И отецъ, не могшій, конечно, не чувствовать своей фальшивой роли будто бы прежняго, богатаго человѣка, все-таки былъ доволенъ этими криками и приказывалъ обождать, хотя извозчиковъ возлѣ Дворянской всегда бы-

ло сколько угодно, такъ что не имѣло ровно никакого смысла платить за обожданье.

А за стеклянной дверью подъѣзда было очень тепло, непривычно и возбуждающе свѣтло отъ яркихъ лампъ, сразу пріятно охватывало всѣмъ тѣмъ хорошимъ, барскимъ, что присуще старымъ провинціальнымъ гостиницамъ для дворянъ, для дворянскихъ съѣздовъ и собраний. А изъ корридора въ первомъ этажѣ, который велъ въ ресторанъ, слышались шумные голоса и смѣхъ, кто-то кричалъ: «Михѣичъ, да скажи-же, чортъ возьми, графу, что мы его ждемъ!» А на лѣстницѣ во второй этажъ встрѣчался и вдругъ останавливался, издавалъ удивленное восклицанье, притворно-радостно выкатывалъ холодные ястребиные глаза и съ придворной любезностью цѣловалъ руку матери великанъ въ дохѣ, похожій на мужика и на удѣльнаго князя, и отецъ тотчасъ же подхватывалъ его свѣтскій тонъ, крѣпко жалъ его руку:

— Пожалуйста, пожалуйста, заходите, князь! Сердечно будемъ рады!

А по корридору быстро шель коротконогій и довольно плотный молодой человѣкъ въ поддевкѣ, въ батистовой косовороткѣ, съ гладко причесанными бѣлесыми волосами и выпученными ярко-голубыми, всегда пьяными глазами, нѣкто Миша Станкевичъ, который хрипло и громко, поспѣшно и необыкновенно родственно (хотя родства между нами не было почти никакого) кричалъ еще издали:

— Дядя, дорогой, сколько лѣтъ, сколько зимъ! А я слышу: «Арсеньевъ, Арсеньевъ», а ты-ли это, не знаю... Здравствуйте, милая тетя, — говорилъ онъ безъ передышки, цѣлуя руку матери такъ родственно, что она принуждена была цѣловать его въ високъ, — здравствуй, Александръ, — живо обращался онъ ко мнѣ, какъ всегда, перевирая мое имя, — да ты совсѣмъ молодець сталъ! А я, понимаешь, дядя, уже пятый день тутъ сижу, жду эту анаѣму Кричевскаго — обѣщаль дать для уплаты въ

банкъ, а самъ, чортъ его знаетъ зачѣмъ, въ Варшаву сбѣжалъ и когда назадъ будетъ, одинъ Мордахай вѣдаетъ... Ты что, уже обѣдалъ? А то пойдемъ внизъ, тамъ цѣлое собрание...

И отецъ радушно цѣловалъ его и ни съ того ни съ сего, неожиданно даже для самого себя, вдругъ приглашалъ его обѣдать къ себѣ, тащилъ въ номеръ и съ величайшимъ оживленіемъ заказывалъ Михѣичу невѣроятное количество закусокъ, блюдъ, водокъ и винъ... Какъ страшно много и жадно ѣлъ и пилъ этотъ Миша! Какъ шумно и немолчно говорилъ, восклицалъ, хохоталъ, изумлялся! До сихъ поръ слышу его хриплый крикъ, его безпрестанную и запальчивую фразу:

— Но неужели ты, дядя, серьезно думаешь, что я способенъ на такую подлость?!

А вечеромъ мы сидѣли въ огромномъ и ледяномъ шатрѣ братьевъ Труцци, рѣзко и пріятно вонявшемъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ всегда воняетъ циркъ. Рѣзко, попугаями, вскрикивали, вылетая на арену подъ гоготъ публики и со всего размаху шлепаясь съ притворной неловкостью животомъ въ песокъ, широкоштаннные клоуны съ мучными лицами и оранжево-огненными волосами, за ними тяжело вырывалась старая, бѣлая лошадь, на широчайшей, вогнутой спинѣ которой стоя неслась вся осыпанная золотыми блестками коротконогая женщина въ розовомъ трико, съ розовыми тугими ляжками подъ торчащей балетной юбочкой... Музыка съ беззаботной удалью нажаривала: «Ивушка, ивушка, зеленая моя», чернобородый красавецъ-директоръ во фракѣ, въ ботфортахъ и въ цилиндрѣ, стоя и вращаясь посреди арены, равномерно и чудесно стрѣлялъ длиннымъ бичемъ, лошадь, круто, упрямо выгнувъ шею, вся завалившись наискось, тяжкимъ галопомъ мчалась по самому краю круга, женщина выжидательно пружинила на ней и вдругъ съ какимъ-то короткимъ, кокетливымъ крикомъ взвивалась и съ трескомъ прорыва-

ла бумажный щитъ, вскинутый передъ ней шталмейстерами въ камзолахъ . . . А когда она, стараясь быть легче пуха, слетала наконецъ съ лошади на изрытый песокъ арены, съ чрезвычайнѣйшей граціей присѣдала, дѣлала ручками, какъ-то особенно вывертывая ихъ въ кисти, и, подъ бурю аплодисментовъ, съ преувеличенной дѣтскостью, уносилась за кулисы, музыка вдругъ смолкала (хотя клоуны, расхлябанно шатаясь по аренѣ съ видомъ безпріютныхъ дурачковъ, картаво кричали: «еще полпорціи камаринскаго!») и весь циркъ замиралъ въ сладкомъ ужасѣ: шталмейстеры съ страшной поспѣшностью бѣжали на арену, таща за собой огромную желѣзную клѣтку, а за кулисами внезапно раздавался чудовищный перекатный рыкъ, точно тамъ кого-то мучительно тошнило, рвало, и затѣмъ такой мощный, царственный выдохъ, что до основанія сотрясался весь шатеръ братьевъ Труцци . . .

IX.

Послѣ отъѣзда отца съ матерью, въ городѣ точно наступали великопостные дни.

И почему-то часто уѣзжали они въ субботу, такъ что въ тотъ-же день вечеромъ я долженъ былъ идти ко все-нощной, въ церковку Воздвиженья, стоявшую въ одномъ изъ глухихъ переулковъ близъ гимназіи.

Боже, какъ памятны мнѣ эти тихіе и грустные вечера поздней осени подѣ ея сумрачными и низкими сводами! По обычаю, привели насъ задолго до начала службы, и мы долго ждемъ ея въ напряженной тишинѣ и сумракѣ. Никого, кромѣ насъ — только нѣсколько темныхъ старушечьихъ фигуръ, колѣнопреклоненныхъ въ углахъ, и ни звука, кромѣ ихъ горячаго молитвеннаго шепота да осторожнаго потрескиванья рѣдкихъ свѣчей и лампадъ у алтаря. Сумракъ все сгущается, въ узкихъ окнахъ все печаль-

нѣе синѣеть, лиловѣеть умирающій вечеръ... Вотъ и мягкіе шаги священнослужителей, въ теплыхъ рясахъ и глубокихъ калошахъ проходящихъ въ алтарь. Но и послѣ этого долго еще длится тишина, ожиданіе, идутъ въ алтарь, за закрытыми краснымъ шелкомъ Царскими Вратами, какія-то таинственныя приготовленія, потомъ, по открытіи ихъ, — которое всегда немного неожиданно и жутко, — долгое и безмолвное кажденіе Престола, пока не выйдетъ наконецъ на амвонъ діако́нь со сдержанно-торжественнымъ призывомъ: «Возстаните!» — пока не отвѣтитъ ему изъ глубины алтаря смиренный и грустный, зачинающій голосъ: «Слава святѣй и единосущнѣй, и животворящей, и нераздѣльнѣй Троицѣ» — и не покроется этотъ голосъ тихой, согласной музыкой хора: «Аминь...»

Какъ все это волнуетъ меня! Я еще мальчикъ, подростокъ, но вѣдь я родился съ чувствомъ всего этого, а за послѣдніе годы уже столько разъ испыталъ это ожиданье, эту предваряющую службу напряженную тишину, столько разъ слушалъ эти возгласы и непременно за ними слѣдующее, ихъ покрывающее «аминь», что все это стало какъ бы частью моей души, и она, теперь уже заранѣе угадывающая каждое слово службы, на все отзывается сугубо, съ вящей родственной готовностью. «Слава святѣй, единосущнѣй» — слышу я знакомый милый голосъ, слабо долетающій изъ алтаря, и по всему моему тѣлу проходитъ сладостный трепеть, и уже всю службу стою я потомъ, какъ зачарованный.

«Приидите поклонимся, приидите поклонимся». «Благослови, душе моя, Господа», слышу я, межъ тѣмъ, какъ священникъ, предшествуемый діакономъ со свѣтильникомъ, тихо ходитъ по всей церкви и безмолвно наполняетъ ее клубами кадилагнаго благоуханья, поклоняясь иконамъ, и у меня застилаетъ глаза слезами, ибо я уже твердо знаю теперь, что прекраснѣй и выше всего это-

го нѣтъ и не можетъ быть ничего на землѣ, что, если бы даже и правду говорилъ Глѣбочка, утверждающій со словъ нѣкоторыхъ плохо бритыхъ учениковъ изъ старшихъ классовъ, что Бога нѣтъ, все равно нѣтъ ничего въ мирѣ лучше того, что я чувствую сейчасъ, слушая эти возгласы, пѣснопѣнія и глядя то на красные огоньки передъ тускло-золотой стѣной стараго иконостаса, то на святаго Божьяго витязя, благовѣрнаго князя Александра Невского, во весь ростъ и въ полномъ воинскомъ доспѣхѣ, въ шишакѣ и кольчугѣ, написаннаго на значеномъ столпѣ возлѣ меня, въ страхѣ Божиємъ и благоговѣннѣ приложившаго руку къ груди и горѣ подносящаго грозные и благочестивые очи...

И течетъ, течетъ святая мистерія. Закрываются и открываются Царскія Врата, знаменуя то наше отторженіе отъ потеряннаго нами Рая, то новое лицезрѣніе его, читаются дивныя Свѣтильничныя молитвы, выражающія наше скорбное сознанье нашей земной слабости, беспомощности и наши домоганья наставить насъ на пути Божіи, озаряются ярче и теплѣе своды церкви многими свѣчами, зажигаемыми въ знакъ человѣческихъ упованій на грядущаго Спасителя и озаренія человѣческихъ сердецъ надеждою, съ крѣпкой вѣрою въ щедроты Божіи звучать земныя прошенія великой ектеніи: «О свышнемъ мирѣ и спасеніи душъ нашихъ... О мирѣ всего міра и благостояннѣ святыхъ Божіихъ церквей...» А тамъ опять, опять этотъ слабый, смиренный и все мирно разрѣшающій голосъ: «Яко подобаеть Тебѣ всякая слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну и Святому Духу всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ...»

Нѣтъ, это неправда — то, что говорилъ я о готическихъ соборахъ, объ органахъ: никогда не плакалъ я въ этихъ соборахъ такъ, какъ въ церковь Воздвиженья въ эти темные и глухіе вечера, проводивъ отца съ матерью и войдя истинно какъ въ отчую оби-

тель подъ ея низкіе своды, въ ея тишину, тепло и сумракъ, стоя и утомляясь подъ ними въ своей длинной шинелькѣ и слушая скорбно-смирненное «Да исправится молитва моя», или сладостно-медлительное «Свѣте Тихій — святыя славы безсмертнаго — Отца небеснаго — святаго, блаженнаго — Иисусе Христе...» — мысленно упиваясь видѣньемъ какого-то мистическаго Заката, который представлялся мнѣ при этихъ звукахъ: «Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній...» — или опускаясь на колѣни въ тотъ таинственный и печальный мигъ, когда опять на время воцаряется глубокая тишина во всей церкви, опять тушатъ свѣчи, погружая ее въ темную ветхозавѣтную ночь, а потомъ протяжно, осторожно, чуть слышно зачинается какъ бы отдаленное, предразсвѣтное: «Слава въ вышнихъ Богу — и на земли миръ — въ чловѣцѣхъ благоволеніе...» — съ этими страстно-горестными и счастливыми троекратными рыданьями въ серединѣ: «Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ!»

Что вызывало на мои глаза эти горячія и возвышенныя слезы, которымъ я отдавался съ такимъ упоеніемъ, хотя даже и въ ту пору было во мнѣ уже много крѣпости, сдержанности, скрытности? Можетъ быть, больше всего нѣкое скорбное прозрѣніе, тайно въ тѣ минуты осѣнявшее меня: прозрѣніе не только всей моей собственной будущей судьбы, но и всякой судьбы земной...

Х.

А еще помню я много сѣрыхъ и жесткихъ зимнихъ дней, много темныхъ и грязныхъ оттепелей, когда становится особенно тягостна русская уѣздная жизнь, когда лица у всѣхъ дѣлались скучны, недоброжелательны, — первобытно подверженъ русскій чловѣкъ природнымъ вліяніямъ! — и все на свѣтѣ, равно какъ и собственное суще-

ствованіе, томило своею ненужностью, безцѣльностью...

Помню, какъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ несло непроглядными, азіатскими метелями, въ которыхъ чуть маячили городскія колокольни. Помню крещенскіе морозы, наводившіе мысль на глубокую древнюю Русь, на тѣ стужи, отъ которыхъ «земля на сажень трескалась»: тогда надъ бѣлоснѣжнымъ городомъ, совершенно потонувшимъ въ сугробахъ, по ночамъ грозно горѣло на черно-вороненомъ небѣ бѣлое созвѣздіе Оріона, а днемъ зеркально и зловѣще блистало два тусклыхъ солнца и въ тугой и звонкой недвижности жгучаго воздуха весь городъ медленно и дико дымился алыми дымами изъ трубъ и весь скрипѣлъ и визжалъ отъ шаговъ прохожихъ, отъ полозьевъ мужицкихъ розвальней, межъ тѣмъ какъ дыханье до глазъ заиндевѣвшихъ, косматыхъ лошадей и такихъ же мужиковъ, деревянно шедшихъ возлѣ нихъ съ кнутами, въ огромныхъ рукавицахъ желтой кожи, валило клубами бѣлаго пара... Въ такіе морозы замерзла однажды на паперти собора нищая дурочка Дуня, полвѣка шатавшаяся по городу, и городъ, всегда съ величайшей беспощадностью надъ ней издѣвавшійся, вдругъ закатилъ ей чуть не царскія похороны, что побудило Ростовцева наставительно прочитать намъ одну жесточайшую, сугубо-русскую страницу изъ житія святого Прокопія, звучавшую приблизительно такъ:

Бысть нѣкая зима

Всѣхъ зимъ иныхъ лютейша паче;

Бысть нестерпимый мразъ и бурный вѣтръ

И снѣгъ спаде на землю превеликій,

И храмины засыпа, и не токмо

Въ путѣхъ, но и во градѣ померзаху

Скоты и челоуѣци безъ числа,

И птицы мертвы падаху на кровли.

Бысть въ оны дни:

Святый своимъ наготствующимъ тѣломъ
Отъ той зимы безмѣрно пострада.
Единожды онъ нощію прииде
Ко храминамъ убогихъ и хотѣ
Согрѣтися у нихъ; но ощутивше
Приходъ его, иніи затворяху
Дверь передъ нимъ, иніи же его
Біяху и кричаще: — Прочь отсюда,
Отыде прочь, Юроде! — Онъ въ углѣ
Псовъ обрѣте на снѣгѣ и соломѣ,
И ляже посреде ихъ, но бѣгоша
Тѣ пси его. И возвратися паки
Святый въ притворъ церковный и сѣде,
Согнуся и трясыйся и отчаявъ
Спасеніе себѣ. — Благословенно
Господне имя! Пси и человѣци —
Единое въ свирѣпствѣ и умѣ...

Какъ это ни странно, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ мнѣ вспоминается балъ въ женской гимназіи, — первый балъ, на которомъ я былъ. Дни стояли тоже очень морозные. Возвращаясь послѣ ученія домой, мы съ Глѣбочкой нарочно шли по той улицѣ, гдѣ была женская гимназія, во дворѣ которой уже выравнивали сугробы по бокамъ проезда къ парадному крыльцу и сажали въ нихъ два ряда необыкновенно густыхъ и свѣжихъ елокъ. Солнце садилось, все было чисто, молодо и все розовѣло — снѣжная улица, снѣжныя толстыя крыши, стѣны домовъ, ихъ блестящія золотой слюдой стекла и самый воздухъ, тоже молодой, крѣпкій, веселящимъ эфиромъ входившій въ грудь. А навстрѣчу шли изъ гимназіи гимназистки въ шубкахъ и ботикахъ, въ хорошенькихъ шапочкахъ и капорахъ, съ длинными, посеребренными инеемъ рѣсницами и лучистыми глазами, и нѣкоторыя изъ нихъ звонко и привѣтливо говорили на ходу: «Милости просимъ на балъ!» —

волнуя этой звонкостью, будя во мнѣ первыя чувства къ тому особенному, что было въ этихъ шубкахъ, ботикахъ и капорахъ, въ этихъ нѣжныхъ возбужденныхъ лицахъ, въ длинныхъ морозныхъ рѣсницахъ и горячихъ, быстрыхъ взглядахъ, — чувства, которымъ суждено было впослѣдствіи владѣть мной съ такой силою . . .

Послѣ бала я долго былъ пьянъ воспоминаньями о немъ и о самомъ себѣ: о томъ нарядномъ, красивомъ, легкомъ и ловкомъ гимназистѣ въ новомъ синемъ мундирчикѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, который съ такимъ радостно-молодецкимъ холодкомъ въ душѣ мѣшался съ нарядной и густой дѣвичьей толпой, носился по корридору, по лѣстницамъ, то и дѣло пилъ оршадъ въ буфетѣ, скользилъ среди танцующихъ по паркету, посыпанному какимъ то атласнымъ порошкомъ, въ огромной бѣлой залѣ, залитой жемчужнымъ свѣтомъ люстръ и оглашаемой съ хоръ торжествующе-звучными громами военной музыки, дышала всѣмъ тѣмъ душистымъ зноемъ, которымъ дурманяты балы новичковъ, и былъ очарованъ каждой попадавшейся на глаза легкой тувелькой, каждой бѣлой пелеринкой, каждой черной бархаткой на шеѣ, каждым шелковымъ бантомъ въ косѣ, каждой юной грудью, высоко поднимавшейся отъ блаженнаго головокруженья послѣ вальса . . .

XI.

Въ третьемъ классѣ я сказалъ однажды директору дерзость, за которую меня едва не исключили изъ гимназіи. На урокъ греческаго языка, пока учитель что-то объяснялъ намъ, писалъ на доскѣ, крѣпко, ловко и съ большимъ отъ этой ловкости удовольствіемъ стуча мѣломъ, я, вмѣсто того, чтобы слушать его, въ сотый разъ перечитывалъ одну изъ моихъ любимѣйшихъ страницъ въ Одис-

сеѣ — о томъ, какъ Навзикая поѣхала со своими служанками на морской берегъ мыть пряжу. Внезапно въ классъ вошелъ директоръ, имѣвшій привычку ходить по корридорамъ и заглядывать въ дверныя стекла, направился прямо ко мнѣ, вырвалъ у меня изъ рукъ книгу и бѣшено крикнулъ:

— Пошелъ до конца урока въ уголъ!

Я поднялся и, блѣднѣя, отвѣтилъ:

— Не кричите на меня и не говорите мнѣ ты. Я вамъ не мальчикъ . . .

Въ самомъ дѣлѣ я уже не чувствовалъ себя мальчикомъ. Я быстро росъ душевно и тѣлесно, самъ чувствуя, что расту,—и сонъ жизни становится для меня все трезвѣе. Теперь видѣнья этого сна уже не владѣли мной съ прежней силой, впечатлѣнья отъ нихъ не подавляли въ той мѣрѣ, какъ когда-то. Я жилъ теперь уже не одними чувствами, приобрѣлъ нѣкоторое господство надъ ними, сталъ разбираться въ томъ, что я вижу и воспринимаю, сталъ смотрѣть на окружающее и на переживаемое мной до извѣстной степени сверху внизъ. Уже не все, не всегда и не такъ легко пьянило меня. Нѣчто подобное я испыталъ при переходѣ изъ дѣтства въ отрочество. Теперь испытывалъ съ удвоенной силой и часто, бродя въ праздничные дни съ Глѣбочкой по городу, по окрестностямъ и въ Зарѣчьи, — бродя уже вольно, независимо, — замѣчалъ, что ростъ мой почти равенъ росту средняго прохожаго, что только моя отроческая худоба, стройность да тонкость и свѣжесть безусаго лица отличаютъ меня отъ этихъ прохожихъ.

Въ началѣ сентября того года, когда я перешелъ въ четвертый классъ, неожиданно захотѣлъ вступить со мной въ пріятельство одинъ изъ моихъ товарищей, нѣкто Вадимъ Лопухинъ. Какъ-то на большой переѣнѣ онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку выше локтя и сказалъ, прямо и пусто глядя въ глаза мнѣ:

— Послушай, хочешь войти въ нашъ кружокъ? Мы образовали кружокъ гимназистовъ-дворянъ, чтобы не мѣшаться больше со всякими Архиповыми и Заусайловыми. Понимаешь?

Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо старше меня, потому что въ каждомъ классѣ непременно сидѣлъ два года, былъ уже юношески высокъ и широкъ въ кости, бѣлокуръ, свѣтлоглазъ, съ пробивающимися золотистыми усиками. Чувствовалось, что онъ уже все знаетъ, все испыталъ, чувствовалась его порочность и то, что онъ весьма доволенъ ею, какъ признакомъ хорошаго тона и своей зрелости: на перемѣнахъ онъ разсѣянно и быстро прогуливался въ толпѣ своимъ барски-легкимъ, нѣсколько пружиннымъ и шаркающимъ шагомъ, небрежно и развязно подавшись впередъ, засунувъ руки въ карманы широкихъ и легкихъ панталонъ, все посвистывая, все поглядывая вокругъ съ холоднымъ и нѣсколько насмѣшливымъ любопытствомъ, подходилъ, что бы поболтать, только къ «своимъ», при встрѣчѣ съ надзирателемъ кивалъ ему какъ знакомому... Я въ ту пору уже началъ приглядываться къ людямъ, наблюдать за ними, мои расположенія и нерасположенія стали опредѣляться и дѣлать людей на извѣстные сорта, изъ коихъ нѣкоторые навсегда становились мнѣ ненавистны. Лопухинъ опредѣленно принадлежалъ къ ненавистнымъ. И все таки я былъ польщенъ, отвѣтилъ полнымъ согласіемъ на счетъ кружка, и тогда онъ предложилъ мнѣ придти нынче же вечеромъ въ городской садъ:

— Ты, во-первыхъ, долженъ поближе сойтись кое съ кѣмъ изъ нашихъ, — сказалъ онъ, — а, во-вторыхъ, я познакомлю тебя съ Налей Р. Она еще гимназистка, дочка очень чванныхъ родителей, но ужъ прошла огонь и воду и мѣдныя трубы, умна, какъ бѣсъ, весела, какъ француженка, и можетъ выпить бутылку шампанскаго безъ всякой посторонней помощи. А сама аршинъ ростомъ, и ножка

— какъ у феи... Понимаешь? — сказалъ онъ, какъ всегда, глядя мнѣ въ глаза и думая или дѣлая видъ, что думаетъ, о чемъ-то другомъ.

И вотъ, тотчасъ же послѣ этого разговора, случилось со мной нѣчто совершенно необыкновенное: впервые въ жизни я вдругъ почувствовалъ не только влюбленность къ той Налѣ, которую я вообразилъ себѣ со словъ Лопухина, — влюбленность, уже совсѣмъ не похожую на то мимолетное, легкое, таинственное и прекрасное, что коснулось меня когда-то при взглядѣ на Сашку, а потомъ при встрѣчѣ молодого Ростовцева съ барышней на гуляньи въ царскій день, — но уже и нѣчто мужское, тѣлесное. Какъ трепетно ждалъ я вечера! Вотъ оно, мерещилось мнѣ, — наконецъ-то! Что наконецъ-то, что именно? Какая то роковая и какъ будто уже давно вождельнная грань, черезъ которую наконецъ и я долженъ переступить, жуткій порогъ какого-то грѣховнаго рая... И мнѣ уже казалось, что все это будетъ или, по крайней мѣрѣ, начнется нынче же вечеромъ. Я сходилъ къ парикмахеру, который постригъ меня «бобрикомъ» и, надушивъ, взодралъ этотъ бобрикъ сально и пряно вонявшей круглой щеткой, я чуть не часъ мылся, наряжался и чистился дома и, когда шелъ въ садъ, чувствовалъ, какъ у меня леденѣютъ руки и огнемъ пылаютъ уши. Въ саду опять играла музыка, сыпалъ прохладной пылью высокій, раскидистый фонтанъ и съ какой-то женственной роскошью пахло цвѣтами въ бодромъ и студеномъ воздухѣ багрянаго осенняго заката, но народу было мало, отчего мнѣ еще стыднѣе было ходить отдѣльно отъ прочихъ, на виду у всѣхъ, въ этомъ избранномъ «кружкѣ дворянъ - гимназистовъ» и поддерживать съ ними какой-то особый дворянскій разговоръ, — какъ вдругъ меня словно ударило что-то: по аллеѣ, навстрѣчу намъ, быстро шла мелкими шажками, съ тросточкой въ рукахъ, маленькая женщина-дѣвочка, очень ладно сложенная и очень изящно и просто одѣтая. Когда она

быстро подошла къ намъ и, привѣтливо играя агатовыми глазами, свободно и крѣпко пожалала намъ руки своей маленькой ручкой въ узкой черной перчаткѣ, быстро заговорила и засмѣялась, раза два мелькомъ, но любопытно взглянувъ на меня, я впервые въ жизни такъ живо и чувственно ощутилъ все то особенное и ужасное, что есть въ женскихъ смѣющихся губахъ, въ дѣтскомъ звукѣ женскаго голоса, въ округлости женскихъ плечей, въ тонкости женской талии, въ томъ непередаваемомъ, что есть даже въ женской щиколкѣ, что не могъ вымолвить ни слова.

— Образуйте его намъ немножко, Наля, — сказала Лопухинъ, спокойно и развязно кивая на меня съ усмѣшкой въ ничего не выражающихъ глазахъ и такъ безстыдно-многозначительно на что-то намекая, что у меня холодной мелкой дрожью задрожало внутри и чуть не стукнули зубы...

Къ счастью, Наля черезъ нѣсколько дней уѣхала въ губернский городъ — неожиданно умеръ ея дядя, нашъ вице-губернаторъ. Къ счастью, и изъ кружка ничего не вышло. Къ тому же вскорѣ случилось у насъ въ семьѣ огромное событіе: арестовали брата Георгія.

ХІІ.

Событіе это даже отца ошеломило.

Теперь вѣдь и представить себѣ невозможно, какъ относился когда-то рядовой русскій человѣкъ ко всякому, кто осмѣливался «итти противъ царя», образъ котораго, несмотря на непрестанную охоту за Александромъ Вторымъ и даже убійство его, все еще оставался образомъ «земного Бога», вызывалъ въ умахъ и сердцахъ мистическое благоговѣніе. Мистически произносилось и слово «соціалистъ» — въ немъ заключался великій позоръ и ужасъ, ибо въ него вкладывали понятіе всяческаго злодѣйства.

Когда пронеслась вѣсть, что «соціалисты» появились даже и въ нашихъ мѣстахъ, — братья Рогачевы, барышни Субботины, — это такъ поразило нашъ домъ, какъ если бы въ уѣздѣ появилась чума или библейская проказа. Потомъ произошло нѣчто еще болѣе ужасное: оказалось, что сынъ нашего ближайшаго сосѣда, — уже не какого-то Рогачева или Субботина, а человѣка совсѣмъ нашего, — вдругъ пропалъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ въ военно-медицинской академіи, потомъ объявился подъ Ельцомъ на водяныхъ мельницахъ, простымъ грузчикомъ, въ лаптяхъ, въ посконной рубахѣ, весь заросшій бородой, и вскорѣ былъ узнанъ, уличенъ въ «пропагандѣ», — это слово звучало тоже очень страшно, — и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Отецъ нашъ былъ человѣкъ вовсе не темный, не косный и ужъ далеко не робкій во всѣхъ отношеніяхъ; много разъ слыхалъ я въ дѣтствѣ, съ какой дерзостью называлъ онъ иногда Николая Перваго Николаемъ Палкинымъ, бурбономъ; однако слышалъ я и то, съ какой торжественностью и столь же искренно произносилъ онъ на другой день совсѣмъ другія слова: «Въ Божѣ почивающій Государь Императоръ Николай Павловичъ . . . » У отца все зависѣло отъ его барскаго настроенія, а что все таки преобладало? И потому даже и онъ только руками растерянно разводилъ, когда «схватили» этого юнаго и бородатаго грузчика.

— Несчастный Федоръ Михайлычъ! — съ ужасомъ говорилъ онъ про его отца. — Вѣроятно, этого голубчика казнить. Даже непременно казнить, — говорилъ онъ со своей постоянной страстью къ сильнымъ положеньямъ. — Да и подѣломъ, подѣломъ! Очень жалко старика, но церемониться съ ними нечего. Этакъ мы и до французской революціи достукаемся! И какъ я былъ правъ, когда твердилъ, что, попомните мое слово, будетъ этотъ крутолобый, угрюмый болванъ острожникомъ, позоромъ всей своей семьи!

И вотъ, такой-же позоръ, ужасъ вдругъ свалился и на нашу семью. Какъ, почему? Вѣдь ужъ брата-то никакъ нельзя было назвать крутолобымъ, угрюмымъ болваномъ. Его «преступная дѣятельность» казалась еще нелѣпѣе, еще невѣроятнѣе, чѣмъ таковая-же барышень Субботиныхъ, которыя, хотя и принадлежали къ богатому и хорошему дворянскому роду и воспитаны были въ духѣ лучшихъ дворянскихъ завѣтовъ и нравовъ, все таки просто могли быть сбиты съ толку, по своей дѣвичьей глупости, какими-нибудь Рогачевыми...

Въ чемъ заключалась «дѣятельность» брата и какъ именно проводилъ онъ свои университетскіе годы, я точно не знаю. Поразительно мало знаемъ мы всѣ другъ о другѣ, о жизни даже самыхъ близкихъ намъ! Кто рѣшится сказать, что онъ достаточно знаетъ жизнь отца, матери, сестеръ, братьевъ, что онъ въ должной степени интересовался ими, былъ къ нимъ внимателенъ, пока они были съ нимъ, были въ живыхъ? Знаю только то, что дѣятельность эта началась еще въ гимназіи подъ руководствомъ какой-то «замѣчательной личности», какого-то семинариста Доброхотова. Но что общаго былоу брата съ Доброхотовымъ? Правда, братъ, рассказывая мнѣ о немъ въ послѣдствіи, все еще восхищался имъ, говорилъ о его «суровомъ ригоризмѣ», о его желѣзной волѣ, о «безпощадной ненависти къ самодержавію и беззавѣтной любви къ народу», и, конечно, такими именно чертами (за исключеніемъ, разумѣется, «беззавѣтной любви») и отличался Доброхотовъ, но были ли хоть одна изъ этихъ чертъ у брата и почему онъ восхищался? Очевидно, только въ силу той вѣчной легкомысленности, восторженности, что такъ присуща была дворянскому племени и не покидала Радищевыхъ, Чацкихъ, Рудиныхъ, Огаревыхъ, Герценовъ даже и до сѣдыхъ волосъ; потому, что черты Доброхотова считались высокими, героическими; и наконецъ по той простой причинѣ, что, вспоминая Доброхотова, онъ вспоминалъ весь тотъ

счастливый праздникъ, въ которомъ протекала его юность, — праздникъ ощущенія этой юности, праздникъ «преступной», а потому сладостно-жуткой причастности ко всякимъ тайнымъ кружкамъ, праздникъ сборищъ, пѣсенъ, «зажигательныхъ» рѣчей, опасныхъ плановъ и предпріятій . . .

Ахъ, эта вѣчная русская потребность праздника! Какъ чувственны мы, какъ жаждемъ упоенія жизнью, — не просто наслажденія, а именно упоенія, — какъ тянетъ насъ къ непрестанному хмелю, къ запою, какъ скучны намъ будни и планомѣрный трудъ! Какъ удивительно не похожи мы, на примѣръ, на французовъ, людей, конечно, не менѣе насъ страстныхъ, не менѣе понимающихъ толкъ въ наслажденіяхъ, но уже во всемъ познавшихъ край и мѣру, отъ жизни невозможнаго уже не требующихъ, горькимъ опытомъ уже давно наученныхъ, что все равно ничего не выйдетъ путнаго, сколько ты ни пей, ни кури, ни буянь, ни терзай себя и другихъ страстными изліянiami, и что съ большой осторожностью надо тратить силы душевныя и физическія, равно какъ и сантимы, очень не легко въ этомъ мірѣ достаемыя, если только не грабить у сосѣда награбленное, не жить вообще на чужой карманъ, не просить то и дѣло у пріятеля папиросу или франкъ!

Россія въ мои годы жила жизнью необыкновенно широкой и дѣятельной, число людей работающихъ, здоровыхъ, крѣпкихъ въ ней все возрастало. Однако развѣ не исконная русская мечта о молочныхъ рѣкахъ, о волѣ безъ удержу, о праздникѣ была одной изъ главнѣйшихъ причинъ, на примѣръ, русской революціи? И что такое вообще русскій протестантъ, бунтовщикъ, революціонеръ, всегда до нелѣпости отрѣшенный отъ дѣйствительности и ее презиращій, ни въ малѣйшей мѣрѣ не хотящій подчиниться разсудку, разсчету, дѣятельности невидной, неспѣшной, сѣрой? Какъ! Служить въ канцеляріи губернатора, вносить въ общественное дѣло какую-то жалкую лепту! Да ни за что, — «карету мнѣ, карету!»

Брату и въ гимназіи и въ университетѣ пророчили блестящую научную будущность. Но до науки ли было ему тогда! Онъ, видите-ли, долженъ былъ «всецѣло отказаться отъ личной жизни, всего себя посвятить страждущему народу». Онъ былъ добрый, благородный, живой, сердечный юноша и все таки тутъ онъ просто вралъ себѣ или, вѣрнѣе, старался жить — да и жилъ — выдуманными чувствами, какъ жили тысячи прочихъ. Чѣмъ вообще созданы были «хожденія въ народъ» дворянскихъ дѣтей, ихъ возстаніе на самихъ себя, ихъ сборища, споры, подполья, кровавыя слова и дѣйствія? Въ сущности дѣти были плоть отъ плоти, кость отъ кости своихъ отцовъ, тоже всячески прожигавшихъ свою жизнь. Идеи идеями, но вѣдь сколько, повторяю, было у этихъ юныхъ революционеровъ и просто жажды веселаго бездѣлья подъ видомъ кипучей дѣятельности, опьяненія себя сходками, шумомъ, пѣснями, всяческими подпольными опасностями, — да еще «рука объ руку» съ хорошенькими Субботинными, — мечтами объ обыскахъ и тюрьмахъ, громкихъ процессахъ и товарищескихъ путешествіяхъ въ Сибирь, на каторгу, за полярный кругъ! Что побуждало брата, превосходно кончившаго и гимназію, и университетъ только въ силу своихъ совершенно необыкновенныхъ способностей, весь жаръ своей молодости отдавать «подпольной работѣ»? Горькая участь Пилы и Сысойки? Несомнѣнно, читая о ней, онъ не разъ прослезился. Но почему же, подобно всѣмъ своимъ соратникамъ, никогда даже не замѣчалъ онъ ни Пилы ни Сысойки въ жизни, въ Новоселкахъ, въ Батури-нѣ? Во многомъ, во многомъ былъ онъ сынъ своего отца, не даромъ говорившаго послѣ двухъ - трехъ рюмокъ водки:

— Нѣтъ, отлично! Люблю выпить! Замолаживаетъ!

Замолаживаетъ — это слово употреблялось когда - то на винокурняхъ, и человѣкъ выпившій хотѣлъ имъ сказать, что въ него вступаетъ нѣчто молодое, радостное, что въ

немъ совершается нѣкое сладкое броженіе, нѣкое освобожденіе отъ разсудка, отъ будничной связанности и упорядоченности. Мужики такъ и говорятъ про водку: «Какъ можно! Отъ ней въ человѣкѣ развязка дѣлается!» Знаменитое «Руси есть веселіе пити» вовсе не такъ просто, какъ кажется. Не родственно-ли съ этимъ «веселіемъ» и юродство, и бродяжничество, и радѣнія, и самосжиганія, и всяческіе бунты — и даже та изумительная изобразительность, словесная чувственность, которой такъ славна русская литература?

ХІІІ.

Братъ долго скрывался, мѣняя мѣстожителство, подь чужимъ именемъ. Потомъ, когда рѣшилъ, что опасность миновала, пріѣхалъ отдохнуть въ Батурино. Но тутъ, на другой-же день, его арестовали: донесъ о его пріѣздѣ приказчикъ одного изъ нашихъ сосѣдей.

Замѣчательно, что въ то самое утро, когда въ Батурино явились жандармы, этого приказчика убило деревомъ, которое, по его распоряженію, рубили въ саду. Такъ навсегда и осталась въ моемъ воображеніи картина, представившаяся мнѣ тогда: большой старый садъ, весь уже по осеннему прорѣдѣвшій, живописно обезображенный осенними дождями, бурями и первыми заморозками, засыпанный гниющей листвою, чернѣющей стволами и сучьями и пестрѣющей остатками желтаго и краснаго убора, свѣжее и яркое утро, ослѣпительный солнечный свѣтъ, блестящій на полянахъ и теплыми, золотистыми столпами падающій среди стволовъ вдали въ сырой холодокъ и тѣнь низовъ, въ тонкій, сіяющій голубымъ эфиромъ дымъ еще не совсѣмъ испарившагося утренняго тумана, перекрестокъ двухъ аллей и на немъ — великолѣпный столѣтній кленъ, который раскинулся и сквозить на яркомъ и

влажномъ утреннемъ небѣ своей огромной раскрытой вершиной, чернымъ узоромъ сучьевъ съ кое-гдѣ повисшими на нихъ большими зубчатыми лимонными листьями и въ могучій, закаменѣвшій отъ времени стволъ котораго, съ удовольствіемъ акая, все глубже врубаются блестящими топорами мужики въ однихъ рубахахъ и въ шапкахъ на затылокъ, межъ тѣмъ какъ приказчикъ, засунувъ руки въ карманы, глядитъ вверхъ на вздрагивающую въ небѣ макушку дерева. Можетъ быть, онъ задумался о томъ, какъ ловко подсидѣлъ онъ социалиста? А дерево вдругъ крякнуло, макушка внезапно двинулась впередъ — и съ шумомъ, все возрастая въ быстротѣ, тяжести и ужасѣ, ринулась сквозь вѣтви сосѣднихъ деревьевъ на него...

Въ этомъ имѣніи я бывалъ впослѣдствіи много разъ. Оно когда-то принадлежало нашей матери. Отецъ, имѣвшій неутомимую страсть все сбывать съ рукъ, давно продалъ и прожилъ его. Послѣ смерти новаго владѣльца оно перешло къ какой-то «кавалерственной дамѣ», жившей въ Москвѣ, и было заброшено: земля сдавалась мужикамъ, а усадьба предоставлена волѣ Божіей. И часто, проѣзжая мимо нея по большой дорогѣ, отъ которой она была въ какой нибудь верстѣ, я сворачивалъ, ѣхалъ по широкой дубовой аллеѣ, ведшей къ ней, вѣзжалъ на просторный дворъ, оставлялъ лошадь возлѣ конюшенъ, шелъ къ дому... Сколько заброшенныхъ помѣстій, запущенныхъ садовъ въ русской литературѣ и съ какой любовью всегда описывались они! Въ силу чего русской душѣ такъ мило, такъ отрадно запустѣнье, глушь, раззоръ, распадъ? Я шелъ къ дому, проходилъ садъ, поднимавшійся за домомъ... Конюшни, людскія избы, амбары и прочія службы, раскинутыя вокругъ пустыннаго двора, — все было огромно, сѣро, все разрушалось и дичало, какъ дичали, заростали бурьяномъ, кустарникомъ и огороды, гумна, простиравшіяся за ними и сливавшіяся съ полемъ. Деревянный домъ, обшитый сѣрымъ тесомъ, конечно, гнилъ,

ветшалъ, съ каждымъ годомъ дѣлаясь все плѣнительнѣе, и особенно любилъ я заглядывать въ его окна съ мелко-рѣшетчатыми рамами... какъ передать тѣ чувства, что испытываешь въ такія минуты, когда какъ бы воровски, кощунственно заглядываешь въ старый, пустой домъ, въ безмолвное и таинственное святилище его давней, исчезнувшей жизни! А садъ за домомъ былъ, конечно, наполовину вырубленъ, хотя все еще красовалось въ немъ много вѣковыхъ липъ, кленовъ, серебристыхъ итальянскихъ тополей, березъ и дубовъ, одиноко и безмолвно доживавшихъ въ этомъ забытомъ саду свои долгіе годы, свою вѣчно-юную старость, красота которой казалась еще болѣе дивной въ этомъ одиночествѣ и безмолвіи, въ своей благословенной, божественной безцѣльности. Небо и старья деревья, у каждаго изъ которыхъ всегда есть свое выраженіе, свои очертанія, своя душа, своя дума, — можно ли наглядѣться на это? Я подолгу бродилъ подъ ними, не сводя глазъ съ ихъ безконечно разнообразныхъ вершинъ, вѣтвей, листьевъ, томясь желаніемъ понять, разгадать и навсегда запечатлѣть въ себѣ ихъ образы, сидѣлъ, думая о нихъ, на просторномъ косогорѣ подъ садомъ, среди огромныхъ дубовыхъ пней, грубо чернѣвшихъ на немъ въ нѣжной высокой травѣ и цвѣтахъ, надъ свѣтлыми прудами, все еще полноводно лежавшими подъ косогоромъ въ лощинѣ... Какъ отрѣшалась тогда душа отъ жизни, съ какой грустной и благой мудростью, точно изъ какой-то неземной дали, глядѣла она на нее, созерцала «вѣщи и дѣла» человѣческія! И каждый разъ непремѣнно вспоминался мнѣ тутъ и этотъ несчастный человѣкъ, убитый старымъ кленомъ, погибшій вмѣстѣ съ нимъ, и вся несчастная, безсознательно испорченная имъ, этимъ человѣкомъ, судьба брата, и тотъ далекій осенній день, когда привезли его два бородатыхъ жандарма, похожихъ на Александра Третьяго, изъ Батурина въ городъ, въ тотъ самый острогъ, гдѣ такъ поразилъ меня когда-то мрачный узникъ, гля-

дѣвшій изъ-за желѣзной рѣшетки на заходящее солнце...

Отецъ съ матерью прискакали въ этотъ день въ городъ, вслѣдъ за казенной тройкой брата, совершенно внѣ себя. Мать даже не плакала, ея темные глаза горѣли сухо, страшно. Отецъ старался не глядѣть ни на меня ни на нее, все только курилъ и повторялъ:

— Вздоръ, пустяки! Повѣрьте, что черезъ нѣсколько дней вся эта ерунда разъяснится...

Въ тотъ же день вечеромъ брата увезли дальше, въ Харьковъ, гдѣ было то подполье, за причастность къ которому и былъ онъ арестованъ. Мы ѣздили на вокзалъ провожать его. Кажется, больше всего поразило меня то, что пріѣхавъ на вокзалъ, мы должны были итти въ залъ третьяго класса, гдѣ братъ, подъ надзоромъ жандармовъ, дожидался отхода поѣзда, уже не смѣя сидѣть съ обыкновенными, приличными, свободными людьми, уже лишившись воли распоряжаться собой, возможности пить чай или ѣсть пирожки вмѣстѣ съ ними. И какъ только мы вошли въ этотъ вонючій и безобразно, беспорядочно людный, шумный залъ, меня такъ и ударилъ въ сердце видъ брата, его арестанская обособленность и безправность: онъ и самъ хорошо понималъ ее, чувствовалъ всю свою униженность и неловко, виновато улыбался. Онъ одиноко сидѣлъ въ самомъ дальнемъ углу возлѣ дверей на платформу, юношески милый и жалкій своей чистотой, худощавостью, своимъ легкимъ сѣренькимъ костюмчикомъ, на который была накинута отцовская енотовая шуба. Возлѣ него было пусто, — жандармы то и дѣло отстраняли бабъ, мужиковъ и мѣщанъ, толпившихся вокругъ и съ любопытствомъ, со страхомъ глядѣвшихъ на живого социалиста, слава Богу, уже попавшаго въ клѣтку. Особенно любопытствовалъ какой-то сельскій батюшка, длинный, въ высокой бобровой шапкѣ и глубокихъ пыльных калошахъ, не сводившій съ брата расширенныхъ глазъ и таинственной скороговоркой засыпавшій жандармовъ вопро-

сами, на которые они не отвѣчали. Они поглядывали на брата, какъ на провинившагося мальчика, котораго они волей неволей должны стеречь и везти куда приказано, и одинъ изъ нихъ съ ласковой и снисходительной усмѣшкой сказалъ матери:

— Не беспокойтесь, сударыня, все, Богъ дастъ, обойдется... Пожалуйста, посидите съ ними, до поѣзда еще минутъ двадцать... Вотъ младшій сейчасъ пойдетъ запасется кипяточкомъ, купить имъ на дорогу, какой прикажете, закусочки... Это вы хорошо сдѣлали, что шубу имъ дали, — въ вагонѣ ночью прохладно будетъ...

Помню, что тутъ мать наконецъ заплакала, — сѣла на скамейку возлѣ брата и вдругъ зарыдала, зажимая ротъ платкомъ, отецъ же, болѣзненно сморщивъ лицо, махнулъ рукой и быстро пошелъ прочь. Онъ не переносилъ страданій, непріятностей, всегда, въ силу невольной самозащиты, спѣшилъ какъ нибудь уклониться отъ нихъ, — онъ даже мало мальски тяжелыхъ разлукъ избѣгалъ, всегда неожиданно ихъ обрывая, поспѣшно хмурясь и бормоча, что долгіе проводы — лишнія слезы. Онъ ушелъ въ буфетъ, выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, пошелъ искать станціоннаго жандармскаго полковника съ просьбой разрѣшить брату ѣхать въ первомъ классѣ... Назадъ прибѣжалъ онъ только въ ту послѣднюю, страшную минуту, когда, съ беспощаднымъ грохотомъ и шумомъ, уже обрушился на насъ этотъ роковой харьковскій поѣздъ...

XIV.

Въ этотъ вечеръ я не чувствовалъ, кажется, ничего, кромѣ растерянности, недоумѣнія. Но вотъ брата увезли, отецъ съ матерью уѣхали... Мнѣ понадобилось послѣ того не мало времени, чтобы пережить свой новый душевный недугъ.

Отець съ матерью уѣхали почему-то на другой же день утромъ. Было солнечно, какъ часто бываетъ у насъ въ октябрѣ, но даже въ городѣ насквозь прохватываль рѣзкій сѣверный вѣтеръ, и все было необыкновенно чисто, ясно, просторно — пролеты улицъ, дали пустыхъ окрестностей, точно совсѣмъ лишенныхъ воздуха, яркое небо, кое-гдѣ сѣявшее острой прозеленью между быстро плывущими дымчато-бѣлыми облаками... Я проводилъ уѣзжающихъ до монастыря и острога, между которыми убѣгало въ холодныя и нагія, пестрыя отъ солнца и облачныхъ тѣней поля уже подмерзшее, крѣпко закаменѣвшее шоссе. Тутъ тарантасъ остановился. Солнце, поднявшееся, покуда собрались и выѣхали, немного выше, то и дѣло выглядывало изъ-за облаковъ; но его слѣпящій свѣтъ не грѣлъ, а съ выѣзда въ поле, съ сѣвера дуло такъ пронзительно, что кучеръ на козлахъ гнулъ голову, у отца, сидѣвшаго въ шубѣ и въ зимней шапкѣ, трепались усы и на глаза, въ которыхъ рябило отъ вѣтра, выступали слезы. Я слѣзъ, и мать вновь горько заплакала, прижавшись къ моему лицу сѣрымъ теплымъ капоромъ, отецъ же только торопливо перекрестилъ меня, сунулъ къ моимъ губамъ озябшую руку и крикнулъ въ спину кучеру:

— Пошелъ!

Тарантасъ съ полуподнятымъ верхомъ тотчасъ же загремѣлъ, могучій бурый коренникъ задралъ голову и затрясъ залившійся подъ дугой колокольчикъ, гнѣдые пристяжныя дружно и вольно взяли вскачь, подкидывая крупы, а я еще долго стоялъ на шоссе, провожая глазами этотъ верхъ, сразу скрывшій отъ меня послѣднихъ родныхъ мнѣ людей, глядя на убѣгающія заднія колеса, на косматыя бабки коренника, быстро пляшущія между ними подъ кузовомъ тарантаса, и на высоко и легко взвивающіяся по его бокамъ подковы пристяжныхъ, — долго съ мукой слушалъ удаляющійся поддужный плачь. Я стоялъ въ своей легонькой шинелькѣ, пронизываемый вѣтромъ,

преодолювая его плечомъ, и вспоминалъ то, что говорилъ отецъ вчера вечеромъ, за ужиномъ въ номерѣ Дворянской, наливая себѣ портеру:

— Вздоръ, пустяки! — говорилъ онъ твердо. — Эка, подумаешь, важность! Ну, арестовали, ну, увезли и, можетъ, въ Сибирь сошлютъ,—даже навѣрное сошлютъ,—да мало ли ихъ нынче ссылаютъ и чѣмъ, позвольте спросить, какой-нибудь Тобольскъ хуже Ельца, Воронежа? Да и вообще все вздоръ и пустяки! Пройдетъ дурное, пройдетъ и хорошее, какъ сказала Тихонъ Задонскій, — все пройдетъ!

Я вспоминалъ эти слова и чувствовалъ, что мнѣ не только не легче, а еще больнѣе отъ нихъ. Можетъ быть, и впрямь все вздоръ, но вѣдь этотъ вздоръ моя жизнь, и зачѣмъ же я чувствую ее данной вовсе не для вздора и не для того, чтобы все безслѣдно проходило, исчезало? Все пустяки, — однако оттого, что увезли брата, для меня какъ будто весь міръ опустѣлъ, сталъ огромнымъ, бессмысленнымъ, и мнѣ въ немъ теперь такъ грустно и такъ одиноко, какъ будто я уже внѣ его, межъ тѣмъ какъ мнѣ нужно быть вмѣстѣ съ нимъ, любить и радоваться въ немъ! Какъ же пустяки, когда оказалось, что я люблю, — да и всегда, очевидно, любилъ, — того милаго и жалкаго «соціалиста», что сидѣлъ вчера арестантомъ на вокзалѣ въ своемъ сѣренькомъ пиджачкѣ и накинутой на плечи енотовой шубѣ, а его куда-то увезли, лишили свободы, счастья, разлучили съ нами и со всей обычной жизнью? Все въ мірѣ какъ будто по-прежнему, какъ всегда, и всѣ свободны и счастливы, а онъ одинъ въ неволѣ и въ несчастьи. Вотъ, подгоняемая этимъ ледянымъ и буйнымъ вѣтромъ, бѣжитъ вдоль шоссе въ городъ, бочкомъ трусить какая-то скромная, чѣмъ-то своимъ озабоченная рыжая собаченка; а его уже нѣтъ, онъ теперь гдѣ-то тамъ, въ безконечной и пустой, сіяющей южной дали, ѣдетъ въ замкнутомъ купѣ солнечнаго вагона подъ надзоромъ

двухъ вооруженныхъ жандармовъ, везущихъ его въ какой-то Харьковъ. Вотъ спокойно стоитъ противъ солнца, глядитъ черезъ шоссе на монастырь своими рѣшетчатыми окнами желтый острожный домъ, такой-же жуткій, ото всѣхъ особенный, какъ и тотъ, что ждетъ его въ Харьковѣ, и вчера въ этомъ домѣ сидѣлъ нѣсколько часовъ и онъ, а нынче въ немъ его уже нѣтъ, — чувствуется только скорбный остатокъ его присутствія. Вотъ изъ-за высокой и зубчатой монастырской стѣны въ мраморномъ отъ облаковъ небѣ дивно блестятъ тускло-золотыя соборныя маковки и сквозятъ, чернѣютъ сучья древнихъ кладбищенскихъ деревьевъ, а онъ уже не видитъ этой красоты, не дѣлитъ со мной радости глядѣть на нихъ... На громадныхъ запертыхъ воротахъ монастыря, на ихъ створахъ, во весь ростъ были лубочно написаны два высокихъ, могильно-изможденныхъ святителя въ епитрахильяхъ, съ зеленоватыми печальными ликами, съ длинными, до земли развернутыми хартіями въ рукахъ: сколько лѣтъ стоятъ они такъ, сколько вѣковъ уже нѣтъ ихъ на свѣтѣ? Все пройдетъ, все пройдётъ, будетъ время, когда не будетъ въ мірѣ и насъ, — ни меня, ни отца, ни матери, ни брата, — а эти древне-русскіе старцы со своимъ священнымъ и мудрымъ писаніемъ въ рукахъ будутъ все такъ-же безстрастно и печально стоять на воротахъ... И, снявъ картузь, со слезами на глазахъ, я сталъ креститься на ворота, все живѣе чувствуя, что съ каждой минутой мнѣ становится все жалче себя и брата, — то есть, что я все больше люблю себя, его, отца съ матерью, — и горячо прося святителей помочь намъ, ибо какъ ни больно, какъ ни грустно въ этомъ непонятномъ мірѣ, онъ все же прекрасенъ и намъ все таки страстно хочется быть счастливыми и любить другъ друга...

Я пошелъ назадъ, часто останавливаясь, оборачиваясь. Вѣтеръ дулъ какъ будто еще крѣпче и холоднѣе, но солнце поднималось, сіяло, день веселѣлъ, требовалъ жизни,

радости, и надо всѣмъ, — надъ городомъ, надъ пустой Щепной площадью, надъ заповѣднымъ, безмолвнымъ помѣстьемъ монастыря съ его высокой стѣной, кладбищенской рощей и золотыми соборными главками, и надъ той необозримой степной равниной, куда къ прозрачно-зеленому сѣверному небосклону убѣгало шоссе, — плыли въ блѣдно-голубомъ, въ жидкомъ и яркомъ осеннемъ небѣ крупныя и красивыя лиловатыя облака, и все было свѣтло и пестро, по всему картинно и легко, то и дѣло чередуясь съ солнцемъ, шли воздушныя дымчатыя тѣни. Я стоялъ, смотрѣлъ и шель дальше... Гдѣ только я не былъ въ этотъ день!

Я обошелъ кругомъ весь городъ. Я шель по той черной слободѣ, что спускалась отъ Щепной площади къ кожевннымъ заводамъ, перешель по горбатуму, отъ древности полуразрушенному каменному мосту черезъ сладкозловонный рѣчной притокъ, заваленный гнѣющими въ немъ бурыми шкурами, поднялся на противоположную гору къ женскому монастырю, — онъ такъ и сіялъ противъ солнца мѣловой бѣлизной своихъ стѣнъ, а изъ калитки его воротъ выходила молоденькая монашка въ грубыхъ башмакахъ, въ грубыхъ черныхъ одеждахъ, но такой тонкой, чистой, древне-русской иконописной красоты, что я, пораженный, даже остановился, — потомъ пошелъ къ Аграмачѣ, опять спустился къ притоку и поднялся къ собору... На обрывѣ за соборомъ я стоялъ, глядя на гнилыя тесовыя крыши мѣщанскихъ лачугъ, лѣпившихся внизу по буграмъ вдоль рѣки, на внутренности ихъ грязныхъ и убогихъ дворишекъ, и все что-то думалъ о человѣческой жизни, о томъ, что все проходитъ и повторяется, что, вѣрно, и триста лѣтъ тому назадъ были тутъ все такія-же черныя тесовыя крыши и всякая сорная дрянь, что растеть на пустыряхъ, на глинистыхъ буграхъ, потомъ мысленно видѣлъ отца съ матерью, скачущихъ на тройкѣ по свѣтлымъ, пустыннымъ полямъ, видѣлъ Батурино, гдѣ все

такъ мирно, родственно, теперь, конечно, очень, очень грустно, а все таки несказанно мило, отрадно, видѣлъ брата Николая, черноглазую десятилѣтнюю Олю, нашу съ ней завѣтную ель передъ окнами зала и пустой, обнаженный, по осеннему печальный садъ, буйный вѣтеръ и вечеряющее солнце въ немъ, — всей душой стремился туда, но за всѣми этими думами и чувствами все время неотступно чувствовалъ брата. Я смотрѣлъ на рѣку, сѣрой рябью равномерно шедшую къ желтымъ скаламъ, дѣлавшую подъ ними поворотъ на югъ и пропадавшую вдаль, опять думалъ о томъ, что даже и при печенѣгахъ все такъ же шла она — и старался не смотрѣть на Зарѣчье, на краснѣющей на его окраинѣ вокзалъ, съ котораго вчера въ сумерки увезли брата, не слышать грустно-требовательныхъ паровозныхъ криковъ, сквозь вѣтеръ доносившихся оттуда въ ледяномъ вечернемъ воздухѣ... Какъ мучительно мѣшалось съ братомъ все, что я видѣлъ и переживалъ въ этотъ странный день, больше же всего, кажется, то сладкое восхищеніе, съ которымъ я вспоминалъ о монашкѣ, выходившей изъ калитки монастыря!

Еще долго потомъ не могъ спокойно слышать я этихъ далекихъ станціонныхъ свистковъ, — особенно просыпаясь по ночамъ...

Мать въ это время дала Богу, за спасеніе брата, обѣтъ вѣчнаго поста, который она и держала всю жизнь, вплоть до самой своей смерти, съ великой строгостью. И Богъ не только пощадилъ, но и наградилъ ее: черезъ годъ брата освободили и, къ ея великой радости, выслали на трехлѣтнее жительство въ Батурино, подъ надзоръ полиціи...

XV.

Черезъ годъ вышелъ на свободу и я, — бросилъ гимназію и тоже возвратился подъ родительскій кровъ, чтобы встрѣтить тамъ дни, несомнѣнно, самые удивительные изъ всѣхъ пережитыхъ мной.

Это было уже начало юности, время для всякаго удивительное, для меня же, въ силу нѣкоторыхъ счастливыхъ обстоятельствъ и нѣкоторыхъ моихъ особенностей, оказавшееся удивительнымъ особенно.

Жизнь моя въ это время не только опять рѣзко измѣнилась внѣшне, но ознаменовалась еще однимъ, внезапнымъ и благодѣтельнымъ переломомъ, расцвѣтомъ, совершившимся во всемъ моемъ существѣ.

Удивителенъ весенній расцвѣтъ дерева. А какъ онъ удивителенъ, если весна дружная, счастливая! Тогда то незримое, что неустанно идетъ въ немъ, проявляется, дѣлается зримымъ особенно чудесно. Взглянувъ на дерево однажды утромъ, поражаешься обилію почекъ, покрывшихъ его за ночь. А еще черезъ нѣкій срокъ внезапно лопаются почки — и черный узоръ сучьевъ сразу осыпаютъ несмѣтныя ярко-зеленыя мушки. А тамъ надвигается первая туча, гремитъ первый громъ, свергается первый теплый ливень — и опять, еще разъ совершается диво: дерево стало уже такъ темно, такъ пышно по сравненію со своей вчерашней голой снастью, раскинулось крупной и блестящей зеленью такъ густо и широко, стоитъ въ такой красѣ и силѣ молодой крѣпкой листвы, что просто глазамъ не вѣришь... Нѣчто подобное произошло и со мной въ то время. И вотъ настала и для меня не только полная и радостная весенняя жизнь, но и тѣ волшебные дни —

Когда въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являются стала муза мнѣ . . .

Ни лицейскихъ садовъ, ни царскосельскихъ озеръ и лебедей, ничего этого мнѣ, потомуку «промотавшихся отцовъ», въ удѣлъ уже не досталось. Но великая и божественная новизна, свѣжесть и радость «всѣхъ впечатлѣній бытія», но долины, всегда и всюду таинственныя для юнаго сердца, но сіяющія въ тишинѣ воды и первыя, жалкія, неумѣлыя, но незабвенныя встрѣчи съ музой—все это и у меня было. То, среди чего, говоря словами Пушкина, «расцвѣталъ» я, очень не походило на царскосельскіе парки. Но какъ плѣнительно, какъ родственно звучали для меня тогда пушкинскія строки о нихъ! Какъ живо выражали онѣ сущность того, чѣмъ полна была моя душа, — тѣ тайныя лебединыя клики, что порою такъ горячо и призывно оглашали ее! И не все-ли равно, что именно извлекало ихъ? Что съ того, что ни единымъ словомъ не умѣлъ я ихъ передать, выразить?

XVI.

Всѣ человѣческія судьбы слагаются случайно, въ непремѣнной зависимости отъ судебъ, ихъ окружающихъ. Такъ сложилась и судьба моей юности, опредѣлившей и всю мою судьбу. Какъ въ старинныхъ стихахъ —

Мнѣ возвращень былъ кровъ родимый,
Дарованъ миръ степной глуши,
Привычный бытъ и кругъ любимый
И жаръ восторженной души . . .

Почему я бросилъ гимназію? Была-ли бы моя юность такой, какой она была, и какъ сложилась бы вся моя

жизнь, не случись этого на первый взгляд ничтожного события?

Отецъ иногда говорилъ, что я бросилъ ее по причинамъ совершенно непозволительнымъ въ своей неожиданности и нелѣпости, просто «по вольности дворянства», какъ онъ любилъ выражаться, бранилъ меня своенравнымъ недорослемъ и пенялъ себѣ за попустительство этому своенравію. Но говорилъ онъ и другое, — сужденія его всегда были крайне противорѣчивы, — то, что я поступилъ вполнѣ «логично», — онъ произносилъ это слово очень точно и изысканно, — сдѣлалъ такъ, какъ требовала моя натура.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ, — призваніе Алексѣя не гражданское поприще, не мундиръ и не хозяйство, а поэзія души и жизни. Да и хозяйствовать-то, слава Богу, уже не надъ чѣмъ! А тутъ, кто знаетъ, можетъ, вторымъ Пушкинымъ или Лермонтовымъ выйдетъ. Да и чѣмъ ему не профессоръ Георгій? Будетъ знать, надѣюсь, не меньше своего любезнаго папеньки, который вѣдь тоже въ свое время просто сбѣжалъ изъ воронежскаго пансіона и удовольствовался «домашнимъ воспитаніемъ» . . .

Въ самомъ дѣлѣ, многое сложилось противъ моего казеннаго ученія: и та «вольность», которая была такъ присуща въ прежнія времена на Руси далеко не одному дворянству и которой не мало было въ моей крови, и наследственныя черты «папеньки», и мое призваніе «къ поэзіи души и жизни», уже ясно опредѣлившееся въ ту пору, и наконецъ, то случайное обстоятельство, что брата сослали не въ Сибирь, а въ Батурино.

Я очень измѣнился душевно и тѣлесно, какъ то сразу очень окрѣпъ и возмужалъ за послѣдній годъ пребыванія въ гимназіи. До этой поры во мнѣ, думаю, преобладали черты матери, но тутъ быстро стали развиваться отцовскія, — его бодрая жизненность, сопротивляемость обстоятельствамъ, той чувствительности, которая была и въ

немъ, но которую онъ всегда безсознательно спѣшилъ взять въ свои здоровыя и крѣпкія руки, и его безсознательная настойчивость въ достиженіи желаемого, его своеобразие. То, весьма въ сущности неважное, что произошло съ братомъ и что казалось тогда всей нашей семьѣ ужаснымъ, пережито было мной не сразу, но все таки, конечно, пережито и даже послужило къ моей зрѣлости, къ возбужденію моихъ силъ. Я почувствовалъ, что отецъ правъ, — «нельзя жить плакучей ивой», что жизнь «все таки великолѣпная вещь», какъ говорилъ онъ порой во хмелю, и уже сознательно видѣлъ, что въ ней есть нѣчто неотразимо-чудесное — словесное творчество. И въ мою душу запало твердое рѣшеніе — во что бы то ни стало перейти въ пятый классъ, а затѣмъ навсегда развязаться съ гимназіей, вернуться въ Батурино и стать «вторымъ Пушкинымъ или Лермонтовымъ», Жуковскимъ, Баратынскимъ, свою кровную принадлежность къ которымъ я живо ощутилъ, кажется, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только узналъ о нихъ, на портреты которыхъ я глядѣлъ какъ на фамиліные.

Всю эту зиму я старался вести жизнь трудовую, бодрую, а весной мнѣ уже и стараться не нужно было. За зиму со мной, несомнѣнно, что-то случилось, — въ смыслѣ прежде всего тѣлеснаго развитія, — какъ неожиданно случается это со всѣми подростками, у которыхъ вдругъ начинается пробиваться пушокъ на щекахъ, грубо начинаютъ расти руки и ноги и грубѣть, ломается голосъ. Грубости у меня, слава Богу, ни въ чемъ не проявилось даже и въ ту пору, но пушокъ уже золотился, глаза засинѣли ярче и гуще и лицо, черты котораго стали опредѣленнѣй, точно покрылось легкимъ и здоровымъ загаромъ. Экзамены я поэтому держалъ со всѣмъ не такъ, какъ прежде. Я зубрилъ по цѣлымъ днямъ, самъ наслаждаясь своей неутомимостью, подтянутостью, съ радостью чувствуя все то молодое, здоровое,

чистое, что дѣлаетъ иногда экзамены похожими на Страстную недѣлю, на говѣнье, на приготовленіе къ исповѣди и причастію. Я спалъ по три, по четыре часа, по утрамъ вскакивалъ съ постели легко и быстро, мылся и одѣвался особенно заботливо, молился Богу съ увѣренностью, что Богъ непременно поможетъ мнѣ даже въ аористахъ, выходилъ изъ дому съ твердымъ спокойствіемъ, крѣпко держа въ умѣ и сердцѣ все то, что было завоевано вчера и что нынче требовалось донести и передать куда слѣдуетъ стойко и полностью. А когда весь этотъ искусь благополучно кончился, меня ждала другая радость: ни отецъ, ни мать на этотъ разъ не пріѣхали, чтобы везти меня въ Батурино, а только прислали за мной, какъ за взрослымъ, тарантасъ парой, которой правилъ молодой и смѣшливый работникъ, за дорогу быстро ставшій моимъ сердечнымъ другомъ. А въ Батуринѣ, — это была большая и довольно зажиточная деревня съ тремя помѣщичьими усадьбами, потонувшими въ садахъ, съ нѣсколькими прудами и просторными выгонами, — все уже цвѣло, зеленѣло, радовалось чудеснымъ днямъ конца мая, и я вдругъ ощутилъ, понимая эту счастливую красоту, эту пышность и яркость зелени, полноводность прудовъ, озорство соловьевъ и лягушекъ, уже какъ юноша, съ чувственной полнотой и силой...

Лѣтомъ зачѣмъ-то женился братъ Николай, тѣмъ самымъ махнувъ на себя рукой, поставивъ крестъ на всѣхъ своихъ мечтахъ и надеждахъ, на всѣхъ своихъ способностяхъ и стремленіяхъ. Чѣмъ только не мечталъ онъ быть? На дѣлѣ-же предавался лишь одному — сладкому деревенскому бездѣлью да любовнымъ исторіямъ. Когда же и то, и другое наскучило, онъ вдругъ рѣшилъ жениться и женился — безъ любви, на дѣвушкѣ едва знакомой, на дочери простого нѣмца, управляющаго казеннымъ имѣніемъ въ селѣ Васильевскомъ... Думаю, что эта вполнѣ нелѣпая женитьба, тотъ праздникъ, въ кото-

рый она превратила для насъ все лѣто, мое участіе во всемъ этомъ все-таки какъ бы любовномъ дѣлѣ, а затѣмъ присутствіе въ домѣ молодой женщины тоже много способствовало моему быстрому развитію.

А вскорѣ послѣ того неожиданно, — совершенно неожиданно, безъ всякаго предупрежденія, — явился въ Батурино братъ Георгій, и самъ за недѣлю передъ этимъ никакъ не чаявшій, что его освободятъ. Былъ ясный вечеръ, лучистое солнце мирно и весело скрывалось за дворовыми службами усадьбы, во дворѣ уже пахло холодящей травой, въ задумчивой вечерней красотѣ, какъ на старинной идиллической картинѣ, стоялъ нашъ старый домъ со своими сѣрыми деревянными колоннами и высокой крышей, всѣ сидѣли въ саду на балконѣ за чаемъ, а я спокойно направлялся по двору къ конюшнѣ сѣдлатъ себѣ лошадь и ѣхать кататься на большую дорогу, какъ вдругъ въ нашихъ деревенскихъ воротахъ показалось нѣчто совершенно необычное: городской извозчикъ! До сихъ поръ помню ту особенную острожную блѣдность, которой меня поразило знакомое и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ какое-то новое, чужое лицо брата . . .

Это былъ одинъ изъ счастливейшихъ вечеровъ въ жизни нашей семьи и начало того мира, благополучія, которое въ послѣдній разъ воцарилось въ ней на цѣлыхъ три года передъ ея концомъ, разсѣяніемъ . . .

XVII.

Вѣка прошли, лицо всей земли измѣнилось съ тѣхъ поръ. Ни слѣда не осталось отъ Батурина, — хоть бы пустырь двора, хоть бы камень дома, хоть бы пень отъ сада! — и почти ни одной живой души изъ тѣхъ, что дѣлили со мной мои батуринскіе дни. И что было въ этихъ дняхъ удивительнаго? Ничего, кромѣ ихъ новизны для меня, кромѣ моей

свѣжести, молодости. Міръ для юноши близорукаго, безъ слуха, безъ обонянiя совсѣмъ другой, чѣмъ для здороваго. А я видѣлъ всѣ семь звѣздъ въ Плеядахъ, за версту слышалъ свистъ сурка въ вечернемъ полѣ, пьянѣлъ отъ той остроты, съ которой вдыхалъ запахъ осенняго утра, зимней мятели, старой книги или ландыша . . . Правъ старый поэтъ:

Божественна и несказанна
Дней нашихъ первая весна,
Одно свѣжо, благоуханно,
Одно есть въ мірѣ — новизна!

И все росло, все обострялось во мнѣ радостное, чувственное ощущенiе этой новизны.

Съ нимъ я вѣхалъ въ Батурино послѣ экзаменовъ, съ нимъ проснулся на другой день, ѣлъ и пилъ за чаемъ, вышелъ на крыльцо, пошелъ по росистой травѣ въ конюшню къ своей Кабардинкѣ, увидалъ ея радостно загорѣвшійся сквозь сумракъ въ лучѣ солнца глазъ, услышалъ ея счастливое ржанье, обнялъ ея крѣпкую атласную шею, разговаривалъ съ работниками, возившими съ варка влажный, сладко-вонючій навозъ, смотрѣлъ на утреннюю майскую зелень, на бѣлый, густо-цвѣтущій садъ . . . Съ этимъ юношескимъ чувствомъ дѣлилъ я и поѣздки брата Николая къ его невѣстѣ въ Васильевское — вольный бѣгъ тройки въ предвечернее мирное время по проселкамъ, среди все густѣющихъ ржей, кукованье кукушки въ далекой березовой рощѣ, еще полной травы и цвѣтовъ, видъ причудливыхъ iюньскихъ облаковъ на золотомъ западѣ, вечернiе смѣшанные запахи села, его избъ, садовъ, рѣки, винокуреннаго завода, кушаній, приготовляемыхъ къ ужину въ домѣ управляющаго, рѣзкіе, подмывающіе звуки аристана, на которомъ играли для насъ его младшія дочери, вестфальскіе пейзажи на стѣнахъ, огромные букеты черно-

красныхъ піоновъ на столикахъ, все то веселое, нѣмецкое радушіе, которымъ окружали насъ въ этомъ домѣ, и все увеличивающуюся, родственную близость къ намъ той высокой, худощавой, некрасивой, но чѣмъ-то очень милой дѣвушки, которая вотъ-вотъ должна была стать членомъ нашей семьи и уже говорила мнѣ ты . . .

Шаферомъ я еще не могъ быть, но и положеніе свадебнаго отрока, принятое мной на себя, уже не подходило ко мнѣ, когда я, затянутый въ новый блестящій мундиръ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ сіяющими глазами и напомаженный, надѣвалъ бѣлую атласную туфельку на ея ногу въ шелковомъ скользкомъ чулкѣ, а потомъ ѣхалъ съ ней въ каретѣ на могучей сѣрой парѣ въ Знаменье. Каждый день шли дожди, лошади несли, разбрасывая комья синей чернотоземной грязи, тучныя, пресыщенные влагой ржи клонили на дорогу мокрые сѣро-зеленые колосья, низкое солнце то и дѣло блистало сквозь крупный золотой ливень, — это, говорили, къ счастливому браку, — алмазно сверкающія дождевыми слезами стекла кареты были подняты, въ ея шелковой стеганой коробкѣ было тѣсно, и я съ упоеньемъ дышалъ свѣжестью духовъ невѣсты, сладостью флердоранжа и всѣмъ тѣмъ чистымъ воздушнымъ, бѣлоснѣжнымъ, въ чемъ она тонула, глядѣлъ въ ея заплаканные счастливые глаза и неловко держалъ въ рукахъ образъ въ золотой новой ризѣ, которымъ ее благословили. А во время вѣнчанія я впервые, но глубоко почувствовалъ то чудное, ветхозавѣтное, что есть въ этомъ радостномъ таинствѣ, которое особенно прекрасно въ деревенской церкви, подъ ея бѣдной, но торжественно зажженной люстрой, подъ нестройно-громкіе, ликующіе крики сельскаго клира, при открытыхъ на вечернее зеленѣющее небо дверяхъ, въ которыхъ тѣснится толпа восхищенныхъ, робѣющихъ бабъ и дѣвокъ . . . Когда-же то новое и какъ будто счастливое, что вошло въ нашъ домъ съ молодыми, завершилось неожиданнымъ пріѣздомъ брата и вся наша семья

оказалась въ сборѣ и полномъ благополучіи, мысль о возвращеніи въ гимназію показалась мнѣ особенно нелѣпой.

Братъ однако очень отговаривалъ меня бросать ее. И, въ силу обожанія, которое все росло во мнѣ къ нему, я на нѣкоторое время — до святокъ — сдался. Я воротился осенью въ городъ, опять сталъ ходить въ классы, но уроки едва просматривалъ и все чаще отказывался отвѣчать учителямъ, которые съ ядовитымъ и вѣжливымъ спокойствіемъ выслушивали мои ссылки на головную боль и съ наслажденіемъ, необыкновенно красиво ставили мнѣ единицы. Я все читалъ Карамзина, Соловьева, Костомарова, ходилъ, надѣвъ поддевку и длинные сапоги, по трактирамъ, по базарамъ, съ жадностью слушая мужицкіе и мѣщанскіе споры и бесѣды на торгу и за чаепитіемъ, шатался по окраинамъ города, наглядываясь на ихъ видъ и бытъ, встрѣчалъ и провожалъ поѣзда на станціи въ толкотнѣ и суетѣ пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ, не сводя глазъ съ ихъ несмѣтно разнообразныхъ лицъ, — особенно московскихъ, купеческихъ, и донскихъ, кавказскихъ, — завидовалъ тѣмъ, что, спѣша и волнуясь, усаживались съ множествомъ вещей въ вагоны «дальняго слѣдованія», съ наслажденіемъ обонялъ густое и пахучее тепло люднаго буфета, въ которое то и дѣло врывался свѣжій холодъ изъ растворяемыхъ дверей, замиралъ, когда били звонки и огромный швейцаръ въ длинной ливреѣ, выйдя на середину залы, пѣлъ зычнымъ, величественнымъ басомъ, возглашалъ съ дорожной протяжностью, съ угрожающей, строгой грустью, куда и какой поѣздъ отправляется . . . Такъ дожилъ я до святокъ. А какъ только получилъ отпускъ, сломя голову прибѣжалъ домой, въ пять минутъ собрался, едва простился съ Ростовцевыми и Глѣбочкой, — онъ еще долженъ былъ дожидаться лошадей изъ деревни, а я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, черезъ Васильевское, — схватилъ свой чемоданчикъ и, выскочивъ на улицу, кинулся въ мерзлыя, драныя санки перваго попав-

шагося извозчика. Шершавая кляча его подхватила со всѣхъ ногъ, санки неслись, съ грохотомъ разлетаясь въ стороны на раскатахъ, отшибая мнѣ память на ухабахъ, морозный вѣтеръ рвалъ поднятый воротникъ моей шинели, осыпая лицо острымъ снѣгомъ, городъ тонулъ въ мрачныхъ выюжныхъ сумеркахъ, а у меня захватывало духъ отъ радости. По случаю заносовъ, цѣлыхъ два часа я сидѣлъ, ждалъ на вокзалѣ, наконецъ дождался... Ахъ, эти заносы, Россія, ночь, мятель и желѣзная дорога! Какое это счастье — этотъ весь убѣленный, завѣянный снѣжной пылью поѣздъ, это жаркое вагонное тепло, уютъ, постукиванье какихъ-то молоточковъ въ раскаленной топкѣ, а снаружи морозъ и непроглядная вьюга, потомъ звонки, огни и голоса на какой-то станціи, едва видной изъ-за крутящагося и снизу и съ крышъ снѣжнаго дыма, а тамъ опять отчаянный крикъ паровоза куда-то во тьму, въ бурную даль, въ неизвѣстность и первый толчокъ вновь движущагося вагона, по мерзлымъ, играющимъ брилліантами окнамъ котораго проходитъ удаляющійся свѣтъ платформы — и снова ночь, глушь, буранъ, ревъ вѣтра въ вентиляторѣ, а у тебя покой, тепло, полусвѣтъ фонаря за синей занавѣской, и все растущій, качающій, убаюкивающій на бархатномъ пружинномъ диванѣ бѣгъ и все шире мотающаяся на вѣшалкѣ передъ дремотными глазами шуба!

Отъ нашей станціи до Васильевского было верстъ десять, а приѣхалъ я на станцію уже ночью и на дворѣ такъ несло и бушевало, что пришлось ночевать въ холодномъ, воняющемъ тусклыми керосиновыми лампами вокзалѣ, двери котораго хлопали въ ночной пустотѣ особенно гулко, когда входили и уходили закутанные, занесенные снѣгомъ, съ красными коптящими фонарями въ рукахъ, кондуктора товарныхъ поѣздовъ. А межъ тѣмъ и это было очаровательно. Я свернулся на диванчикѣ въ дамской комнатѣ, спалъ крѣпко, но поминутно просыпался отъ нетерпѣливаго ожиданія утра, отъ буйства вьюги и чьихъ-то

дальнихъ грубыхъ голосовъ, долетавшихъ откуда-то сквозь клокочущій, кипящій шумъ паровоза, съ открытымъ огнедышащимъ поддуваломъ стоявшаго подъ окнами, — и очнулся, вскочилъ при розовомъ свѣтѣ спокойнаго морознаго утра съ чисто звѣриной бодростью...

Черезъ часъ я былъ уже въ Васильевскомъ, сидѣлъ за кофе въ тепломъ и веселомъ домѣ нашего новаго родственника Виганда, не зная куда дѣвать глаза отъ счастливаго смущенья: кофе наливала Анхенъ, его молоденькая племянница изъ Ревеля...

XVIII.

Прекрасна — и особенно въ эту зиму и для меня — была Батуриная усадьба. Снѣжно-сахарный, изрѣзанный по сугробамъ полозьями и синими тѣнями въ ихъ слѣдахъ, широкій проѣздъ между нею и сосѣдской усадьбой, древніе каменные столбы въѣзда во дворъ безъ воротъ, снѣжный уютный дворъ, тишина, солнце, въ чистомъ морозномъ воздухѣ мирный, сладкій запахъ чада изъ кухонь, что-то пріятное, домашнее, что есть въ слѣдахъ, пробитыхъ отъ поварской къ дому, отъ людской къ варку, конюшнѣ и прочимъ службамъ, окружающимъ дворъ... Тишина и блескъ, бѣлизна снѣжныхъ толстыхъ крышъ, по зимнему низкій, утонувшій въ глубокихъ снѣгахъ, красновато чернѣющій голыми сучьями садъ, съ двухъ сторонъ видный за домомъ, наша завѣтная столѣтняя ель, поднимающая свою острую чернозеленую верхушку въ синее яркое небо изъ-за крыши дома, изъ-за ея крутого ската, подобнаго снѣжной горной вершинѣ, между двумя трубами, двумя спокойными розово-желтыми дымами... На пригрѣтыхъ солнцемъ фронтонахъ крылецъ сидятъ, пріятно жмутся монашенки-галки, обычно болтливыя, но теперь очень тихія; привѣтливо, щурясь отъ слѣпящаго, ве-

селаго свѣта, отъ ледяной самоцвѣтной игры на снѣгахъ, глядятъ старинныя окна съ мелкими квадратами рамъ... Скрипя мерзлыми валенками по затвердѣвшему снѣгу на ступенькахъ, поднимаешься на главное, правое крыльцо, проходишь подъ его навѣсомъ, открываешь тяжелую и черную отъ времени дубовую дверь, проходишь угрюмая, темныя длинныя сѣни... Въ лакейской съ большимъ грубымъ ларемъ у окна еще прохладно, синевато, — солнце въ ней не бываетъ, окно ея на сѣверъ, — но трещить, гудить, дрожить мѣдной заслонкой печь. Направо сумрачный коридоръ въ жилыя комнаты, прямо напротивъ — высокія, тоже черныя дубовыя двери въ залъ. Въ залѣ не всегда топятъ, — тамъ просторъ, холодъ, стынуть на стѣнахъ портреты деревяннаго, темноликаго дѣдушки въ кудрявомъ парикѣ и курносаго, въ мундирѣ съ красными отворотами, императора Павла, довольно недружелюбно съ этихъ стѣнъ переглядывающіеся, и насквозь промерзаетъ куча какихъ-то другихъ старинныхъ портретовъ и шандаловъ, сваленныхъ въ маленькой, давно упраздненной буфетной, заглядывать въ полустеклянную дверку которой было въ дѣтствѣ такимъ таинственнымъ наслажденіемъ. Однако въ залѣ все залито солнцемъ и на гладкихъ, удивительныхъ по ширинѣ половицахъ огнемъ горятъ, плавятся лиловыя и гранатовыя пятна — отраженія верхнихъ цвѣтныхъ стеколъ. Окна тоже высоки. Въ окно налѣво, боковое, тоже на сѣверъ, лѣзутъ черныя сучья громадной липы, а въ тѣ солнечныя, что противъ дверей, виденъ садъ въ сугробахъ. Впрочемъ среднее окно все занято высочайшей елью, той, что глядитъ даже между трубами дома: за этимъ окномъ пышными рядами висятъ ея архіерейскіе оснѣженные рукава... Какъ несказанно хороша была она въ морозныя лунныя ночи! Войдешь — огня въ залѣ нѣтъ, только ясная луна въ высотѣ за окнами. Залъ пустъ, величавъ, полонъ словно тончайшимъ дымомъ, а она, густая, въ своемъ хвойномъ траурномъ отъ снѣга облаченіи, цар-

ственно высится за стеклами, уходит остреемъ въ чистую, прозрачную и бездонную куполообразную синеву, гдѣ бѣлѣтъ, серебрится широко раскинутое созвѣздіе Оріона, а ниже, въ свѣтлой пустотѣ небосклона, остро блещетъ, содрогается лазурными алмазами великолѣпный Сириусъ, любимая звѣзда матери... Сколько бродилъ я въ этомъ лунномъ дыму, по длиннымъ тѣневымъ рѣшеткамъ отъ оконъ, лежавшимъ на полу, сколько юношескихъ думъ передумалъ, сколько разъ твердилъ вельможно - гордыя державинскія строки:

На темноглубомъ эфирѣ
Златая плавала луна...
Сквозь окна домъ мой озаряла
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ...

Прекрасны были и тѣ новыя чувства, съ которыми я провелъ мою первую зиму въ этомъ домѣ. Она вся прошла въ прогулкахъ и безконечныхъ разговорахъ съ братомъ Георгіемъ, необыкновенно быстро развивавшихъ меня, въ поѣздкахъ въ Васильевское и за чтеніемъ поэтовъ державинскихъ и пушкинскихъ временъ. Въ батуринскомъ домѣ книгъ почти не было. Но вотъ я сталъ ѣздить въ Васильевское, въ усадьбу нашей двоюродной сестры по отцу, стоявшую на горѣ противъ того казеннаго имѣнія съ винокурненнымъ заводомъ, гдѣ былъ управляющимъ Вигандъ. Сестра была замужемъ за помѣщикомъ Писаревымъ, и мы много лѣтъ не бывали у нея въ домѣ — старикъ Писаревъ, ея свекоръ, былъ, въ полную противоположность своему сыну, чело-вѣкъ необыкновенно серьезный, съ которымъ отецъ, разумѣется, быстро поссорился. Въ этомъ году сношенія между нашими домами возобновились, такъ какъ старикъ

умеръ, и я получилъ полную возможность распоряжаться всею той библіотекою, которую онъ собралъ за свой долгій вѣкъ. Отъ страсти читать ради чтенія, читать что попало и запоемъ меня Богъ избавилъ. Но въ этой библіотекѣ оказалось множество чудеснѣйшихъ томиковъ въ толстыхъ переплетахъ изъ темно-золотистой кожи съ золотыми звѣздочками на корешкахъ — Сумароковъ, Анна Бунина, Державинъ, Батюшковъ, Жуковскій, Веневитиновъ, Языковъ, Козловъ, Баратынскій... Какъ восхитительны были ихъ романтическія виньетки, — лиры, урны, шлемы, вѣнки, — ихъ шрифтъ, ихъ шершавая, чаще всего синеватая бумага и, больше всего, чистая, стройная красота, благородство, высокій строй всего того, что было на этой бумагѣ напечатано! Былъ тутъ и Пушкинъ въ изданіи тридцать седьмого года, совсѣмъ какъ будто не тотъ, что въ нынѣшнихъ изданіяхъ... И не могу выразить, съ какой радостью вспоминаю я свои батуринскіе годы и особенно эту зиму прежде всего въ силу тѣхъ радостей, что мнѣ давали эти томики! Съ ними я пережилъ всѣ первыя юношескія мечты, первые восторженные подъемы духа, первую полную жажду писать самому, первыя попытки утолить ее — и, главное, сладострастіе воображенія. Я теперь предавался ему и всѣмъ тѣмъ чувствамъ, которыя оно вызывало, особенно неистово, и оно было поистинѣ чудодѣйственно. Если я читалъ: «На брань летить пѣвецъ молодой», или «Шуми, шуми съ крутой вершины, не умолкай, потокъ сѣдой», или «Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду, на утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду», я такъ видѣлъ и чувствовалъ и этого пѣвца, и потокъ, и зеленыя волны, и морское утро, и нагую Нереиду, что мнѣ хотѣлось пѣть, кричать, смѣяться, плакать... Дивлюсь младенчеству, ничтожеству того, что выходило изъ подъ моего собственнаго пера въ это же самое время!

И прекрасна была моя первая влюбленность, мирно и радостно длившаяся всю зиму. Анхенъ была простенькая,

молоденькая дѣвушка, только и всего. Но въ ней-ли было дѣло? Была она кромѣ того неизмѣнно весела, ласкова, очень добра, искренно и простодушно говорила мнѣ: «Вы мнѣ, Алешенька, очень нравитесь, у васъ горячія и чистыя чувства!» Загорѣлись эти чувства, конечно, мгновенно. Я вспыхнулъ при первомъ же взглядѣ на нее, — какъ только она, во всей свѣжести своей нѣмецкой чистоты, нѣсколько затѣйливаго розоваго платьица и юной миловидности, вышла ко мнѣ, насквозь промерзшему за дорогу со станціи, въ вигандовскую столовую, розово озаренную утреннимъ зимнимъ солнцемъ, и стала наливать мнѣ горячаго кофе. Едва я пожалъ ея еще холодные отъ воды и пахучіе миндальнымъ мыломъ пальчики, сердце во мнѣ тотчасъ-же дрогнуло и рѣшило: вотъ оно! И я уѣхалъ въ Батурино, уже вполне увѣривъ себя, — и не безъ основанія, — что я влюбленъ. Богъ знаетъ только, зачѣмъ я тотчасъ-же началъ стараться усилить въ себѣ эту влюбленность и даже придать ей нѣчто мучительное — изъ этого все равно ничего не вышло. Правдиво было только то удовольствіе и нетерпѣніе, съ которымъ я поминутно вспоминалъ, что на второй день святокъ Виганды должны пріѣхать къ намъ. И вотъ они пріѣхали, сразу наполнивъ весь домъ своимъ шумнымъ нѣмецкимъ весельемъ, безпричиннымъ смѣхомъ, шутками и всѣмъ тѣмъ особенно праздничнымъ, что вносятъ гости въ деревнѣ, зимой, съ морозу сбрасывая въ прихожей пахучія холодныя шубы, ботики и валенки. Я торжествуяще писалъ вскорѣ послѣ того въ своемъ дневникѣ: «Предчувствіе мое сбылось, — я люблю и любимъ!» Думаю, однако, что и безъ предчувствія было бы то же самое. А было то, что вечеромъ подѣхали и другіе гости и всѣ, кромѣ старшихъ, рѣшили, разумѣется, ѣхать ряжеными по сосѣдскимъ усадьбамъ. Шумно нарядились во что попало, — больше всего мужиками и бабами, — мнѣ круто завили волосы, нарумянили, напудрили лицо, подрисовали жженой пробкой черные

усики, — и гурьбой высыпали на крыльцо, возлѣ котораго уже стояло въ темнотѣ нѣсколько саней и розвальней, разсѣлись и, смѣясь, крича, подѣ звонъ колокольчиковъ, шибко понеслись, разрѣзая свѣжіе сугробы, со двора. И конечно, я очутился въ розвальняхъ съ Анхень... Какъ забыть этотъ ночной, зимній звонъ колокольчиковъ, эту глухую зимнюю ночь въ глухомъ снѣжномъ полѣ, то необыкновенное, зимнее, сѣрое, мягкое, зыбкое, во что сливаются въ такую ночь снѣга съ низкимъ небомъ, межъ тѣмъ какъ впереди все чудятся какіе-то жуткіе огоньки, какъ-бы глаза какихъ-то невѣдомыхъ, ночныхъ, зимнихъ порожденій, — какъ забыть снѣжный ночной воздухъ, бодрый холодокъ подѣ енотовой шубой сквозь тонкіе сапоги и легкіе шаровары изъ синяго ситца — и впервые въ жизни взятую въ свои молодья горячія руки вынутую изъ мѣховой перчатки, маленькую и теплую дѣвичью руку, такую неожиданно дружественную, покорную, и уже отвѣтно, любовно мерцающіе сквозь сумракъ дѣвичьи глаза! Ничто и никогда за всю жизнь не поразило меня такъ, какъ нашъ первый, неловкій поцѣлуй въ эту сѣрую, снѣжную зимнюю ночь...

XIX.

А потомъ пришла весна, самая необыкновенная во всей моей жизни — и не только потому, что это была первая весна, которую я встрѣчалъ въ деревнѣ взрослымъ... И вотъ какъ началась она.

Помню какъ сейчасъ — я сидѣлъ въ дѣтской, выходившей окномъ во дворъ. Было часовъ пять солнечнаго мартовскаго вечера. Солнце, уже совсѣмъ низкое, готовое скрыться за сосѣдской усадьбой напротивъ, зимнее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весеннее, общающее впереди безконечные дни радости, ослѣпительнымъ золо-

тымъ потокомъ лилось въ окно вмѣстѣ съ золотымъ, зеленоватымъ лоскомъ за послѣднее время уже подтаявшаго снѣжнаго двора. Я случайно зашелъ въ дѣтскую съ книжкой Тургенева, сѣлъ на теплую лежанку и зачитался. Неожиданно, застегивая романовскій полушубокъ, вошелъ съ обычной своей бодростью отецъ, — усы у него были теперь уже сѣдые, но онъ попрежнему держался молодцемъ, — и сказалъ:

— Нарочный изъ Васильевского. Съ Писаревымъ что-то вродѣ удара, — шелъ по залу и вдругъ грохнулся въ обморокъ. Сейчасъ ѣду туда, — хочешь со мной?

Я поднялся, пораженный и этимъ извѣстіемъ, и счастьемъ неожиданно попасть въ Васильевское, увидѣть Анхень, и мы тотчасъ-же поѣхали. Къ удивленію нашему, Писаревъ былъ какъ бы ни въ чемъ не бывало, здоровъ и веселъ, самъ дивился и не понималъ, что такое съ нимъ было. «А ты все таки пей-то поменьше», сказалъ ему отецъ на другой день на прощанье въ прихожей. «Пустяки!» отвѣтилъ Писаревъ, усмѣхаясь своими цыганскими глазами, помогая отцу надѣть полушубокъ, — какъ сейчасъ вижу его, стройнаго, смуглаго, чернобородаго, въ шелковой красной косовороткѣ на выпускъ, въ черныхъ легкихъ шароварахъ и красныхъ, шитыхъ серебромъ чувякахъ. Мы спокойно воротились домой, а тутъ вскорѣ пошла полая вода, такая спорая и буйная, что наше сообщеніе съ Васильевскимъ недѣли на двѣ совсѣмъ прервалось. На первый день Пасхи стало совсѣмъ сухо, зазеленѣли лозинки и выгоны, мягко и пріятно засѣрѣли освобожденные поля и перелѣски. Мы всѣ, кромѣ Оли и матери, собрались ѣхать въ Васильевское и уже вышли садиться въ тарантасъ, — какъ вдругъ въ воротахъ показалась лошадь, за ней бѣговья дрожки, а на нихъ нашъ двоюродный братъ Петръ Петровичъ Арсеньевъ.

— Христоръ Воскресе, — сказалъ онъ, подѣзжая, съ какимъ-то превеличеннымъ спокойствіемъ. — Вы въ Ва-

сильевское? Какъ нельзя болѣе во время. Писаревъ приказалъ долго жить. Проснулся нынче, вошелъ къ сестрѣ, похристосовался, потомъ внезапно сѣлъ въ кресло, уронилъ голову — и каюкъ . . .

Писарева только что обмыли и убрали, когда мы вошли въ его домъ. Онъ лежалъ, являя обычную картину покойника, только что положеннаго на столъ, — картину, поражающую еще только своей странностью, — въ томъ самомъ залѣ, гдѣ двѣ недѣли тому назадъ онъ стоялъ и улыбался на порогѣ, щурясь отъ вечерняго солнца и своей папиросы. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, — до сихъ поръ вижу ихъ лиловато-смуглую выпуклость, — но пока совсѣмъ какъ живой, съ великолѣпно расчесанными, еще мокрыми смольными волосами и такой - же бородой, въ новомъ сюртукѣ, въ крахмальной рубашкѣ, съ хорошо завязаннымъ чернымъ шелковымъ галстукомъ, по поясъ прикрытый простыней, подъ которой обозначались его прямо стоящія связанные ступни. Я спокойно и тупо глядѣлъ на него, даже пробовалъ его лобъ и руки, — они были почти теплы . . . Къ вечеру однако все очень измѣнилось. Я уже вышелъ изъ своей тупости, понималъ, что случилось, и самъ не свой вошелъ въ залъ, когда позвали на первую панихиду. Картина, представившаяся мнѣ, была дѣйствительно ужасна. Въ окна зала еще алѣлъ надъ дальними полями темный весенній закатъ, но сумерки, поднимавшіяся съ темной рѣчной долины, съ темныхъ сырыхъ полей, со всей темной холодящей земли, снизу затопляли его все гуще, въ темномъ залѣ, полномъ народу, было мутно отъ ладана, и сквозь эту темноту и муть у всѣхъ въ рукахъ золотисто горѣли восковыя свѣчки, а изъ - за высокихъ церковныхъ свѣчей, дымившихъ вокругъ смертнаго одра краснымъ пламенемъ, зловѣще звучали возгласы священнослужителей, странно смѣнявшіеся радостно и беззаботно настойчивымъ, полнымъ свѣтлой весенней грусти «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть по-

правъ . . . » И я то пристально смотрѣлъ впередъ, гуда, гдѣ въ дымномъ блескѣ и сумракѣ тускло и уже страшно мерцалъ какъ - то скорбно - поникшій, потемнѣвшій за день ликъ покойника, то съ горячей нѣжностью, съ чувствомъ единственнаго спасительнаго прибѣжища, находилъ въ толпѣ личико тихо и скромно стоявшей Анхентъ, тепло и невинно озаренное огонькомъ свѣчи снизу . . .

Ночь я спалъ тревожно и скорбно, одолѣваемый все одними и тѣми же противоестественно яркими и беспорядочными видѣніями какого-то суетливаго многолюдства, жутко и таинственно связаннаго съ тѣмъ, что случилось: всѣ поспѣшно — и, что всего ужаснѣе, какъ будто подъ молчаливымъ руководствомъ самого покойника — ходили по всѣмъ комнатамъ, что-то другъ другу торопливо совѣтовали, перетаскивали столы, кресла, кровати, комоды... Утромъ я вышелъ на крыльцо какъ пьяный. Утро было тихое, теплое, ясное. Солнце пригрѣвало сухое крыльцо, ярко и нѣжно зеленѣющій дворъ, еще низкій, сквозной, однако уже по весеннему сѣрѣющій въ мягкомъ блескѣ садъ. Но я вдругъ взглянулъ вокругъ — и съ ужасомъ увидалъ совсѣмъ рядомъ съ собой длинную, стоймя прислоненную къ стѣнѣ новую темнофіолетовую крышку гроба. Я сбѣжалъ съ крыльца, ушелъ въ садъ, долго ходилъ по его нагимъ, свѣтлымъ и теплымъ аллеямъ, сѣлъ въ дальней аллеикѣ низкорослой акаціи на скамейку . . . Пригрѣвало все теплѣе, пѣли зяблики, желтѣла нѣжно и весело опушившаяся акація, сладко и больно умилялъ душу запахъ земли, молодой травы, однообразно, важно и торжественно, не нарушая кроткой тишины сада, орали грачи вдали на низахъ, на старыхъ берегахъ, тамъ, гдѣ въ оливковый весенній дымокъ сливалась еще голая ивовая поросль . . . И во всемъ была смерть, смерть, смѣшанная съ вѣчной, милой и безцѣльной жизнью! Почему-то вдругъ вспомнилось начало «Вильгельма Телля», — я передъ тѣмъ все читалъ Шиллера: горы, озеро, плыветъ и поетъ

рыбакъ... И въ душѣ моей вдругъ зазвучала какая-то столь сладкая, радостная, вольная пѣсня далекихъ счастливыхъ странъ и мнѣ стало такъ горько жаль себя, своей весны, молодости, что я вскочилъ и внѣ себя побѣждалъ въ домъ, къ отцу, къ братьямъ...

Какъ въ непроходящемъ хмелю провелъ я и весь день, все время державшій въ непрестанномъ напряженіи: опять были панихиды, опять многолюдство, пріѣзжающіе и уѣзжающіе сосѣди, безконечное христосованье, горестныя изумленія, несмѣлая и все-таки жадная выпивка и закуска, а тамъ гдѣ-то, въ затворенной со всѣхъ сторонъ солнечной дѣтской, беззаботныя игры ничего еще не понимающихъ, не желающихъ понимать дѣтей, подъ скорбнымъ и ласково невнимательнымъ присмотромъ то и дѣло тихо плачущей няньки...

И вотъ опять стало смеркаться и опять стали не спѣша сходиться, собираться, ждать съ притворнымъ грустнымъ смиреньемъ новой панихиды, толпиться въ залѣ, осторожно переговариваться... Приходъ священнослужителей и вслѣдъ за тѣмъ воцарившееся молчаніе, зажиганіе свѣчей и облаченіе въ этой тишинѣ, все это таинственно-церковное приготовленіе къ службѣ, а потомъ первый взмахъ кадила и первый возгласъ — все это показалось мнѣ теперь, въ этотъ послѣдній для покойника вечеръ, столь многозначительнымъ и торжественнымъ, что у меня земля поплыла подъ ногами, и я уже глазъ не могъ поднять на то, что было впереди, на этотъ пышный, бархатный гробъ, воздвигнутый на составленные столы, и на то церковно-страшное, картинно-погребальное, что наклонно возвышалось въ гробу во всемъ зловѣщемъ великолѣпіи своего золотого покроя, золотой иконки на груди и новой, жестко-бѣлой подушки, — во всей сумрачной тѣмѣ непробуднаго гробового сна этого чернобородаго лика съ запавшими и почернѣвшими вѣками, металлически лоснящего-

ся сквозь теплый, душный дымъ и горячій, дрожащій блескъ...

На ночь намъ съ братомъ Георгіемъ опять постелили въ его бывшемъ кабинетѣ. Двери въ опустѣвшій, еще полный ладана залъ, гдѣ негромко и однообразно читаль подѣ нагорѣвшими свѣчами дьячокъ, затворили со всѣхъ сторонъ, домъ наконецъ затихъ, успокоился. Братъ, немного поговоривъ со мной, потушилъ свѣчу и вскорѣ заснулъ. Но я отъ тоски и страха даже не могъ раздѣться, легъ не раздѣваясь и, какъ только тоже дунулъ на свѣчу и на мигъ забылся, тотчасъ же увидалъ себя въ залѣ — и въ дикомъ ужасѣ очнулся. Я сѣлъ и съ бьющимся сердцемъ сталъ смотрѣть въ темноту, слушать малѣйшій шорохъ. Все было необыкновенно, страшно тихо, — слышалось только отдаленное, невнятное чтеніе въ залѣ, — но я каждую секунду ждалъ, что вотъ-вотъ скрипнетъ половица, безшумно отворится дверь — и я увижу въ темнотѣ его, во весь его высокій ростъ, съ закрытыми глазами и во всемъ его гробовомъ облаченіи. И вмѣстѣ съ этимъ ужасомъ душу мою разрывала еще и несказанная тоска, невыразимое отчаяніе... Я сдѣлалъ надъ собой крайнее усиліе, скинулъ ноги съ дивана, распахнулъ дверь кабинета, на цыпочкахъ перебѣжалъ темный корридоръ и прильнулъ ухомъ къ двери, подѣ которой свѣтилось изъ зала:

— Господь царствуетъ, Онъ облеченъ величіемъ, облеченъ Господь могуществомъ, — негромко, деревянно и поспѣшно говорилъ за дверью дьячокъ. — Возвышаютъ рѣки, Господи, возвышаютъ рѣки голось свой, возвышаютъ рѣки волны свои... Въ началѣ Ты основалъ землю, и небеса — дѣло рукъ Твоихъ... Они погибнуть, а Ты пребудешь, и всѣ они, какъ риза обветшаютъ и, какъ одежду, Ты перемѣнишь ихъ... Да будетъ Господу слава во вѣки, да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ!

Дрожь восторженныхъ слезъ охватила меня, и я быст-

ро и неловко пошелъ по темному корридору и черезъ темную заднюю прихожую и сѣни выбрался на заднее крыльцо. Сбѣжавъ съ него, я обошелъ домъ и остановился среди двора. Было темно и какъ-то особенно, какъ бываетъ только ранней весной, чисто, свѣжо, тихо. Земля слегка подмерзла, была тугая. Какое-то тончайшее и чистѣйшее дыханіе чуть серебрилось между землей и чистымъ звѣзднымъ небомъ. Въ тишинѣ, вдали, мѣрно и глухо шумѣла въ долиинѣ весенняя рѣка. Я посмотрѣлъ въ темноту за долину, на противоположную гору, — тамъ, въ домѣ Виганда, одиноко краснѣлъ, свѣтился поздній огонекъ:

— Это она не спитъ, — подумалъ я. — Возвышаютъ рѣки голосъ свой, возвышаютъ рѣки волны свои, — подумалъ я, — и огонекъ вдругъ лучисто задрожалъ у меня въ глазахъ отъ новыхъ слезъ — слезъ счастья, любви, надеждъ и какой-то почти изступленной, ликующей нѣжности.

КНИГА ТРЕТЬЯ

I.

Та страшная весенняя ночь въ Васильевскомъ памятна мнѣ тѣмъ болѣе, что она была наканунѣ похоронъ.

Я заснулъ въ эту ночь лишь подъ утро. Я не въ силахъ былъ вернуться въ домъ сразу, — слишкомъ зловѣще темнѣли въ звѣздномъ свѣтѣ его очертанія и чернѣла возлѣ крыльца крышка гроба, слишкомъ дико противорѣчило все это тому, что переполняло мое сердце. Я ушелъ въ поле, долго шелъ въ темнотѣ куда-глаза глядятъ, дошелъ чуть не до Знаменья... Вернулся я, когда на востокѣ уже бѣлѣло и по всему селу пѣли пѣтухи, прокрался въ домъ тѣмъ-же заднимъ ходомъ и тотчасъ заснулъ. Однако, вскорѣ начала тревожить сквозь сонъ мысль о близости какихъ-то особенно важныхъ минутъ, и я вдругъ опять вскочилъ, не проспавъ и трехъ часовъ. Домъ все еще дѣлился на два совершенно разныхъ міра: въ одномъ была смерть, былъ залъ съ гробомъ, въ другомъ же, то есть во всѣхъ прочихъ комнатахъ, со всѣхъ сторонъ отдѣленныхъ отъ него запертыми дверями, какъ попало шла наша беспорядочная жизнь, нетерпѣливо ждущая роковой развязки этого беспорядка. Я проснулся съ рѣзкимъ чувствомъ того, что развязка наконецъ настала, и былъ немало удивленъ, увидавъ, что братъ, спавшій со мной въ кабинетѣ покойнаго, равнодушно курить, сидя въ одномъ бѣлѣ на диванѣ, съ котораго до полу сползла смятая про-

стыня, межъ тѣмъ какъ по корридорѣ за дверью уже поспѣшно ходили, слышались голоса, какіе-то короткіе вопросы и такіе-же отвѣты. Вошла Марья Петровна, старшая горничная, внесла поднось съ чаемъ, молча поклонилась, не глядя на насъ, и, поставивъ поднось на письменный столъ, озабоченно вышла. Я, дрожащими руками, сталъ одѣваться. Въ кабинетѣ, оклеенномъ старенькими золотистыми обоями, было все просто, буднично и даже весело, плавалъ, говоря о нашей мужской утренней жизни, пахучій папиросный дымъ. Братъ курилъ и разсѣянно посматривалъ на тѣ самыя кавказскія туфли Писарева, въ которыхъ я видѣлъ его, во всей его бодрой цыганской красотѣ, двѣ недѣли тому назадъ, и которыя мирно стояли теперь подъ письменнымъ столомъ. Я тоже взглянулъ на нихъ, и все еще больше спуталось въ моей головѣ: да, подумалъ я, его уже нѣтъ, а вотъ туфли все стоятъ и могутъ простоять еще хоть сто лѣтъ! И гдѣ онъ теперь и гдѣ будетъ до скончанія вѣковъ? И неужели это правда, что онъ уже встрѣтился гдѣ-то тамъ, въ какомъ-то иномъ мірѣ, со всѣми нашими давнымъ давно умершими, сказочными бабушками и дѣдушками, и кто онъ такой теперь — духъ или просто моя мысль о немъ? Неужто это онъ — то ужасное, что лежитъ въ залѣ на столахъ, въ этихъ вкось расходящихся краяхъ гробового ящика, противоестественно озаряемое среди бѣла дня тупымъ огнемъ до короткихъ обрубковъ догорѣвшихъ свѣчей, густо закапавшихъ и просалившихъ зубчатую бумагу, окружающую ихъ на высокиихъ серебряныхъ ставникахъ, — онъ, который всего позавчера, вотъ въ такое же утро, входилъ съ только что расчесанной и еще свѣжей послѣ умыванья черной бородой къ женѣ въ сосѣдную комнату, на полу которой черезъ полчаса послѣ того уже обмывали его голое, еще почти живое, податливо и безсильно падающее куда угодно тѣло? И все таки это онъ, подумалъ я, и это нынче, вотъ сейчасъ, произойдетъ съ нимъ

то послѣднее, страшное, церковное, съ чѣмъ онъ, казалось, ни въ малѣйшей мѣрѣ не имѣлъ ничего общаго при жизни, то самое дивное въ мірѣ, въ чемъ я буду участвовать впервые за все свое молодое существованіе, то есть переживать осуществленіе тѣхъ самыхъ необыкновенныхъ словъ, которыя я, въ гимназіи, долженъ былъ зачѣмъ-то заучивать наизусть: «Черезъ трое сутокъ по кончинѣ христіанина слѣдуетъ его вынось во храмъ... Приготовленіемъ къ сему служить, при стеченіи близкихъ, друзей и сродниковъ усопшаго, усиленные кажденія вокругъ него и пѣніе тропарей о его упокоеніи до Страшнаго Суда Господня и возстанія всѣхъ мертвыхъ отъ гроба...» Я съ великимъ изумленіемъ подумалъ вдругъ, что этотъ самый христіанинъ и есть въ данную минуту Писаревъ, и ужаснулся тому безконечному сроку, который еще остается ему и всѣмъ намъ до этого возстанія, послѣ котораго будто бы начнется и во вѣки вѣковъ будетъ длиться что-то уже совершенно невообразимое, не имѣющее ни смысла, ни цѣли и никакихъ сроковъ...

II.

Вынось я наблюдалъ жадно и трепетно. Работники, празднично сытые и чистые, были сильны и молоды, но съ какимъ неловкимъ и боязливымъ напряженіемъ, отворачивая головы, сдвинули они со столовъ и на бѣлыхъ полотнищахъ подняли свой тяжкій грузъ, когда настала наконецъ послѣдній часъ разлуки Писарева съ роднымъ домомъ и всѣмъ міромъ! Мнѣ опять показалось тогда, что въ этомъ огромномъ бархатно-фіолетовомъ ящикѣ съ мерзкими серебряными лапками лежитъ нѣчто священное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непристойно-земное, непотребное. Это нѣчто, съ покорно скрещенными и закаменѣвшими въ черныхъ сюртучныхъ обшлагахъ руками, деревян-

но покачивающее мертвой головою, низко и наклонно поплыло по чужой волѣ надъ поломъ, среди тѣсноты, праздничныхъ ризъ, ладана и нестройнаго пѣнія, ногами къ настежь раскрытымъ дверямъ, — да никогда не переступятъ онѣ вновь порога этого дома! — сперва въ прихожую, потомъ на крыльцо, на яркій свѣтъ и зелень весенняго двора, гдѣ надъ толпой высилось Распятіе и два мужика держали на головахъ крышку гроба. Тутъ работники пріостановились, оттягивая полотнищами свои густо покраснѣвшія шеи, причтъ запѣлъ громче, — «въ знаменіе того, что усопшій переходитъ въ царство безплотныхъ духовъ, окружающихъ престолъ Вседержителя и немолчно воспѣвающихъ Ему трисвятую пѣснь», — а съ верхушки колокольни, глядѣвшей изъ-за надворныхъ построекъ прямо противъ крыльца и медленно ронявшей до этой минуты тонкіе, жалостные и все строже густѣвшіе звуки, вдругъ рѣзко сорвалась короткая, нарочито нелѣпая, трагическая разноголосица баса и альты, на которую дружнымъ и нестройнымъ лаемъ и воемъ отвѣтили испуганныя борзые и гончія, наполнявшія дворъ. Это было такъ безобразно, что сестра въ своемъ длинномъ крепѣ зашаталась и зарыдала, бабы въ толпѣ заголосили и отецъ, тоже неловко поддерживавшій гробъ, весь исказился отвращеніемъ и болью...

Въ церкви я все смотрѣлъ на трупный ликъ покойника, лежавшаго какъ разъ противъ царскихъ вратъ, подъ круглымъ глухимъ куполомъ, разрисованнымъ каменными сизыми облаками, среди которыхъ, изъ грубаго синяго треугольника, продолговато, жестко и загадочно взирало Всевидящее Око. Шло уже отпѣваніе, и ликъ этотъ, съ его обострившимся носомъ, черной сквозящей бородой и такими же усами, подъ которыми блестѣли плоскія слипшіяся губы, былъ уже могильно увѣнчанъ пестрымъ бумажнымъ вѣнчикомъ. Я смотрѣлъ, думая: онъ похожъ теперь на древняго великаго князя, онъ теперь навѣки

приобщенъ какъ бы къ лику святыхъ, къ сонму всѣхъ праотцевъ и пращуровъ нашихъ... Надъ нимъ уже пѣли: «Блаженны непорочниі, въ путь ходящіи въ законъ Господнѣ», я же, съ мукой и болью за него и съ умиленіемъ за себя, думалъ приблизительно такъ: вотъ сейчасъ всунуть въ его тугіе пальцы съ почернѣвшими ногтями «отпускъ», польютъ его «елеемъ», крестообразно посыплютъ «перстью», покроютъ кисеей и крышкой, вынесутъ и закопаютъ, и уйдутъ и забудутъ, и пойдутъ годы, и будетъ длиться моя долгая и счастливая жизнь гдѣ-то тамъ, въ моемъ туманномъ и свѣтломъ будущемъ, а онъ, или, вѣрнѣе, его черепъ и кости все будутъ лежать и лежать въ землѣ за этой церковью, въ высокой травѣ подъ березкой, которую нынче посадятъ въ возглавіи его могилы и которая станетъ нѣкогда большимъ и прекраснымъ бѣлоствольнымъ деревомъ со своей низко струящейся и сладко трепещущей въ долгій лѣтній день сѣро-зеленой верхушкой... Воздавая ему «последнее цѣлованіе», я коснулся вѣнчика губами — и, Боже, какимъ холодомъ и смрадомъ пахнуло на меня въ эту страшную минуту и какъ потрясла меня своей ледяной твердостью темно-лимонная кость лба подъ этимъ вѣнчикомъ, въ непостижимую противоположность тому живому, весеннему, теплому, чѣмъ такъ сладко и просто вѣяло въ рѣшетчатые окна церкви!

Я пристально глядѣлъ потомъ, стоя за церковью, среди старыхъ могильныхъ плитъ и памятниковъ всякихъ бригадировъ и секундъ-майоровъ, въ глубокую и узкую яму, тускло и угрюмо блестящую своими твердо и ровно обрѣзанными боками: грубо и беспощадно летѣла туда, поспѣшно сыпалась сырая, первобытная земля на фіолетовый бархатъ, на крестъ изъ бѣлаго позумента. Миѣ хотѣлось кощунственно ожесточить себя, я вспоминалъ холодное Всевидящее Око въ каменно-облачномъ небѣ церковнаго купола, думалъ о томъ несказанномъ, что бу-

детъ въ этомъ гробу черезъ недѣлю, даже пытался увѣрить себя, что вѣдь будетъ въ нѣкій срокъ и со мной то же самое... Но вѣры въ это не было ни малѣйшей, могилу уже сравнивали съ землею, на Анхенъ было новое батистовое платъице, ласково и беззавѣтно, все разрѣшая и во всемъ обнадеживая, звучало послѣднее пѣснопѣніе, опять праздничное, опять Христово, терявшееся въ тепломъ солнечномъ воздухѣ... Миръ сталъ какъ будто еще моложе, свободнѣе, шире и прекраснѣе послѣ того, какъ кто-то навѣки ушелъ изъ него...

III.

Когда возвращались съ кладбища, сестра шла, спотыкаясь, прижимая платокъ къ глазамъ, ничего не видя передъ собою. Но отецъ крѣпко держалъ ее подъ локоть и, принаравливаясь къ ея шагу, настойчиво говорилъ ей все то пустое, милое, что споконъ вѣку говорятъ въ такихъ случаяхъ:

— Душа моя, утѣшать тебя бесполезно, но одно скажу: помни, что отчаяніе есть смертный грѣхъ, что ты не одна въ мирѣ, что у тебя есть люди, бесконечно любящіе тебя, что у тебя есть дѣти, дающія тебѣ высокую цѣль въ жизни, и главное, что ты такъ еще молода, что у тебя все впереди...

И я вдругъ понялъ съ какимъ-то острымъ умиленіемъ, что вѣдь и правда ей всего двадцать пять лѣтъ, что она хороша собой, а теперь, въ траурѣ, ужасно похудѣвъ и поблѣднѣвъ за эти дни, похорошѣла и помолодѣла еще болѣе, стала опять совсѣмъ какъ дѣвушка...

Возлѣ отца шелъ, держа въ рукахъ дворянскій картузь, его старый другъ, круглый и плотный помѣщикъ, очень загорѣлый и вдобавокъ очень смуглый отъ природы, у котораго были какія-то золотисто-табачныя пятна

на желтоватыхъ бѣлкахъ карихъ глазъ, съ самаго дѣтства занимавшія меня. Ему было жарко отъ непривычнаго ему сюртука, отъ крахмальной рубашки, отъ своей крѣпкой полноты и тѣхъ чувствъ, которыя волновали его. И онъ, свистя легкими отъ поспѣшности и удушья, говорилъ то же, что и отецъ:

— Вѣра Петровна, позвольте и мнѣ сказать: я покойному вторымъ отцомъ былъ по смерти его батюшки, я его и крестилъ, и вырастилъ, и подъ вѣнецъ съ вами благословлялъ, — вы понимаете, что я испытываю... Потомъ, вы вѣдь знаете: я и самъ рано овдовѣлъ... Но Александръ все-таки тысячу разъ правъ. Знаете, какъ говорить мужики? «Смерть какъ солнце, на нее не глянешь...» Да, не глянешь, и не надо глядѣть, иначе нельзя жить... Мнѣ вотъ стыдно, что его нѣту, а я все иду и хриплю, да развѣ это наша воля?

И я смотрѣлъ на его крупную стриженую сизосеребристую голову съ широкимъ затылкомъ, на старое, истончившееся обручальное кольцо на его смуглой маленькой рукѣ, — память о томъ, что и онъ когда-то любилъ, былъ молодъ и счастливъ... Я смотрѣлъ и чувствовалъ, что и всѣмъ намъ въ той или иной мѣрѣ стыдно, неловко, а все таки бесконечно сладко возвращаться къ жизни послѣ той ужасной обузы, которая тяготѣла на насъ цѣлыхъ три дня, и ловилъ себя на томъ, какъ мнѣ пріятно ступать по мягкой весенней землѣ, итти съ раскрытой головой подъ грѣющимъ солнцемъ, слушать непрестанный, разногolosый крикъ грачей, съ буйнымъ и страдальчески-счастливымъ упоеніемъ орущихъ и хлопочущихъ во всѣхъ окрестныхъ садахъ, глядѣть какими-то новыми, чуть не влюбленными глазами на сестру, на ея трауръ, на красоту ея молодости и горя, думать съ замираніемъ сердца, что у насъ съ Анхенъ назначено нынче свиданіе въ низахъ сада...

Домъ тоже точно помолодѣлъ, освободившись отъ хозяина. Всѣ полы и стекла были въ немъ вымыты, всюду

было прибрано и настежь раскрыты окна на солнце и воздухъ. Едва переступивъ порогъ зала, гдѣ были разставлены и убраны столы для поминальнаго обѣда, я тотчасъ же опять встрѣтилъ тотъ ужасный, ни на что въ мірѣ не похожій запахъ, который все утро сводилъ меня съ ума возлѣ гроба. Но запахъ этотъ какъ-то особенно возбуждающе мѣшался съ сыростью еще темныхъ отъ воды половъ и съ весенней свѣжестью, отовсюду вѣявшей въ домъ, и празднично, для пира жизни, а не смерти, блестяли на столахъ скатерти, приборы, рюмки и графины... Все же какъ ужасенъ былъ этотъ долгій и грубо обильный обѣдъ, который то и дѣло прерывали своими уже нескладными, хмельными голосами причетники, встававшіе и умиленно пѣвшіе вѣчную память непонятному существу, только что зарытому ими въ землю за церковью! Правъ былъ отецъ, говоря мнѣ за обѣдомъ:

— Знаю, знаю, душа моя, каково тебѣ теперь! Мы то ужъ всѣ обстрѣляны, а вотъ ты, на порогѣ жизни да еще съ такимъ несовременнымъ сердцемъ, какъ у тебя... Воображаю, что ты чувствуешь!

IV.

Послѣ похоронъ я пробылъ въ Васильевскомъ еще съ полмѣсяца, продолжая находиться все въ томъ же обостренномъ и двойственномъ ощущеніи той самой жизни, непостижимый и ужасный конецъ которой я только что видѣлъ воочию.

Мнѣ въ тѣ дни было тѣмъ мучительнѣй, что предстояло пережить еще одно испытаніе — разлуку съ уѣзжавшей домой Анхень (хотя я и въ этомъ находилъ какую-то пронзительно-горькую утѣху, побужденіе къ какой-то безнадежно-счастливой, весенней отвагѣ).

Отецъ и Петръ Петровичъ рѣшили, ради сестры, остать-

ся въ Васильевскомъ еще на нѣкоторое время. Остался и я съ ними — и не только ради Анхенъ, страсть къ которой усиливалась во мнѣ съ каждымъ днемъ: мнѣ зачѣмъ-то хотѣлось длить тѣ двойственные чувства, которыя владѣли мной и заставляли не разставаться съ «Фаустомъ», какъ нарочно попавшимъ тогда въ мои руки среди писаревскихъ книгъ и совершенно плѣвившимъ меня:

Потоками жизни, въ разгарѣ дѣяній,
Невидимый, видимо всюду присущій,
Я радость и горе,
Я смерть и рожденье,
Житейскаго моря
Живое волненье —
На шумномъ станкѣ мірозданья
Отъ вѣка сную безъ конца
И въ твари и въ нѣдрахъ созданья
Живую одежду Творца . . .

Двойственна была и жизнь въ Васильевскомъ. Она была еще обвѣяна большой грустью, но какъ-то удивительно быстро приходила опять въ порядокъ, приобрѣтая что-то особенно пріятное вслѣдствіе тѣхъ переменъ, которыя въ ней произошли и происходили среди расцвѣтающей и крѣпнущей весенней красоты. Всѣ чувствовали, что пора возвращаться къ жизни съ новыми и даже удвоенными силами. Каждый день продолжали мыть полы и держать открытыми окна въ залѣ, чтобы изгнать изъ него послѣдніе слѣды смертнаго запаха. Поддерживали особую чистоту и во всемъ домѣ, многое измѣнивъ въ немъ, — убравъ на чердакъ нѣкоторую слишкомъ старую мебель, кое-что переставивъ изъ комнаты въ комнату, устроивъ сестрѣ новую спальню возлѣ дѣтской, а прежнюю, супружескую, за маленькой гостиной, совсѣмъ упразднивъ и сдѣлавъ изъ нея просторную диванную . . . Потомъ куда-то попря-

тали почти всё вещи покойнаго, — я разъ видѣлъ, какъ возлѣ задняго крыльца чистили щетками и складывали въ большой старинный сундукъ его дворянскій мундиръ, картузь съ краснымъ околышемъ, пуховую треуголку... грѣло солнце, зеленѣла загустѣвшая передъ крыльцомъ трава, молодая горничная что-то оживленно говорила Марьѣ Петровнѣ, наклонившейся надъ сундукомъ, а маленькій Митя стоялъ возлѣ нихъ, глубоко надѣвъ эту треуголку себѣ на голову и пытаясь вытащить изъ ноженъ тонкую шпагу... Новые порядки начались и въ хозяйствѣ: имъ распоряжались теперь отецъ и Петръ Петровичъ, и на дворнѣ, какъ всегда это бываетъ между господами и работниками на первыхъ порахъ, всѣмъ хотѣлось усердно подчиняться имъ, надѣяться, въ силу этой новизны, что все пойдетъ теперь какъ-то по-иному, по-настоящему. Это меня, помню, очень трогало. Всего же трогательнѣй было постепенное возвращенье къ жизни сестры, то, какъ она понемногу приходитъ въ себя, становится все спокойнѣе и проще и уже иногда слабо улыбается за столомъ глупымъ и милымъ вопросамъ дѣтей, а Петръ Петровичъ и отецъ сдержанно, но неизмѣнно ласковы и внимательны къ ней...

И удивительно скоро мелькали для меня эти горестно-счастливые дни. Разставшись поздно вечеромъ съ Анхенъ, сладко замученный безконечнымъ прощаніемъ съ ней, я, придя домой, тотчасъ же проходилъ въ кабинетъ и засыпалъ мертвымъ сномъ съ мыслью о завтрашнемъ свиданьи. Утромъ я поспѣшно пилъ чай и нетерпѣливо сидѣлъ съ книгой въ рукахъ въ солнечномъ саду, ожидая той минуты, когда можно будетъ опять бѣжать за рѣку, чтобы увести Анхенъ куда-нибудь на прогулку. Въ эти часы всегда гуляли съ нами дѣвочки, младшія дочки Виганда, но онѣ всегда бѣжали впереди, не мѣшали намъ... Въ полдень я возвращался домой къ обѣду, послѣ обѣда перечитывалъ «Фауста», читалъ зачѣмъ-то исторію Англій Мако-

лея, старый «Вѣстникъ Европы»—и ждалъ вечерней встрѣчи... По вечерамъ въ низахъ сада свѣтила молодая луна, таинственно и осторожно пѣли соловьи. Анхень, забывъ свою прежнюю стыдливость, садилась ко мнѣ на колѣни, обнимала меня и я слышалъ стукъ ея сердца, впервые въ жизни чувствовалъ блаженную тяжесть женскаго тѣла...

Она наконецъ уѣхала. Никогда еще не плакалъ я такъ неистово и обильно, какъ въ тотъ день. Но съ какой нѣжностью, съ какой мукой сладчайшей любви къ міру, къ жизни, къ тѣлесной и душевной человѣческой красотѣ, которую, сама того не вѣдая, открыла мнѣ Анхень, плакалъ я! А вечеромъ, когда, уже отупѣвъ отъ слезъ и затихнувъ, я опять зачѣмъ-то брелъ за рѣку, обогналъ меня тарантасъ, отвозившій Анхень на станцію, и кучеръ, приостановившись, подалъ мнѣ номеръ петербургскаго иллюстрированнаго журнала, въ который я, съ мѣсяцъ тому назадъ, впервые послалъ стихи. Я на ходу развернулъ его — и меня точно молніей ослѣпили такъ и ударившія мнѣ въ глаза волшебныя буквы моего имени...

На другой день, рано утромъ, я пѣшкомъ ушелъ въ Батурино. Шель сперва сухимъ, уже накатаннымъ проселкомъ, среди блестящихъ въ утреннемъ пару пашень, по которымъ, покачиваясь, ходили съ кошелками черезъ плечо и обнаженными головами сѣявшіе мужики, потомъ по росистой межѣ къ писаревскому лѣсу, потомъ по лѣсу, солнечному, свѣтло-зеленому, полному весенней жизни и птичьяго пѣнья, прошлогодней гнющей листвы и первыхъ ландышей... Когда я явился въ Батурино, мать даже руками всплеснула, увидавъ мои уже совсѣмъ пробившіеся усы, худобу и выраженіе обрѣзавшихся глазъ. А я, поцѣловавъ ее, молча подалъ ей журналъ и пошелъ въ свою комнату мыться и переодѣваться, шатаясь отъ усталости и не узнавая знакомаго дома, дивясь тому, какой онъ сталъ маленькій и старый...

V.

Въ ту весну мнѣ шелъ всего шестнадцатый годъ. Во мнѣ оставалось еще очень много дѣтскаго, наивнаго, пылкаго, простосердечнаго. Про меня уже говорили, что я «слишкомъ высокаго о себѣ понятія», что я рѣзокъ и даже надмененъ въ сужденіяхъ, въ обращеніи съ людьми... И правда, все это въ извѣстной мѣрѣ было. Но вѣдь и это указывало только на мое ребячество. Однако, воротясь въ Батурино изъ Васильевскаго, я уже совсѣмъ утвердился въ мысли, что вступленіе мое въ полноправную, совершеннолѣтнюю жизнь завершилось.

Мнѣ еще зимой казалось, будто я уже знаю многое, необходимое всякому взрослому человѣку: и устройство вселенной, и какой-то ледниковый періодъ, и дикарей каменнаго вѣка, и жизнь древнихъ народовъ, и нашествіе на Римъ варваровъ, и кievскую Русь, и открытіе Америки, и французскую революцію, и байронизмъ, и романтизмъ, и людей сороковыхъ годовъ, и Желябова, и Побѣдоносцева, не говоря уже о множествѣ навѣки вошедшихъ въ меня лицъ и жизней вымышленныхъ, со всѣми ихъ чувствами и судьбами, то есть всѣхъ этихъ тоже будто бы всякому необходимыхъ Гамлетовъ, Донъ-Карлосовъ, Чайльдъ-Гарольдовъ, Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Рудиныхъ, Базаровыхъ... Теперь жизненный опытъ мой казался мнѣ огромнымъ. Я воротился смертельно усталый, но съ крѣпкой готовностью начать жить отнынѣ какой-то уже совсѣмъ «полной» жизнью. Въ чемъ должна была состоять эта жизнь? Я полагалъ, что въ томъ, что бы испытывать среди всѣхъ ея впечатлѣній и своихъ любимыхъ дѣлъ какъ можно больше какихъ-то высокихъ поэтическихъ радостей, на которыя я считалъ себя имѣющимъ даже какое-

то особенное право. «Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ . . . » Съ прекраснымъ упованьемъ входилъ и я въ нее. Еще зимой, когда я такъ много читалъ, постоянно примѣняя то, что читалъ, къ себѣ, я однажды занесъ въ свою записную тетрадь, пріобщилъ къ числу своихъ любимѣйшихъ выписокъ изъ книгъ такую выписку: «Иногда у меня бываютъ минуты не то прозрѣнія, не то что-то вроде воспоминанія какого-то безконечнаго счастья . . . » Выписка эта была сдѣлана не даромъ, я уже понималъ подобныя минуты. Теперь онѣ стали мнѣ еще понятнѣе, и дни мои потекли въ непрестанномъ ожиданіи осуществленія этихъ прозрѣній и воспоминаній . . . хотя какія были у меня на то основанія?

Было чувство того, что у меня «все впереди», чувство своихъ молодыхъ силъ, тѣлеснаго и душевнаго здоровья, нѣкоторой красоты лица и большихъ достоинствъ сложенія, свободы и увѣренности движеній, легкаго и быстрого шага, смѣлости и ловкости, — какъ, на примѣръ, ѣздилъ я верхомъ! Было сознаніе своихъ способностей, своей юношеской чистоты, благородныхъ побужденій, правдивости, презрѣнія ко всякой низости. Былъ повышенный душевный строй, какъ прирожденный, такъ и благопріобрѣтенный за чтеніемъ поэтовъ, непрестанно говорившихъ о высококомъ назначеніи поэта, о томъ, что «поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», что «искусство есть ступень къ лучшему міру». Была какая-то душа поднимающая отрада даже въ той горькой страстности, съ которой я повторялъ въ иныя минуты и нѣчто совсѣмъ противоположное — ѣдкія строки Лермонтова и Гейне, жалобы Фауста, обращающаго къ лунѣ за своимъ готическимъ окномъ свой предсмертный, во всемъ разочарованный взоръ, или веселыя, безстыдныя изрѣченія Мефистофеля . . . Но развѣ я не сознавалъ порой, что всего этого еще не достаточно, что мало имѣтъ крылья, чтобы летать, что для крыльевъ нуженъ еще воздухъ и развитіе ихъ?

Я не могъ не испытывать тѣхъ совсѣмъ особыхъ чувствъ, что испытываютъ всѣ пишушіе юноши, уже увидѣвшіе свое имя въ печати. Но я не могъ не знать и того, что одна ласточка весны не дѣлаетъ, что «на Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива». Отецъ въ минуты раздраженія называлъ меня недорослемъ изъ дворянъ; я утѣшалъ себя тѣмъ, что не я одинъ учился «понекому, чему-нибудь и какъ-нибудь»; но вѣдь я хорошо понималъ, сколь это утѣшеніе сомнительно, и порой подумывалъ:

— А не поступить ли мнѣ и впрямь, какъ совѣтуетъ братъ Николай, въ юнкерское училище, чтобы имѣть въ жизни хоть какое-нибудь опредѣленное мѣсто и вѣрный кусокъ хлѣба?

Я втайнѣ (вопреки тому, что уже былъ зараженъ, благодаря чтенію и брату Георгію, множествомъ предвзятыхъ свободныхъ мнѣній) еще очень гордился тѣмъ, что мы Арсеньевы. Но я не могъ не помнить въ то же время всей нашей захудалости, нашей все растущей бѣдности и того, что беззаботность къ ней достигала въ насъ даже какой-то противоестественной мѣры. Я выросъ и оставался въ странномъ убѣжденіи, что, при всѣхъ достоинствахъ братьевъ, особенно Георгія, все таки я главный наслѣдникъ всего того замѣчательнаго, чѣмъ, при всѣхъ его недостаткахъ, такъ необыкновенно выдѣлялся для меня изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей отецъ. Но отецъ былъ уже не тотъ, что прежде; онъ, казалось, на все махнулъ рукой теперь, былъ чаще всего во хмелю и почти всѣ хозяйственныя заботы свои ограничилъ одной сдачей земли да распродажей послѣднихъ коровъ, лошадей, телѣгъ и даже сбруи; что же долженъ былъ испытывать я, видя его постоянно возбужденное лицо, сѣрый небритый подбородокъ, величественно взлохмаченную голову, разбитыя туфли и оборванный архалукъ севастопольскихъ временъ? А какую боль причиняли мнѣ порой мысли о старѣющей матери, о подрастающей Олѣ! Жестокую жалость испытывалъ

я часто и къ самому себѣ, пообѣдавъ, напимѣрь, одной окрошкой и возвратясь въ свою комнату, къ своимъ книгамъ и единственному своему богатству — дѣдовской шкатулкѣ изъ корельской березы, гдѣ хранилось все самое завѣтное мое, то есть исписанные «элегіями» и «стансами» листы сѣрой, пахнущей мятной махоркой, бумаги, на послѣдніе гроши мои купленной въ нашей деревенской лавченкѣ...

Я думалъ порой о молодости отца: какая страшная разница съ моей молодостью! Онъ имѣлъ почти все, что подобало счастливому юношѣ его среды, званія и потребностей, онъ росъ и жилъ въ безопасности вполне естественной по тому еще большому барству, которымъ онъ такъ свободно и спокойно пользовался, онъ не зналъ никакихъ преградъ своимъ молодымъ прихотямъ и желаніямъ, всюду съ полнымъ правомъ и веселымъ высокомеріемъ чувствовалъ себя Арсеньевымъ. А у меня была только шкатулка изъ корельской березы, старая двустволка, худая Кабардинка, истертое казацкое сѣдло... Какъ хотѣлось порой быть наряднымъ, блестящимъ! А мнѣ, собираясь въ гости, нужно было надѣвать тотъ самый сѣренькій пиджачекъ брата Георгія, въ которомъ нѣкогда везли его въ тюрьму въ Харьковъ и за который я въ гостяхъ втайнѣ мучился острымъ стыдомъ. Я былъ лишень чувства собственности, но какъ мечталъ я порой о богатствѣ, о прекрасной роскоши, о всяческой свободѣ и всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ радостяхъ, сопряженныхъ съ ними! Я мечталъ о далекихъ путешествіяхъ, о лицезрѣніи всего міра, о необыкновенной женской красотѣ, о дружбѣ съ какими-то воображаемыми чудесными юношами, сверстниками и товарищами по стремленіямъ, по сердечному пылу и вкусамъ... А развѣ я не сознавалъ порой, что еще никогда не ступала моя нога дальше уѣзднаго города и нѣсколькихъ окрестныхъ деревушекъ, что весь міръ еще замкнутъ для меня давно привычными полями и косо-

рами, что вижу я только мужиковъ и бабъ, что весь кругъ нашихъ знакомствъ ограничивается двумя - тремя мелкопомѣстными усадьбами да Васильевскимъ, а пріютъ всѣхъ моихъ мечтаній — моей старой угловой комнатою съ гніющими подъемными рамами и цвѣтными верхними стеклами двухъ оконъ въ садъ?

VI.

Какъ бы тамъ ни было, я опять былъ дома и опять все было мирно, просто и прекрасно вокругъ меня.

Дни шли, и я постепенно приходилъ въ себя. Отцвѣлъ и одѣлся садъ, цѣлый день пѣлъ соловей въ саду, цѣлый день были подняты нижнія рамы оконъ въ моей комнатѣ, которая стала мнѣ еще милѣе прежняго стариной этихъ оконъ, составленныхъ изъ мелкихъ квадратовъ, темнымъ дубовымъ потолкомъ, дубовыми креслами и такой - же кроватью съ гладкими и покатыми отвалами... Первое время я только и дѣлалъ, что лежалъ съ книгой въ рукахъ, то разсѣянно читая, то слушая соловьиное цоканье, думая о той «полной» жизни, которой я, теперь уже совершенно ото всего свободный, долженъ жить отнынѣ, и порой неожиданно засыпая короткимъ и глубокимъ сномъ, очнувшись отъ котораго я всякій разъ какъ то особенно свѣжо изумлялся новизнѣ и прелести окружающаго и такъ хотѣлъ ѣсть, что вскакивалъ и шелъ или за вареньемъ въ буфетную, то есть въ заброшенную каморку, стеклянная дверь которой выходила въ залъ, или за чернымъ хлѣбомъ въ людскую, гдѣ днемъ всегда было пусто, — лежалъ только въ темномъ углу на горячей и сорной печи одинъ Леонтій, длинный и невѣроятно худой, густо заросшій желтой щетиной и весь шелушившійся отъ старости, бывшій бабушкинъ поваръ, уже много лѣтъ зачѣмъ то отстаивавшій отъ неминуемой смерти свое непонятное,

совсѣмъ пещерное существованіе... Надежды на счастье, на счастливую жизнь, которая вотъ-вотъ должна начаться! Но для этого часто бываетъ достаточно вотъ такъ очнуться послѣ внезапнаго и короткаго сна и побѣжать за коркой чернаго хлѣба или услыхать, что зовутъ на балконъ къ чаю, а за чаемъ подумать, что сейчасъ надо пойти осѣдлатъ лошадь и закатиться куда глаза глядятъ по вечерѣющей большой дорогѣ въ сторону города, настойчиво твердя про себя случайно подвернувшуюся на умъ строчку Лермонтова:

Степь, синѣя, разстиралась
Близъ Азовскихъ береговъ...

Ночи стояли лунныя, и я порой просыпался среди ночи въ самый глубокой часъ ея, когда даже соловей не пѣлъ. Во всемъ мірѣ была такая тишина, что, казалось, я просыпался отъ чрезмѣрности этой тишины. На мгновение хватывалъ страхъ, — вдругъ вспоминался Писаревъ, чудилась высокая тѣнь въ углу возлѣ двери въ гостиную... Но черезъ мгновение тѣни этой уже не было, виденъ былъ только просто уголъ, темнѣющій сквозь тонкій сумракъ комнаты, а за раскрытыми окнами сіялъ и звалъ въ свое свѣтлое безмолвное царство лунный садъ. И я вставалъ, что попало накидывалъ на себя, осторожно отворялъ дверь въ гостиную, видѣлъ въ сумракѣ глядѣвшій на меня со стѣны портретъ бабушки въ зубчатомъ чепцѣ, смотрѣлъ въ залъ, гдѣ провелъ столько прекрасныхъ часовъ въ лунныя ночи зимой... онъ казался теперь таинственнѣй и ниже, потому что луна, ходившая теперь правѣе дома, не глядѣла въ него, да и самъ онъ сталъ сумрачнѣй: липа за его сѣверными окнами, густо покрывшаяся листвою, вплотную загораживала эти окна своимъ темнымъ громаднымъ шатромъ... Выйдя на балконъ, я каждый разъ снова и снова, до недоумѣнія, даже до нѣкоторой му-

ки, дивился на красоту ночи: что же это такое и что съ этимъ дѣлать! Я и теперь испытываю нѣчто подобное въ такія ночи. Что же было тогда, когда все это было вновѣ, когда было такое обоняніе, что отличался запахъ росистаго долуха отъ запаха сырой травы! Необыкновенно высокой и узкій треугольникъ ели, освѣщенный луной только съ одной стороны, попрежнему возносился своимъ зубчатымъ остриемъ въ прозрачное ночное небо, гдѣ теплилось нѣсколько рѣдкихъ звѣздъ, мелкихъ, мирныхъ и настолько бесконечно далекихъ и дивныхъ, истинно Господнихъ, что хотѣлось стать на колѣни и перекреститься на нихъ. Пустая поляна передъ домомъ была залита сильнымъ и страннымъ свѣтомъ. Справа, надъ садомъ, сіяла въ ясномъ и пустомъ небосклонѣ полная луна съ чуть темнѣющими рельефами своего мертвенно-блѣднаго, изнутри налитаго яркой свѣтящейся бѣлизной лица. И мы съ ней, теперь уже давно знакомые другъ другу, подолгу глядѣли другъ на друга, безотвѣтно и безмолвно чего-то другъ отъ друга ожидая... Чего? Я зналъ только то, что чего-то намъ съ нею очень не достаетъ...

Потомъ я шелъ вмѣстѣ со своей тѣнью по росистой, радужной травѣ поляны, входилъ въ пестрый сумракъ аллеи, ведущей къ пруду, и луна покорно слѣдовала за мной. Я шелъ, оглядываясь, — она, зеркально сіяя и дробясь, катилась сквозь черный и мѣстами ярко блестящій узоръ вѣтвей и листьевъ. Я стоялъ на росистомъ скатѣ къ полноводному пруду, широко сіявшему своей золотой поверхностью возлѣ плотины вправо. Я глядѣлъ — и луна глядѣла. Возлѣ берега, подо мной, была зыбкая, темно-зеркальная бездна подводнаго неба, на которой висѣли, чуткимъ сномъ спали, спрятавъ подъ крыло голову и глубоко отражаясь въ ней, утки; за прудомъ влѣво темнѣла вдали усадьба Уварова, того помѣщика, чьимъ незаконнымъ сыномъ былъ Глѣбочка; за прудомъ напротивъ лежали въ упоръ освѣщенные луной глинистые косогоры, а

дальше — большой по ночному свѣтлый деревенскій выгонъ и рядъ чернѣющихъ за нимъ избъ... Какая удивительная тишина и какой какъ будто все возростающій блескъ возлѣ плотины! Дико-тревожный крикъ внезапно проснувшихся и закачавшихъ подъ собой свое зыбкое зеркальное небо утокъ громомъ звучалъ по окрестнымъ садамъ... Когда же я медленно шелъ дальше, вдоль пруда направо, луна опять тихо катилась рядомъ со мной надъ темными вершинами застывшихъ въ своей ночной красотѣ деревьевъ...

И такъ мы обходили кругомъ весь садъ. Было похоже, что мы и думаемъ вмѣстѣ — и все объ одномъ: о загадочномъ, томительно-любовномъ счастьи жизни, о моемъ загадочномъ будущемъ, которое должно быть непременно счастливымъ, и, конечно, все время объ Анхенъ. Образъ Писарева, какъ живого, такъ и мертвого, забывался все больше. Что осталось отъ бабушки, кромѣ ея портрета на стѣнѣ въ гостиной? Такъ и Писаревъ: думая о немъ, я мысленно видѣлъ теперь чаще всего только его большой фотографическій портретъ, висѣвшій въ диванной Васильевского дома, портретъ той поры, когда онъ только что женился (и, вѣрно, надѣялся жить безконечно!). Еще приходило въ голову прежнее: гдѣ теперь этотъ человѣкъ, что съ нимъ случилось, что такое та вѣчная жизнь, гдѣ онъ будто бы пребываетъ? Но безотвѣтные вопросы не повергали больше въ тревожное недоумѣнiе, въ нихъ было даже что-то утѣшающее: гдѣ онъ — вѣдомо одному Богу, котораго я не понимаю, но въ котораго долженъ вѣрить и вѣрю, чтобы жить и быть счастливымъ. И уже легендой становился тотъ, кто такъ молодо, живо, насмѣшливо-вызывающе и главное, такъ неизмѣнно глядѣлъ со стѣны того самаго дома, гдѣ онъ когда то родился и росъ, былъ юношей, мужемъ, отцемъ, хозяиномъ и гдѣ теперь зачѣмъ-то растутъ его дѣти... Анхенъ мучила дольше. Даже днемъ, — на что бы я ни глядѣлъ, что бы ни чувствовалъ, ни читалъ, ни думалъ, — за всѣмъ была она, нѣж-

ность къ ней, воспоминанія, связанныя съ нею, боль, что уже некому сказать, какъ я ее люблю и сколько на свѣтѣ прекраснаго, наслаждаться которымъ мы могли бы вмѣстѣ; про ночь же и говорить нечего — тутъ она владѣла мной всецѣло. Но время шло — и вотъ постепенно стала превращаться въ легенду, утрачивать свой живой обликъ и Анхень: уже какъ то не вѣрилось, что когда-то она была со мной и что гдѣ-то есть она и теперь; уже думать о ней и чувствовать ее я сталъ только поэтически, съ тоской вообще о любви, о какомъ-то общемъ прекрасномъ женскомъ образѣ, смѣшанномъ съ образами поэмъ Пушкина, Лермонтова, Байрона . . .

И такъ прошелъ май, кончилась весна и наступило лѣто. Могъ ли я думать, разставаясь съ Анхень, что черезъ нѣсколько недѣль я уже измѣню ей? А межъ тѣмъ такъ и случилось.

VII.

Какъ-то въ началѣ лѣта я прочелъ въ «Недѣлѣ», которую, чрезвычайно гордясь этимъ, я выписывалъ въ тотъ годъ, о выходѣ въ свѣтъ полнаго собранія стиховъ Надсона. Какой восторгъ возбуждало тогда даже въ самой глухой провинціи это имя! Я кое что изъ Надсона уже читалъ и, сколько ни старался, никакъ не могъ растрогать себя. «Пусть ядъ безжалостныхъ сомнѣній въ груди истерзанной замретъ» — это казалось мнѣ только дурнымъ пустословіемъ. Я не могъ питать особаго уваженія къ стихамъ, гдѣ говорилось, что болотная осока растетъ надъ прудомъ и даже склоняется надъ нимъ «зелеными вѣтвями». Но все равно — Надсонъ былъ «безвременно погибшій поэтъ», юноша съ прекраснымъ и печальнымъ взоромъ, про котораго писали, что онъ «угасъ среди розъ и кипарисовъ на берегахъ лазурнаго южнаго моря» . . . Когда я прочелъ зимой о его смерти и о томъ, что его метал-

лическій гробъ, «утопавшій въ цвѣтахъ», отправленъ для торжественнаго погребенія «въ морозный и туманный Петербургъ», я вышелъ къ обѣду столь блѣдный и взволнованный, что даже отецъ сталъ тревожно поглядывать на меня и успокоился только тогда, когда я объяснилъ причину своего горя.

— Ахъ, только-то и всего? — удивленно спросилъ онъ, узнавъ, что причина эта заключается въ смерти Надсона.

И сердито прибавилъ съ облегченіемъ:

— Какой вздоръ лѣзетъ тебѣ однако въ голову! Я ужъ думалъ, нивѣсть что случилось...

Теперь замѣтка «Недѣли» снова ужасно взволновала меня. За зиму слава Надсона возросла еще пуще, о выходѣ въ свѣтъ перваго полнаго собранія его стиховъ говорилось какъ о всероссійскомъ событіи. И мысль объ этой славѣ вдругъ такъ ударила мнѣ въ голову, внезапно вызвала такое горячее желаніе и собственной славы, добиваться которой нужно было начинать сію-же минуту, не медля ни единого мгновенія, что я завтра-же рѣшилъ отправиться за Надсономъ въ городъ, чтобы узнать уже какъ слѣдуетъ, что онъ такое, чѣмъ онъ, помимо своей поэтической смерти, все таки приводитъ въ такое восхищеніе всю Россію. Бхать было не на чемъ: Кабардинка хромала, рабочія лошади были слишкомъ худы и безобразны, — нужно было итти пѣшкомъ. И вотъ я пошелъ, хотя до города было не менѣе тридцати верстъ. Я вышелъ рано, шагаль по жаркой и пустой большой дорогѣ безъ отдыха и часа въ три уже входилъ въ бібліотеку на Торговой улицѣ. Барышня съ кудряшками на лбу, одиноко сидѣвшая и, видимо, очень скучавшая въ душной и узкой комнатѣ, заставленной сверху до низу книгами въ обитыхъ переплеткахъ, взглянула на меня, замореннаго дорогой и солнцемъ, почему-то очень любопытно.

— На Надсона очередь, — сказала она небрежно. — Раньше какъ черезъ мѣсяць не дождетесь...

Я было опѣшилъ, растерялся, — какво отмахать тридцать верстъ задаромъ! — однако оказалось, что она хотѣла только немножко помучить меня:

— Но вѣдь вы тоже поэтъ? — тотчасъ же прибавила она, усмѣхаясь. — Я васъ знаю, я васъ еще гимназистомъ видала... Я вамъ дамъ свой собственный экземпляръ...

Я рассыпался въ благодарностяхъ и, весь красный отъ смущенія и отъ гордости, такъ радостно выскочилъ съ драгоценной книгой на улицу, что чуть не сбилъ съ ногъ какую-то худенькую дѣвочку лѣтъ пятнадцати въ сѣренькомъ холстинковомъ платьѣ, только что вышедшую изъ тарантаса, который стоялъ возлѣ тротуара. Тарантасъ былъ запряженъ тройкой странныхъ лошадей, — всѣ онѣ были пѣгя, всѣ крѣпкія и небольшія, масть въ масть, ладъ въ ладъ. Еще странный былъ кучеръ, сутуло сидѣвшій на козлахъ: до-нельзя сухой, поджарый и до-нельзя оборванный, но чрезвычайно щеголеватый рыжій кавказецъ съ заломленной назадъ коричневой папахой. А въ тарантасѣ сидѣла дородная и величавая барыня въ широкомъ чесучовомъ пальто. Барыня взглянула на меня довольно строго и удивленно, дѣвочка же отшатнулась въ сторону съ настоящимъ испугомъ, чудесно мелькнувшемъ въ ея черныхъ чахоточныхъ глазахъ и на всемъ тонкомъ и чистомъ личикѣ нѣсколько сиреневаго оттѣнка съ какими-то трогательно-болѣзненными губами. Я потерялся еще болѣе, съ излишней горячностью и изысканностью воскликнулъ: «ахъ, простите ради Бога!» и, не оглядываясь, полетѣлъ внизъ по улицѣ, къ базару, съ единственной мыслью поскорѣе заняться хотя бы бѣглымъ просмотромъ книги и выпить чаю въ трактирѣ Жохова. Однако встрѣчѣ этой не суждено было кончиться такъ просто.

Мнѣ въ этотъ день рѣшительно везло. Въ трактирѣ сидѣли батуринскіе мужики. Мужики эти, увидавъ меня съ тѣмъ радостнымъ удивленіемъ, съ которымъ всегда встрѣчаются въ городѣ односельчане, дружно закричали:

— Да никакъ это нашъ барчукъ? Барчукъ! Милости просимъ къ намъ! Не побрезгуйте! Подсаживайтесь!

Я подсѣлъ, тоже чрезвычайно обрадованный, въ надеждѣ доѣхать съ ними домой, и дѣйствительно они тотчасъ же предложили подвезти меня. Оказалось, что они приѣхали за кирпичами, что подводы ихъ за городомъ, на кирпичныхъ заводахъ возлѣ Бѣглой Слободы, и что «вечеркомъ» они трогаются обратно. Вечерокъ однако весь прошелъ въ накладываніи кирпичей. Я сидѣлъ на заводахъ часъ, другой, третій, безъ конца смотрѣлъ на пустое вечернее поле, простиравшееся передо мной за шоссе, а мужики все накладывали и накладывали. Уже и къ вечернѣ отзвонили въ городѣ, и солнце совсѣмъ низко опустилось надъ покраснѣвшимъ полемъ, а они все накладывали. Я просто изнемогалъ отъ скуки и усталости, какъ вдругъ одинъ мужикъ насмѣшливо сказалъ, черезъ силу таща къ телѣгѣ цѣлый фартукъ свѣжихъ розовыхъ кирпичей и мотая головой на тройку, пылившую по дорогѣ возлѣ шоссе:

— А вонъ барыня Бибикова ѣдетъ. Это она къ намъ, къ Уварову. Онъ мнѣ еще третьяго дня говорилъ, что ждетъ ее къ себѣ гостить и баранчика на зарѣзъ торговаль... Господа тоже!

Другой подхватилъ:

— Вѣрно, вѣрно, она и есть. Вонъ и этотъ живодеръ на козлахъ... Я ихъ нынче въ обѣдъ возлѣ кузни видѣлъ, у нихъ съ колесомъ что-то вышло...

Я мгновенно встrepенулъ, взглянулъ пристальнѣй, тотчасъ узналъ пѣгихъ лошадей, стоявшихъ давеча возлѣ библіотеки, — и вдругъ понялъ, что именно тайно тревожило меня все время съ той минуты, какъ я выскочилъ оттуда: тревожила она, эта худенькая дѣвочка. Услыхавъ, что она ѣдетъ какъ разъ къ намъ, въ Батурино, я даже съ мѣста вскочилъ, засыпалъ мужиковъ поспѣшными вопросами и сразу узналъ очень многое: что барыня Бибикова

мать этой дѣвочки и что она вдова, что дѣвочка учится въ институтѣ въ Воронежѣ, — мужики называли институтъ «дворянскимъ заведеніемъ», — что живутъ онѣ въ своемъ «имѣншишкѣ» подъ Задонскомъ бѣдно-пребѣдно, что онѣ родня Уварову, что лошадей имѣ далъ ихъ другой родственникъ, ихъ задонскій сосѣдъ Марковъ, что его пѣгія лошади на всю губернію извѣстны, равно какъ и живодеръ кавказецъ, который былъ у Маркова сперва, какъ обыкновенно, объѣздчикомъ, а потомъ «прижился» у него, сталъ его закадычнымъ другомъ, связавшись съ нимъ страшнымъ дѣломъ: онѣ до смерти запоролъ однажды нагайкой конокрада-цыгана, хотѣвшаго угнать изъ марковского табуна самую главную матку...

Выѣхали мы только въ сумерки и тащились всю ночь съ ноги на ногу, — сколько позволяла малосильнымъ лошаденкамъ ихъ стопудовая кладь. И что это за ночь была! Въ сумерки, какъ только мы выбрались на шоссе, потянуло вѣтромъ, стало быстро и какъ-то невѣрно, тревожно темнѣть отъ надвигавшихся съ востока тучъ, стало тяжело гремѣть, сотрясая все небо, и все шире пугать, озарять красными сполохами... Черезъ полчаса наступила кромѣшная тьма, въ которой со всѣхъ сторонъ рвало то горячимъ, то очень свѣжимъ вѣтромъ, слѣпило во всѣ стороны метавшимися по чернымъ полямъ розовыми и бѣлыми молніями и поминутно оглушало чудовищными раскатами и ударами, съ невѣроятнымъ грохотомъ и сухимъ, шипящимъ трескомъ разражавшимся надъ самой нашей головой. А потомъ бѣшено понесло уже настоящимъ ураганомъ, молніи засверкали по тучамъ, во всю высоту ихъ, зубчатыми, до бѣла раскаленными змѣями съ какимъ-то свирѣпымъ трепетомъ и ужасомъ, точно передъ Страшнымъ Судомъ, — и хлынулъ обломный ливень, съ яростнымъ гуломъ сѣкшей насъ подѣ удары уже непрерывные, среди такого апокалипсическаго блеска и пламени, что адскій мракъ небесъ разверзался надъ на-

ми, казалось, до самых предѣльныхъ глубинъ своихъ, до самой седьмой бездны горнихъ святилищъ, гдѣ мелькали какими-то сверхъестественными, довременными Гималаями мѣдью блистающія горы облаковъ... На мнѣ, лежавшемъ на холодныхъ кирпичахъ и укрытомъ всѣми веретями и армяками, какіе только могли дать мнѣ мужики, нитки живой не осталось черезъ пять минутъ. Да что мнѣ былъ этотъ адъ и потопъ! Я былъ уже въ полной власти своей новой любви...

VIII.

Изъ того, что составляло и образовывало мою дальнѣйшую юношескую жизнь, — жизнь того времени, которое было послѣднимъ временемъ моей жизни въ семьѣ и дома, въ достаточной мѣрѣ предопредѣлившимъ все мое странное будущее, — я, конечно, помню опять только кое-что, только то, что запоминала душа въ соотвѣтствии со своими пристрастіями.

Жизнь эта, при всей своей внѣшней бѣдности, шла все тѣмъ-же поэтически-счастливымъ порядкомъ, какъ и подобало это послѣднему и безпечнѣйшему потомку «друзей поэзіи, мечтанія, натуры» — и поэтической книги, прибавлю отъ себя.

Такая книга играла въ моей юношеской жизни особенно большую роль, ни чуть однако не дѣлая ее книжной.

Пушкинъ, на примѣръ, былъ для меня вовсе не чтеніемъ, а подлинной частью моей жизни.

Когда онъ вошелъ въ меня, когда я узналъ и приобщилъ его къ своей душѣ? Я уже говорилъ, говоря о своемъ дѣтствѣ: онъ былъ со мной — и такъ особенно — почти отъ самаго истока дней моихъ. Я слышалъ о немъ съ младенчества, и имя его всегда упоминалось у насъ съ какой-то почти родственной фамильярностью, какъ имя че-

ловѣка вполнѣ «нашего» по тому общему, особому кругу, къ которому мы принадлежали вмѣстѣ съ нимъ. Да онъ и писалъ, казалось мнѣ, все только наше, для насъ и съ нашими чувствами. Буря, что въ его стихахъ мглой крыла небо, «вихри снѣжные крутя», была та самая, что бушевала въ зимніе вечера вокругъ Каменскаго хутора. Мать иногда читала мнѣ съ грустной и ласковой улыбкой: «Вчера за чашей пуншевою съ гусаромъ я сидѣлъ» — и я спрашивалъ: «Съ какимъ гусаромъ, мама? Съ покойнымъ дяденкой?» Она читала: «Цвѣтокъ засохшій, безуханный, забытый въ книгѣ, вижу я» — и я видѣлъ этотъ цвѣтокъ въ ея собственномъ дѣвичьемъ альбомѣ... Что же до моей юности, то вся она прошла съ Пушкинымъ.

Никакъ не отдѣлимъ былъ отъ нея и Лермонтовъ:

Нѣмая степь синѣетъ, и кольцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ,
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разскажамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ, не умолкая...

Какой дивной юношеской тоскѣ о далекихъ странствіяхъ, какой страстной мечтѣ о далекомъ и прекрасномъ и какому завѣтному душевному звуку отвѣчали эти строки, пробуждая, образуя мою душу! И все таки больше всего былъ я съ Пушкинымъ. Сколько чувствъ рождалъ онъ во мнѣ! И какъ часто сопровождалъ я имъ свои собственные чувства и все то, среди чего и чѣмъ я жилъ!

Въ этой жизни было, конечно, немало и прозы, а что все таки преобладало, — для меня по крайней мѣрѣ?

Вотъ я просыпаюсь въ морозное солнечное утро, и мнѣ вдвойнѣ радостно, потому что я восклицаю вмѣстѣ съ нимъ: «морозъ и солнце, день чудесный» — съ нимъ, который не только такъ чудесно сказалъ про это утро,

но даль мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкій чудесный образъ и
несказанно чудесныя чувства:

Еще ты дремлешь, другъ прелестный . . .

Вотъ, проснувшись въ мятель, я вспоминаю, что мы
нынче ѣдемъ на охоту съ гончими, и опять начинаю день
такъ же, какъ онъ:

Вопросами: тепло-ль? утихла-ли мятель,
Пороша есть иль нѣтъ? И можно-ли постель
Оставить для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?

Вотъ весеннія сумерки, золотая Венера надъ садомъ,
раскрыты въ садъ окна, и опять онъ со мной, выражаетъ
мою завѣтную мечту:

Спѣши моя краса,
Звѣзда любви золотая
Взошла на небеса!

Вотъ уже совсѣмъ темно, и на весь садъ томится, то-
мить соловей:

Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?

Вотъ я въ постели, и горитъ «близъ ложа моего пе-
чальная свѣча», — въ самомъ дѣлѣ печальная сальная
свѣча, а не электрическая лампочка, — и кто это излива-
етъ свою юношескую любовь или, вѣрнѣе, жажду ея —
я или онъ?

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!

А тамъ опять «роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ и страждутъ озими отъ бѣшеной забавы» — той самой, которой съ такой страстью предаюсь и я:

Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжить,
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая стучить!

Ночью же тихо всходитъ надъ нашимъ мертвымъ чернымъ садомъ большая мглисто-красная луна — и опять звучать дивныя слова:

Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла, —

и душа полна несказанными мечтами о той, невѣдомой, созданной имъ и навѣки плѣнившей меня, которая гдѣ-то тамъ, въ иной, далекой странѣ, идетъ въ этотъ тихій часъ—

Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами...

IX.

Мои чувства къ Лизѣ Бибиковой, несмотря на всю подлинную прелесть ея образа, были все таки въ достаточной зависимости не только отъ моего ребячества и моей привязанности къ «поэзіи, мечтаніямъ, натурѣ», но и отъ моей любви къ нашему быту, съ которымъ такъ тѣсно связана была когда-то вся русская поэзія, весь строй ея, неизмѣнно и порой съ такимъ удивительнымъ согласіемъ сопровождавшій тогда мою внѣшнюю и душевную жизнь.

Я влюбленъ былъ въ Лизу на поэтической старинный ладъ и какъ въ существо, вполне принадлежавшее къ нашей средѣ.

Духъ этой среды, романтизированный моимъ воображеніемъ, казался мнѣ тѣмъ прекраснѣе, что навѣки исчезъ на моихъ глазахъ.

Я видѣлъ, какъ бѣднѣлъ нашъ бытъ, но тѣмъ дороже былъ онъ мнѣ; порой я даже какъ-то странно радовался этой бѣдности... можетъ быть, потому, что и въ этомъ находилъ нѣкоторую близость съ Пушкинымъ, домъ котораго, по описанію Языкова, являлъ картину тоже далеко не богатую:

Обоями худыми
Кой-гдѣ прикрытая стѣна,
Поль нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними,
Диванъ предъ образомъ въ углу
Да пара стульевъ...

«Бѣдная-пребѣдная», по словамъ батуриныхъ мужиковъ, была и Лиза. Но это дѣлало ее для меня еще трогательнѣе и ближе...

Впрочемъ, въ то время, когда Лиза жила въ Батуриныхъ, бѣдный бытъ нашъ былъ украшенъ жаркими іюньскими днями, густой зеленью тѣнистыхъ садовъ, запахомъ отцвѣтающаго жасмина и цвѣтущихъ розъ, купаньемъ въ пруду, который со стороны нашего берега, тѣнистаго отъ сада и тонувшаго въ густой прохладной травѣ, былъ живописно осѣненъ высокимъ ивнякомъ, его молодой блестящей листвою, гибкими глянцевитыми вѣтвями... Такъ навсегда и соединилась для меня Лиза съ этими первыми днями купанья, съ іюньскими картинами и запахами, — жасмина, розъ, земляники за обѣдомъ, этихъ прибрежныхъ ивъ, длинные листочки которыхъ очень пахучи и горьки на вкусъ, теплой воды и тины нагрѣтаго солнцемъ пруда, въ обѣды оглашаемаго непрестаннымъ веселымъ визгомъ дѣвокъ и мальчишекъ, купавшихся съ другого

берега, съ голыхъ и жаркихъ глинистыхъ косогоровъ, по которымъ отъ воды и солнца зеркально текли и струились блестящія отраженія . . .

Я къ Уваровымъ въ то лѣто не ходилъ, — Глѣбочка проводилъ лѣто подъ Харьковомъ, въ земледѣльческой школѣ, куда его перевели въ виду его малыхъ успѣховъ въ гимназіи; не бывали и Уваровы у насъ, были съ нами въ натянутыхъ отношеніяхъ, — вѣчная исторія мелкихъ деревенскихъ ссоръ; однако Уварова все таки попросила у отца позволенія купаться въ прудѣ съ нашей стороны и приходила вмѣстѣ съ Бибиковыми почти каждый день, а я то и дѣло какъ бы нечаянно встрѣчался съ ними на берегу и особенно учтиво раскланивался, при чемъ госпожа Бибикова, ходившая всегда какъ-то милостиво-важно, съ поднятой головой, въ широкомъ балахонѣ и съ мохнатой простыней на плечѣ, отвѣчала мнѣ уже довольно привѣтливо и даже съ усмѣшкой, вспоминая, вѣрно, какъ я тогда, въ городѣ, выскочилъ изъ библіотеки. Сперва застѣнчиво, а потомъ все дружелюбнѣй и живѣй отвѣчала и Лиза, уже нѣсколько загорѣвшая и съ нѣкоторымъ блескомъ въ своихъ широкихъ глазахъ. Теперь она ходила въ бѣлой съ синимъ воротомъ матроскѣ и довольно короткой синей юбочкѣ, ничѣмъ не прикрывая отъ солнца свою черную головку съ заплетенной и большимъ бѣлымъ бантомъ завязанной, слегка курчавившейся черной косой. Она не купалась, только сидѣла на берегу, пока купались гдѣ-то подъ особенно густымъ ивнякомъ ея мать и Уварова; но она иногда снимала туфельки, чтобы походить по травѣ, насладиться ея нѣжной свѣжестью, такъ что я нѣсколько разъ видѣлъ ее босикомъ. Бѣлизна ея ножекъ въ зеленой травѣ была особенно прелестна . . .

И опять наступили лунныя ночи, и я выдумалъ уже совѣтъ не спать по ночамъ, — ложиться только съ восходомъ солнца, а всю ночь, въ полномъ одиночествѣ, сидѣть при свѣчахъ въ своей комнатѣ, читать и писать стихи, по-

томъ бродить въ саду, глядѣть на усадьбу Уваровыхъ съ плотины пруда . . .

Днемъ на этой плотинѣ часто стояли бабы и дѣвки и, наклонясь къ большому плоскому голышу, лежавшему въ водѣ на бережку, подоткнувшись выше колѣнъ, крупныхъ, красныхъ, а все таки нѣжныхъ, женскихъ, сильно и ладно, переговариваясь быстрыми, бойкими голосами, колотили вальками мокрая сѣрая рубахи; иногда онѣ разгибались, вытирали о засученный рукавъ потъ со лба, съ шутиливой развязностью, на что то намекая, говорили, когда мнѣ случалось проходить мимо: «Барчукъ, ай потерялъ что?» — и опять наклонялись и еще бодрѣй колотили, шлепали и чему-то смѣялись, переговариваясь, а я поскорѣй уходилъ прочь: мнѣ уже трудно было смотрѣть на нихъ, склоненныхъ, видѣть ихъ голыя колѣни . . .

Потомъ къ другому нашему сосѣду, къ тому, чья усадьба была черезъ улицу отъ нашей и чей сынъ былъ въ ссылкѣ, къ старику Алферову, пріѣхали его дальнія родственницы, петербургскія барышни, и одна изъ нихъ, младшая, Ася, была хороша собой, ловка и высока, весела и энергична, не по нашему свободна въ обращеніи. Она любила играть въ крокетъ, щелкать что попало фотографическимъ аппаратомъ, ѣздить верхомъ, и незамѣтно я сталъ довольно частымъ гостемъ въ этой усадьбѣ, вступилъ съ Асей въ какое-то подобіе дружбы, въ которой она и помыкала мной, какъ мальчишкой, и проявляла въ то же время явное удовольствіе отъ общества этого мальчишки. Она то и дѣло снимала меня, — и все неудачно, потому что всегда поспѣшно, — мы съ ней по цѣлымъ часамъ стучали крѣпкими молотками, при чемъ всегда выходило, что я будто-бы что-то не такъ дѣлаю, а она поминутно останавливалась и, необыкновенно мило не переговаривая буквы «л», кричала на меня въ полномъ отчаяніи: «Ахъ, какой гвупый, Боже, какой гвупый!» — больше же всего любили скакать подъ вечеръ по большой до-

рогѣ, и надо признаться, что уже не совсѣмъ спокойно слушалъ я ея радостныя покрикиванья на скаку, видѣлъ ея румянецъ и растрепавшіеся волосы, чувствовалъ наше съ ней одиночество въ полѣ, межъ тѣмъ какъ ея лироподобное тѣло великолѣпно лежало на сѣдлѣ и тугая икра лѣвой ноги, упертой въ стремя, все время мелькала подъ развѣвающимся подоломъ амазонки . . .

Но то было днемъ, вечеромъ. А ночи свои я посвящалъ поэзіи.

Вотъ уже совсѣмъ темно въ полѣ, густѣютъ теплые сумерки, и мы съ Асей шагомъ возвращаемся домой, проѣзжаемъ по деревнѣ, пахнувшей всѣми вечерними лѣтними запахами. Проводивъ Асю до дому, я вѣзжаю во дворъ нашей усадьбы, бросаю поводъ потной Кабардинки работнику, она, подъ сѣдломъ, устало тянется за нимъ головой къ конюшнѣ, а я бѣгу въ домъ къ ужину, гдѣ меня встрѣчаютъ веселыя насмѣшки братьевъ и невѣстки. Послѣ ужина я выхожу съ ними на прогулку, на выгонъ за прудъ или опять все на ту же большую дорогу, глядя на сумрачно-красную луну, поднимающуюся за черными полями, откуда тянетъ ровнымъ мягкимъ тепломъ. А послѣ прогулки я остаюсь наконецъ одинъ. Все затихло, все спитъ — домъ, усадьба, деревня, лунныя поля. Я сижу у себя возлѣ открытаго окна, читаю, пишу. Чуть посвѣжѣвшій ночной вѣтеръ приходитъ отъ времени до времени изъ сада, тамъ и сямъ уже озареннаго, колеблетъ огни оплывающихъ свѣчей. Ночные мотыльки роями вьются вокругъ нихъ, съ трескомъ и пріятной вонью жгутся, падаютъ и понемногу усѣиваютъ весь столъ. Неодолимая дремота клонить голову, смыкаетъ вѣки, — ахъ, если бы упасть въ постель и мгновенно заснуть мертвымъ сномъ! — но я всячески одолѣваю, переламываю ее . . . и все ради чего? Ради этой дѣвочки-институтки, которую я хочу любить и, какъ мнѣ кажется, люблю самой лучшей, самой сокровенной частью своей души, ради тайной поэтической

жизни вмѣстѣ съ нею въ эти лѣтнія ночи, какихъ, мнѣ кажется, уже никогда не будетъ больше . . .

И къ полуночи сонъ обычно разсѣивался. Я вставалъ, тушилъ свѣчи и выходилъ въ садъ. Теперь, въ іюнѣ, луна ходила по лѣтнему, еще ниже. Она стояла за угломъ дома, широкая тѣнь далеко лежала отъ него по полянѣ, и изъ этой тѣни особенно хорошо было смотрѣть на какую-нибудь семицвѣтную звѣзду, тихо мерцавшую на востокѣ, далеко за садомъ, за деревней, за лѣтними полями, откуда иногда чуть слышно и потому особенно очаровательно доносился далекій бой перепела. Цвѣла и сладко пахла столѣтняя липа возлѣ дома, тепла и золотиста была луна, росы не было. И опять тянуло только тепломъ, — какъ всегда передъ разсвѣтомъ, близость котораго уже чувствовалась тамъ, на восточномъ небосклонѣ, гдѣ горизонтъ уже чуть серебрился. Тянуло оттуда, изъ за пруда, и я тихо проходилъ по саду навстрѣчу этой ровной тягѣ, шель на плотину . . . Дворъ уваровской усадьбы сливался съ деревенскимъ выгономъ, а садъ за домомъ — съ полемъ; я хорошо зналъ этотъ домъ, чуть не каждый день бывалъ въ немъ прежде, при Глѣбочкѣ. И теперь, глядя на него съ плотины, я точно представлялъ себѣ, гдѣ кто спитъ. Я зналъ, что Лиза спитъ въ Глѣбочкиной комнатѣ, въ той, окна которой выходили тоже въ садъ, только не въ такой, какъ у насъ, а темный, густой, подступающій прямо къ нимъ . . . Какъ же передать тѣ чувства, съ которыми смотрѣлъ я, мысленно видя тамъ, въ этой комнатѣ, Лизу, спящую подъ лепетъ листьевъ, тихимъ дождемъ струящимся за открытыми окнами, въ которыя то и дѣло входитъ и вѣетъ этотъ теплый вѣтеръ съ полей, лелѣя ея полудѣтскій сонъ, чище, прекраснѣе котораго не было, казалось мнѣ, на землѣ!

Х.

Этотъ странный образъ жизни былъ тѣмъ страннѣе, что длился чуть не все лѣто. А измѣнился онъ, какъ это почти всегда бываетъ, неожиданно и круто. Въ одно прекрасное утро я вдругъ узналъ, что Бибиковыхъ уже нѣтъ въ Батуринѣ, — вчера уѣхали. Я, помню, очень тупо провелъ день, не зная, что съ собою дѣлать, передъ вечеромъ пошелъ къ Асѣ — и что же услышалъ?

— А мы завтра въ Крымъ уѣзжаемъ, — тотчасъ сказала она, завидя меня, и такъ весело, точно хотѣла чрезвычайно меня обрадовать...

Въ тотъ день кончился для меня поэтический праздникъ лѣта. Я уже не сѣлъ послѣ ужина за письменный столъ, а легъ спать и горестно и крѣпко проспалъ всю ночь. Въ мірѣ послѣ того образовалась такая пустота и скука, что я сталъ ѣздить въ поле, гдѣ уже начали косить нашу рожь, сталъ по цѣлымъ часамъ сидѣть на рядахъ, на жнивьяхъ и безцѣльно смотрѣть на косцовъ. Сижу, а кругомъ сушь, блескъ, жаркій и недвижный зной, мѣрный шумъ косъ; густой и высокой стѣной стоитъ на сѣрой отъ зноя синегѣ безоблачнаго неба море пересохшей желто-песчаной ржи съ покорно склоненными, полными колосьями, а на него, другъ за другомъ, наступаютъ, въ раскорячку идутъ и медленно, ровно уходятъ впередъ мужики распояской, широко и солнечно блещутъ шуршащими косами, кладутъ влѣво отъ себя рядъ за рядомъ, оставляютъ за собой колкую щетку желтаго жнивья, широкія пустыя полосы и мало по малу все больше оголяютъ поле, дѣлаютъ его совсѣмъ новымъ, раскрываютъ все новые виды и дали...

— Что жъ такъ-то даромъ сидѣть, барчукъ? — грубо-

вато и дружелюбно сказалъ мнѣ вскорѣ одинъ косецъ, высокій и красивый черный мужикъ.—Берите-ка мою дру- гую косу, заходите съ нами . . .

И я всталъ и, ни слова не говоря, направился къ его телѣгѣ. Съ тѣхъ поръ и пошло . . .

Сперва было великое мученье. Отъ поспѣшности и вся- ческой неловкости я такъ выбивался изъ силъ, что по ве- черамъ едва добредалъ домой — съ согнутой, изломан- ной спиной, съ ноющими въ плечахъ и горящими отъ кро- вавыхъ мозолей руками, съ обожженнымъ лицомъ, со слипшимися отъ засохшаго пота волосами, съ полынной горечью во рту и страшной жаждой. Но потомъ такъ втя- нулся въ свою добровольную каторгу, что даже засыпалъ съ блаженной мыслью:

— Завтра опять косить!

За косьбой же наступила возка. Эта работа еще труд- нѣй. Это еще хуже — всаживать вилы въ толстый, сухо- упругій снопъ, подхватывать скользкую рукоятку виль колѣномъ и смаху, до боли въ животѣ, вскидывать эту ве- ликолѣпную шуршащую тяжесть, осыпающую тебя ост- рымъ зерномъ, на высокій и все растущій на все уменьша- ющейся телѣгѣ огромный, отовсюду торчащій охвостьемъ сноповъ возъ . . . а потомъ опутывать его тяжело-зыбку, со всѣхъ сторонъ колющую и душно пахнущую ржанымъ тепломъ гору новыми жесткими веревками, изо всѣхъ силъ стягивать ее ими, туго-на-туго захлестывать ихъ за телѣжную грядку . . . а потомъ медленно идти за ея ка- чающейся громадой по выбитому, ухабистому проселку, по ступицу въ глубокой горячей пыли, все время глядѣть на лошадь, кажущуюся подъ возомъ совсѣмъ ничтожной, все время внутренно тужиться вмѣстѣ съ ней, все время бояться, что на всѣ лады скрипящая подъ своимъ страш- нымъ грузомъ телѣженка не выдержитъ гдѣ-нибудь на по- воротѣ, заѣстъ слишкомъ круто подвернувшееся колесо — и весь этотъ грузъ безобразно рухнетъ на бокъ . . . Это

все не шутка да еще съ раскрытой подь солнцемъ головой, съ горячей, потной грудью, развѣденной ржанымъ соромъ, съ дрожащими отъ переутомленія ногами и съ полынью во рту! — Впослѣдствіи всѣ эти дни слились для меня однако въ одинъ долгій и радостный день, и я такъ огрубѣлъ и окрѣпъ, что, казалось, могъ любого мужика за поясъ заткнуть. Да окрѣпъ и душевно въ очень большой мѣрѣ...

А въ сентябрѣ я все сидѣлъ на гумнѣ. Пошли сѣренкіе, бѣдные, прохладные дни. Въ ригѣ съ ранняго утра до поздняго вечера ревѣла, гудѣла, засыпала соломой и густо дымила хоботьемъ молотилка, бабы и дѣвки однѣ горячо работали подь ней граблями, низко сдвинувъ запыленные платки на глаза, другія мѣрно стучали въ темномъ углу вѣялкой, за ручку крутили внутри нея дующія хлѣбнымъ вѣтромъ крылья и все время однообразно и жалобно-сладко пѣли, а я все слушалъ ихъ, то становясь крутить рядомъ съ какой-нибудь изъ нихъ, то помогая нагребать изъ подь вѣялки уже совсѣмъ чистое зерно въ мѣру и съ удовольствіемъ сливать его потомъ въ раскрытый, подставленный мѣшокъ. Я все больше втягивался въ близость и дружбу съ этими бабами и дѣвками, и неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, — уже одна длинноногая рыжая дѣвка, пѣвшая всѣхъ удалѣй и умѣлѣй и въ то же время, несмотря на свою видимую бойкость и грубость, съ особенно-грустной задушевностью, намекала мнѣ совсѣмъ понятно, что она ни отъ чего не прочь, за новыя ножницы, напримѣръ, — если бы не случилось въ моей жизни новаго событія: я неожиданно попалъ уже не въ какой-нибудь иллюстрированный, а въ одинъ изъ самыхъ важныхъ ежемѣсячныхъ петербургскихъ журналовъ, очутился въ обществѣ самыхъ знаменитыхъ въ то время писателей да еще получилъ за это почтовую повѣстку на цѣлыхъ пятнадцать рублей. Нѣтъ, сказалъ я себѣ, потрясенный и тѣмъ и другимъ, довольно съ меня этой риги, пора опять за

книги, за писанье — и тотчасъ же пошелъ сѣдлатъ Кабардинку: сѣвзу въ городъ, получу деньги — и за работу... Уже вечерѣло, но я все таки пошелъ сѣдлатъ, осѣдлалъ и погналъ по деревнѣ, по большой дорогѣ... Въ полѣ было грустно, пусто, холодно, непривѣтливо, а какой бодростью, свѣжестью, какой готовностью къ жизни и вѣрой въ нее полна была моя юная, одинокая душа!

XI.

Съ великой грустью вспоминаю теперь этотъ безконечно далекій осенній вечеръ, такимъ счастливымъ казавшийся мнѣ тогда. Цѣлая жизнь прошла съ тѣхъ поръ. И кто знаетъ, какъ прошла бы она, не будь его?

Въ полѣ хмуро темнѣло, дулъ суровый вѣтеръ, а я всей грудью вдыхалъ его предзимнюю свѣжесть, съ наслажденіемъ чувствовалъ его здоровый холодъ на своемъ молодомъ горячемъ лицѣ и все гналъ и гналъ Кабардинку. Я всегда любилъ рѣзвую ѣзду, — всегда горячо привязывался къ той лошади, на которой ѣздилъ, а межъ тѣмъ всегда былъ ужасно безжалостенъ къ ней. Тутъ же я ѣхалъ особенно шибко. Думалъ - ли я, мечталъ - ли о чемънибудь опредѣленно? Но въ тѣхъ случаяхъ, когда въ жизни человѣка произошло что -нибудь важное или хотя бы значительное и требуется сдѣлать изъ этого какой - то выводъ или предпринять какое -нибудь рѣшеніе, человѣкъ думаетъ мало, охотнѣе отдается тайной работѣ души. И я хорошо помню, что всю дорогу до города моя какъ-то мужественно возбужденная душа неустанно работала надъ чѣмъ-то. Надъ чѣмъ? Я еще не зналъ, только опять чувствовалъ желаніе какой-то перемѣны въ жизни, свободы отъ чего-то и стремленіе куда-то...

Помню, подъ Становой я на минуту пріостановился. Наступала ночь, въ полѣ стало еще угрюмѣй и печальнѣй. Ни души, казалось, не было не только на этой глухой, всѣ-

ми позабытой дорогѣ, но и на сотни верстѣ кругомѣ. Дичь, ширь, пустыня... Ахъ, хорошо, подумалъ я, опуская поводъ. Кабардинка стала, глубоко повела боками и замерла. Я, съ застывшими колѣнками, слѣзъ съ нагрѣтаго, скользкаго сѣдла, зорко и сторожно оглядываясь, вспоминая старыя разбойничьи преданія Становой и втайнѣ даже желая какой-нибудь страшной встрѣчи, жуткой схватки съ кѣмъ-нибудь, подтянулъ подпруги, подтянулъ ременный поясъ на поддевки и поправилъ кинжалъ на немъ... Вѣтеръ круто, надавливая, точно холодной водой дулъ мнѣ въ бокъ, билъ, гудѣлъ въ ухо, чѣмъ-то тревожно и воровски шуршалъ въ невѣрномъ сумракѣ полей, въ сухихъ бурьянахъ и жнивьяхъ; Кабардинка, съ висящими по ея бокамъ стремянами и торчащими сѣдельными рогами, стояла съ какой-то чудесной стройностью, остро поднявъ уши, тоже какъ будто чувствуя всю недобрую славу этихъ мѣстъ и тоже внимательно и строго глядя куда-то по дорогѣ. Она уже вся потемнѣла отъ горячаго пота, даже похудѣла въ ребрахъ, въ пахахъ, но я зналъ ея выносливость, то, что ей достаточно единственнаго глубокаго вздоха, которымъ она вздохнула, остановаюсь, чтобы снова пуститься въ путь во всю мѣру своихъ уже немолодыхъ силъ, своей неизмѣнной безотвѣтности и любви ко мнѣ. И, съ особенной нѣжностью обнявъ ея тонкую шею и поцѣловавъ въ нервный храпъ, я опять взмахнулъ въ сѣдло и еще шибче погналъ впередъ...

А потомъ надвинулась ночь, темная, черная, настоящая осенняя, и, какъ во снѣ, стало казаться, что и конца не будетъ этому мраку, вѣтру навстрѣчу и ладному топоту копытъ въ густой темнотѣ подъ ногами... Потомъ открылись и долго точно на одномъ мѣстѣ стояли, съ той особенной зоркостью и четкостью, которая бываетъ только въ осеннія ночи, дальніе городскіе и пригородніе огни... Наконецъ они стали ближе, больше, зачернѣли вдоль темной дороги слободскія тесовыя крыши, заманчиво и уют-

но глянули изъ подъ нихъ свѣтлыя окошечки, свѣтлыя
внутренности избъ, люди, семейственно ужинающіе въ
нихъ . . . а тамъ явственно запахло всѣми сложными, люд-
ными запахами города, замелькали вокругъ другіе много-
численные огни и освѣщенные окна — и подковы Кабар-
динки весело и возбуждающе зазвенѣли уже по мостовой,
по улицамъ . . . Въ городѣ было тише, теплѣй, былъ еще
вечеръ, а не та черная слѣлая ночь, что уже давно была
въ поляхъ, и я попалъ на постоялый дворъ Назарова пря-
мо къ ужину . . .

Чего только не было въ моей душѣ въ тотъ вечеръ!
Нельзя сказать, чтобъ я былъ ужъ такъ взволнованъ, сча-
стливъ тѣмъ, что попалъ въ знаменитый журналъ, въ
кругъ знаменитыхъ писателей — я, помню, принялъ это
почти какъ должное. Я былъ только какъ-то крѣпко и хо-
рошо возбужденъ, былъ въ полномъ обладаніи всѣми сво-
ими способностями, всей душевной и тѣлесной восприм-
чивостью, и мнѣ все доставляло удивительное наслажде-
ніе: и этотъ осенній вечерній городъ, и то, какъ я, рысью
подъѣхавъ къ воротамъ Назарова, задергалъ за кольцо
ржавую проволоку, висѣвшую изъ дыры въ веревѣ, гром-
ко зазвонивъ по двору колокольчикомъ, и то, какъ по-
слышался по камнямъ за воротами постукивающей шагъ
хромого дворника, отворившаго мнѣ ворота, и уютъ на-
вознаго двора, гдѣ въ темнотѣ, подъ черными навѣсами
и подъ открытымъ среди нихъ, уже звѣзднымъ, расчища-
ющимся небомъ, стоялъ цѣлый таборъ чьихъ-то телѣгъ
и звучно жующихъ лошадей, и какое то особое, уѣздное,
старое зловоніе отхожаго мѣста въ непроглядномъ мра-
кѣ въ сѣнцахъ, куда я одеревянѣвшими отъ стужи ногами
взбѣжалъ по гнилымъ ступенямъ деревяннаго крыльца и
гдѣ я долго нашаривалъ скобку двери въ домъ, и вдругъ
открывшаяся потомъ свѣтлая, людная и теплая кухня, гу-
сто пахнущая жирной горячей солониной и ужинающими
мужиками, а за нею — чистая половина, въ которой, за

большимъ круглымъ столомъ, ярко освѣщеннымъ всяческой лампой, во главѣ съ толстой рябой хозяйкой съ длинной верхней губой и старикомъ хозяиномъ, строго-унылымъ мѣщаниномъ, крупнымъ и костистымъ человѣкомъ, похожимъ своими бурыми прямыми волосами и суздальскимъ носомъ на старообрядца, тоже ужинало много какихъ-то загорѣлыхъ, обвѣтренныхъ людей въ жилеткахъ и косовороткахъ, выпущенныхъ изъ подъ жилетокъ... Всѣ, кромѣ хозяина, пили водку, хлебали наваристыя щи съ мясомъ и лавровымъ листомъ изъ огромной общей чашки и оживленно о чемъ-то разговаривали... Ахъ, хорошо, почувствовалъ я, ахъ, какъ все хорошо — и та дикая, непривѣтливая ночь въ полѣ, и эта вечерняя дружелюбная городская жизнь, эти пьющіе и ѣдящіе мужики и мѣщане, то есть вся эта старинная уѣздная Русь со всея ея грубостью, сложностью, силой, домовитостью, и мои смутныя мечты о какомъ-то сказочномъ Петербургѣ, о Москвѣ и знаменитыхъ писателяхъ, и то, что я сейчасъ тоже хорошенько выпью и съ волчьимъ аппетитомъ примусь за щи съ мягкимъ, бѣлымъ городскимъ подрукавникомъ!

И дѣйствительно, я такъ закусилъ и выпилъ, что потомъ (когда уже всѣ на постояломъ дворѣ разошлись по своимъ мѣстамъ послѣ ужина, улеглись гдѣ кто попало спать и на дворѣ, и въ кухнѣ, и на жесткихъ диванахъ, а то и прямо на полу, на войлокахъ въ горницѣ, потушили огонь и крѣпко заснули, отдавъ себя въ полное распоряженіе клопамъ и тараканамъ) долго сидѣлъ безъ шанки на ступенькахъ крыльца, освѣжая свою слегка кружащуюся голову морознымъ воздухомъ октябрьской ночи, слушающая въ ночной тишинѣ то колотушку, ловко, на плясовой ладъ что-то выдѣлывающую гдѣ-то вдали, вдоль пустынной улицы, то мирный хрусть жующихъ подъ навѣсами лошадей, прерываемый иногда ихъ короткой дракой и злымъ визгомъ, и все что-то обдумывая, рѣшая своей блаженно-хмельной душой...

Въ сущности все уже было рѣшено: въ этотъ вечеръ я впервые замыслилъ рано или поздно, но непременно покинуть Батурино.

ХІІ.

Ночь я провелъ неважно. Одни хозяева спали отдѣльно, въ своей спальнѣ, похожей на часовню отъ множества золотыхъ и серебряныхъ иконъ въ кіотѣ, какой-то черной стоячей гробницей возвышавшемся въ переднемъ углу за большой малиновой лампадой, а всѣ мы, то есть я и пять человѣкъ прочихъ чистыхъ постояльцевъ, въ той-же горницѣ, гдѣ вчера ужинали. Трое ночевали на полу, на казанскихъ войлокахъ, трое, въ числѣ которыхъ, къ несчастью, былъ и я, на диванахъ, жесткихъ, конечно, какъ камень, съ прямыми деревянными спинками. И, конечно, клопы (какіе-то мелкіе, особенно ядовитые, подло разбѣгавшіеся по подушкѣ, какъ только я зажигалъ спичку) ѣли всю ночь и меня, а въ теплой и вонючей темнотѣ вокругъ стоялъ крѣпкій храпъ, отъ котораго ночь казалась безнадежной, безразсвѣтной, а неугомонная колотушка проходила иногда своимъ отчаянно-громкимъ, распутно-залихватскимъ, какимъ-то круглымъ, полымъ трескомъ подъ самыми окнами, а двери изъ хозяйской спальни были прикрыты только на половину, такъ что лампадка краснѣла оттуда мнѣ прямо въ глаза, составляя изъ своего чернаго крестообразнаго поплавка, темнаго лучистаго мерцанія и тѣней, колеблемыхъ имъ, подобіе какого то сказочнаго паука въ серединѣ огромной паутины... Всталъ я однако какъ ни въ чемъ не бывало, лишь только послышалось, что проснулись хозяева, начали зѣвать, подниматься, закуривать и натягивать сапоги спавшіе на полу и кухарка по ихъ ногамъ и войлокамъ бѣгомъ втащила и съ размаху стукнула объ столъ ключемъ кипящей и крѣп-

ко, вкусно пахнущій угаромъ ведерный самоваръ, отъ густого пара котораго сразу побѣлѣли окна и зеркало.

Черезъ часъ послѣ того я былъ уже на почтѣ и получилъ наконецъ и свой первый гонораръ и ту удивительную, отъ всѣхъ прочихъ въ мірѣ отличную толстую книгу въ дѣвственно свѣжей обложкѣ цвѣта яичнаго желтка, гдѣ были мои стихи, показавшіеся мнѣ въ первую минуту даже какъ будто и не моими, — такъ очаровательно похожи были они на какіе-то настоящіе, прекрасные стихи какого-то настоящаго поэта. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ предстояло дѣло — зайти, по порученію отца, къ нѣкому Ивану Андреевичу Балавину, скупщику хлѣба, чтобы показать ему образчики нашего умола, узнать цѣну на нихъ и, если можно, сдѣлать запродажу. И вотъ, съ почты я направился прямо къ нему, но шель такъ, что прохожіе мужики и мѣщане съ удивленіемъ поглядывали на молодого человѣка къ длинныхъ сапогахъ, въ синемъ картузѣ и такой-же поддевкѣ, который на ходу все замедлялъ шаги, а порой и совсѣмъ останавливался среди улицы, уткнувшись все въ одно и то же мѣсто развернутой передъ его глазами книги и будучи, видимо, совершенно не въ силахъ насытиться съ лицезрѣніемъ его . . .

Очнулся я только на базарѣ. Опять было сѣро и холодно, былъ бодрящій предзимній воздухъ, въ церквахъ звонили къ обѣднѣ, всюду кругомъ торговали и покупали, съ бодрымъ дѣловымъ разговоромъ проходили взадъ и впередъ, возбуждая желаніе ѣхать въ Москву, въ Нижній, даже хотя бы въ Орель, въ Тулу. Въ рыбномъ ряду остро пахло соленой рыбой, такъ что страстно хотѣлось быть гдѣ-нибудь на Азовскомъ морѣ, въ Ростовѣ или Царицынѣ и вспоминалась прошлая осень, когда я ходилъ на вокзалъ въ Зарѣчье встрѣчать поѣзда, чтобы наслаждаться хотя бы однимъ видомъ ихъ и мечтами о тѣхъ неизвѣстныхъ городахъ, откуда и куда ѣхали несмѣтные люди, наполнявшіе и вокзалъ и эти поѣзда. Какъ уже далеко теперь это вре-

мя, думалъ я, и какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ, — особенно я самъ! Въ слѣдующемъ ряду, гдѣ надъ проходомъ, поперекъ него, висѣла на цѣпяхъ въ воздухѣ древняя большая икона въ почернѣвшей ризѣ, въ дѣтствѣ даже нѣскольکو пугавшая меня, торговали гармониками, романовской махоркой и тѣми копеечными книжками и пахучими, липкими, цвѣтистыми литографіями, которыя миллионами расходились въ тѣ времена по всей деревенской Руси, и на минуту я опять почувствовалъ себя тѣмъ милымъ, жалкимъ ребенкомъ, который, въ своей первой, новенькой гимназической шинелькѣ, покупалъ здѣсь Гуака, Бову Королевича, Атамана Епанчу, «истинную повѣсть» подъ заглавіемъ: «Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа», во всѣ глаза глядѣлъ на ослѣпительно блестящіе свѣжими густыми красками портреты широкоплечаго царя съ кудрявой русой бородой и ясными глазами на выкатъ, мундиръ котораго былъ сплошь увѣшанъ разноцвѣтными орденами, кроткой и миловидной царицы въ жемчужномъ кокошникѣ, мужественныхъ красавцевъ великихъ князей съ пробритыми подбородками и великолѣпными висячими бакенбардами... Въ Петербургъ, въ Петербургъ! — подумалъ я вдругъ, прибавляя шагъ.

А свиданіе съ Балавинымъ еще больше возбудило меня.

Онъ принялъ меня сперва сухо и даже недружелюбно, съ той безпричинной неприязнью, которая часто встрѣчается среди русскихъ торговыхъ людей. Амбаръ его въ хлѣбныхъ рядахъ выходилъ растворами прямо на мостовую. Приказчикъ провелъ меня по этому амбару куда-то въ глубину, къ стеклянной дверкѣ, изнутри завѣшенной кумачнымъ лоскутомъ, и несмѣло стукнулъ.

— Входи! — непріятно крикнулъ кто-то изъ-за двери.

И я вошелъ и навстрѣчу мнѣ приподнялся изъ-за большого письменнаго стола человекъ неопредѣленныхъ лѣтъ,

одѣтый вполне европейцемъ, съ очень чистымъ, даже какъ бы прозрачнымъ желтоватымъ лицомъ, съ бѣлесыми волосами, аккуратно причесанными на прямой рядъ, съ желтыми тонкими усами и быстрымъ взглядомъ свѣтло-зеленыхъ глазъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ сухо и быстро.

Я сказалъ, въ чемъ, назвалъ себя, поспѣшно и неловко вытащилъ изъ кармановъ поддевки два маленькихъ мѣшочка съ зерномъ и положилъ передъ нимъ на столъ.

— Садитесь, — какъ то вскользь сказалъ онъ, садясь за столъ и, не глядя на меня, сталъ развязывать эти мѣшочки. Развязавъ, онъ вынулъ горсточку одного зерна, подбросилъ его на ладони, потеръ въ пальцахъ и понюхалъ, потомъ сдѣлалъ то же самое съ другимъ.

— Сколько всего? — спросилъ онъ невнимательно.

— То есть четвертей? — спросилъ я.

— Да не вагоновъ же, — сказалъ онъ насмѣшливо. — Авось не такъ ужъ велики ваши экономіи...

Я вспыхнулъ, но онъ не далъ мнѣ отвѣтить:

— Впрочемъ, это не суть важно. Цѣны сейчасъ слабы, вы ихъ, небось, сами знаете...

И, назвавъ свою цѣну, предложилъ привозить хлѣбъ хоть завтра.

— Я на эту цѣну согласенъ, — сказалъ я, краснѣя. — Можно получить задатокъ?

Онъ молча вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, подаль мнѣ сторублевую бумажку и привычнымъ, очень точнымъ жестомъ снова спряталъ его.

— Прикажете расписку? — спросилъ я, краснѣя еще болѣе отъ неловкаго удовольствія своей зрелостью и дѣловитостью.

Онъ усмѣхнулся, отвѣтилъ, что, слава Богу, Александръ Сергѣевичъ Арсеньевъ достаточно всѣмъ извѣстенъ, и, какъ бы желая дать мнѣ понять, что дѣловой

разговоръ конченъ, раскрылъ лежавшій на столѣ серебряный портсигаръ и протянулъ его мнѣ.

— Благодарю васъ, я не курю, — сказалъ я.

Онъ закурилъ и опять какъ-то вскользь спросилъ:

— Это вы пишете стихи?

Я взглянулъ на него съ чрезвычайнымъ изумленіемъ, но онъ опять не далъ мнѣ отвѣтить:

— Не удивляйтесь, что я и такими дѣлами интересуюсь, — сказалъ онъ съ усмѣшкой. — Я вѣдь, съ позволенія сказать, тоже поэтъ. Даже когда-то книжку выпустилъ. Теперь, понятно, лиру оставилъ въ покоѣ, — не до нея да и таланту оказалось мало, — пишу только корреспонденціи, какъ, можетъ быть, слышали, но интересоваться литературой продолжаю, выписываю много газетъ и журналовъ... Это, если не ошибаюсь, первый вашъ дебютъ въ толстомъ журналѣ? Позвольте отъ души пожелать вамъ успѣха и посовѣтовать не манкировать собой.

— То есть какъ? — спросилъ я, уже совсѣмъ пораженный столь неожиданнымъ оборотомъ этого дѣловаго свиданія.

— А такъ, что вамъ очень крѣпко надо подумать о своемъ будущемъ. Вы меня простите, для занятій литературой нужны и средства къ жизни и большое образованіе, а что же у васъ есть? Вотъ вспоминаю себя. Безъ ложной скромности скажу, малый я былъ не глупый, еще мальчишкой видѣлъ столько, сколько дай Богъ любому туристу, а что я писалъ? Вспоминать стыдно! Вотъ напримѣръ:

Родился я въ глуши степной,
Въ простой и душной хатѣ,
Гдѣ вмѣсто мебели рѣзной
Качались полаты...

— Позвольте спросить, что за оболтусъ писалъ это? Во-первыхъ, фальшь,—ни въ какой степной хатѣ я не ро-

жался, родился въ городѣ, во-вторыхъ, сравнивать полати съ какой-то рѣзной мебелью верхъ глупости и, въ-третьихъ, полати никогда не качаются. И развѣ я всего этого не зналъ? Прекрасно зналъ, но не говорить этого вздору не могъ, потому что былъ не развитъ, не культуренъ, а развиваться не имѣлъ возможности въ силу бѣдности... Мое почтеніе, — сказала онъ, вдругъ поднимаясь, протягивая мнѣ руку, крѣпко пожимая мою и пристально глядя мнѣ въ глаза. — Пусть я послужу вамъ поводомъ для серьезныхъ размышленій о себѣ. Сидѣть сиднемъ въ деревнѣ, не видать жизни, пописывать и почитать спуская рукава да все больше втягиваться въ лѣнь, въ бездѣлье— карьера не блестящая. А у васъ замѣтенъ хорошій талантъ и впечатлѣніе вы производите, простите за откровенность, очень пріятное...

И вдругъ опять сталъ сухъ и серьезенъ:

— До свиданія, — опять какъ-то невнимательно сказалъ онъ, кивкомъ головы отпуская меня и снова садясь за свой столъ. — Прошу передать поклонъ вашему батюшкѣ...

Такъ неожиданно получилъ я еще одно подтвержденіе своимъ тайнымъ замысламъ покинуть Батурино.

XIII.

Замыслы эти осуществились однако не скоро.

Мечты осуществить ихъ немедля, въ столь ранніе годы, были, конечно, вздоромъ. Я и самъ понималъ это втайнѣ, и жизнь моя послѣ той памятной поѣздки въ городъ снова пошла по прежнему и даже еще болѣе безопасно, въ наслажденіи просто ея теченіемъ, смѣной дней, только время отъ времени прерываемой напрасными попытками планомѣрной работы. Я постепенно превращался, — по крайней мѣрѣ съ виду, — въ обычнаго деревенскаго юно-

шу, который уже довольно привычно сидѣлъ въ своей усадьбѣ, не чуждаясь больше ея обыденнаго существованія, ѣздилъ на охоту, бывалъ у сосѣдей, въ дождь или вьюгу ходилъ отъ скуки на деревню, въ излюбленные избы, короталъ время въ семейномъ кругу за самоваромъ, а не то цѣлыми часами лежалъ съ книгой на диванѣ, вслухъ мечталъ о чемъ нибудь съ сестрой, болталъ съ братьями... И такъ прошелъ еще годъ. А затѣмъ случилось то, что и должно было рано или поздно случиться, что въ свой срокъ приходитъ ко всякому и порой — какъ великое бѣдствіе.

Умеръ нашъ сосѣдъ Алферовъ, жившій совсѣмъ одиноко. Братъ Николай, давно мечтавшій зажить своимъ домомъ, снялъ это опустѣвшее имѣніе въ аренду и жилъ въ ту зиму уже не съ нами, а въ алферовской усадьбѣ. И въ числѣ его прочей прислуги была горничная Тонька. Она только что вышла замужъ, но тотчасъ послѣ свадьбы должна была, по своей бѣдности и бездомности, разлучиться съ мужемъ: онъ былъ шорникъ, и, женившись, опять пошелъ по своему бродячему заработку, а она поступила къ брату.

Ей было лѣтъ двадцать. На деревнѣ звали ее галкой, дикой, считали (за молчаливость) совсѣмъ глупой. Мнѣ же, — а я зналъ ее, конечно, съ дѣтства, какъ зналъ всю свою деревню, — она всегда нравилась. У нея былъ очень смуглый цвѣтъ кожи, ловкое и крѣпкое дѣвичье сложеніе, маленькія и сильныя руки и ноги, узкій разрѣзъ черно-орѣховыхъ глазъ. Она была похожа на индианку: прямыя, но грубоватыя черты темнаго лица, грубая смоль плоскихъ волосъ. Но и въ этомъ я находилъ какую-то прелесть, хотя и впрямь нѣсколько дикарскую. Что до глупости, то глупостей я отъ нея не слышалъ. — можетъ быть, потому, что говорила она только самое необходимое и обыденное (а молчала такъ легко и просто, какъ будто была безсловесной).

Я чуть не каждый день бывалъ у брата, любовался ею, любилъ даже то, какъ крѣпко и быстро она топаеть ногами, неся на столъ самоваръ или миску съ супомъ, какъ бессмысленно взглядываетъ: этотъ топотъ и взглядъ, грубая чернота волосъ, прямой рядъ которыхъ былъ виденъ подъ оранжевымъ платкомъ, немного плоскія сизыя губы слегка удлиненнаго рта, смуглая молодая шея, покато переходящая въ плечи, — все неизмѣнно вызывало во мнѣ томительно-сладкое безпокойство. Случалось, что, встрѣтятся съ ней гдѣ нибудь въ прихожей, въ сѣнцахъ, я, шутя, ловилъ ее находу, прижималъ къ стѣнѣ... Она, молча смѣясь, ловко выскальзывала — и тѣмъ дѣло и кончалось. Никакихъ любовныхъ чувствъ мы другъ къ другу не испытывали.

Но вотъ, гуляя какъ-то въ мягкія зимнія сумерки по деревнѣ, я разсѣянно свернулъ во дворъ алферовской усадьбы, прошелъ среди сугробовъ къ дому, поднялся на крыльцо. Въ прихожей, совсѣмъ темной, особенно сверху, сумрачно и фантастично, точно въ черной пещерѣ, краснѣла грудой раскаленныхъ углей только что истопленная печка, а Тонька, безъ платка, вытянувъ слегка раздвинутыя босыя ноги, берцы которыхъ блестѣли противъ свѣта своей гладкой кожей, сидѣла на полу прямо противъ ея устья, вся въ ея пламенно-темномъ озареніи, держала въ рукахъ кочергу, огненно-бѣлый конецъ которой лежалъ на угляхъ, и, слегка отклонивъ отъ палящаго жара такое-же темно-пламенное лицо, полусонно смотрѣла на эти угли, на ихъ малиновыя, хрупко-прозрачныя горки, кое-гдѣ уже меркнувшія подъ сиреневымъ тонкимъ налетомъ, а кое-гдѣ еще горѣвшія сине-зеленымъ эфиромъ. Я, входя, стукнулъ дверью — она даже не обернулась.

— Что-й-то у васъ темно, ай дома никого нѣту? — спросилъ я, подходя къ ней.

Она еще больше откинула лицо назадъ и, не глядя на меня, какъ-то неловко и томно усмѣхнулась.

— Будто не знаете! — сказала она насмѣшливо и слегка двинула кочергой въ печку.

— Что не знаю?

— Да ужъ будетъ, будетъ...

— Что будетъ?

— Да какъ же вы можете не знать, гдѣ они, когда они къ вамъ пошли...

— Я гулялъ, не видалъ ихъ.

— Знаемъ мы ваше гулянье...

Я присѣлъ на корточки, посматривая на ея ноги и раскрытую черную голову, уже весь внутренно дрожа, но смѣясь и притворяясь, что тоже люблюсь на угли, на ихъ жаркій багряно-темный свѣтъ... потомъ неожиданно сѣлъ рядомъ съ нею, обнялъ и завалилъ ее на полъ, поймавъ ея уклоняющіяся горячія отъ огня губы... Кочерга загремѣла, изъ печки посыпались искры...

На крыльцо я выскочилъ послѣ того съ видомъ челоуѣка, неожиданно совершившаго убійство, перевелъ дыханье и быстро оглянулся, — не идетъ-ли кто? Но никого не было, все, къ удивленію, было просто и тихо; на деревнѣ, въ обычной зимней темнотѣ, съ неправдоподобнымъ спокойствіемъ,—точно ничего и не случилось,—горѣли по избамъ огни... Я взглянулъ, прислушался — и быстро пошелъ прочь со двора, не чуя земли подъ собой отъ двухъ совершенно противоположныхъ чувствъ: страшной, непоправимой катастрофы, внезапно совершившейся въ моей жизни, и какого-то ликующаго, побѣдоноснаго торжества...

Ночью, сквозь тревожный сонъ, меня то и дѣло томилла смертельная тоска, чувство чего-то ужаснаго, преступнаго и постыднаго, внезапно погубившаго меня. Да, все пропало! — думалъ я, просыпаясь, съ трудомъ приходя къ себѣ. — Все, все пропало, все погублено, испорчено, но, видно, такъ тому и быть, все равно теперь уже не поправишь, не воротишь. И страшнѣй всего то, что нельзя

и некому даже слова сказать объ этомъ: всѣ спятъ и ничего не знаютъ, ничего не подозрѣваютъ даже, а главное, я всѣмъ, всѣмъ теперь чуждъ, одинокъ во всемъ мѣрѣ...

Проснувшись утромъ, я какими-то совсѣмъ новыми глазами взглянулъ вокругъ, на эту столь знакомую мнѣ комнату, ровно освѣщенную свѣжимъ снѣгомъ, выпавшимъ за ночь: солнца не было, но въ комнатѣ было очень свѣтло отъ его яркой бѣлизны. Первая мысль, съ которой я открылъ глаза, была, конечно, о томъ, что случилось. Но мысль эта уже не испугала меня, ни тоски, ни отчаянія, ни стыда, ни чувства преступности въ душѣ уже не было. Напротивъ. Какъ же я теперь выйду къ чаю? — подумалъ я. — И вообще какъ теперь быть? Но никакъ не быть, подумалъ я, никто ничего не знаетъ и не узнаетъ никогда, а на свѣтѣ все по-прежнему и даже особенно хорошо: на дворѣ этотъ любимый мной, тихій бѣлый день, садъ, космато оснѣженный по голымъ сучьямъ, весь заваленъ бѣлыми сугробами, въ комнатѣ тепло отъ кѣмъ-то затопленной, пока я спалъ, и теперь ровно гудящей и потрескивающей печки, съ дрожью тянущей въ себя мѣдную заслонку... горько и свѣжо пахнетъ сквозь тепло мерзлымъ и оттаивающимъ осиновымъ хворостомъ, лежащимъ возлѣ нея на полу... А случилось только то законное, необходимое, что и должно было случиться, — вѣдь мнѣ уже семнадцать лѣтъ и чѣмъ же я хуже другихъ? Я не только не хуже, но даже лучше ихъ и вотъ наконецъ и въ этомъ сравнялся съ ними. И меня опять охватило чувство торжества, гордости, счастья, — вотъ я и мужчина и у меня есть любовница. Какъ глупо все, что лѣзло мнѣ въ голову ночью! Какъ это дивно и ужасно, то, что было вчера! И это опять будетъ, можетъ быть, даже нынче же! Съ какимъ милымъ, неожиданнымъ дѣтскимъ испугомъ, съ какой явной безнадежностью успѣла она прошептать что-то быстрое, умоляющее! Ахъ, какъ я люблю и буду любить ее!

XIV.

Съ этого дня началось для меня ужасное время.

Это было настоящее помѣшательство, всецѣло поглощавшее всѣ мои душевныя и тѣлесныя силы, жизнь только минутами страсти или ожиданіемъ ихъ и муками жесточайшей ревности, совершенно разрывавшей мнѣ сердце, когда къ Тонькѣ приходилъ повидаться мужъ и она должна была по вечерамъ уходить изъ дому, гдѣ она спала обычно, спать съ нимъ въ людскую.

Любила ли она меня? Первое время любила, была сокровенно, но такъ счастлива этой любовью, что не могла, сколько ни старалась, скрыть своего тайнаго восхищенья мною, блеска своихъ узкихъ опущенныхъ глазъ, даже когда видѣла меня при братѣ и невѣсткѣ, прислуживая намъ. Потомъ то любила, то нѣтъ, — временами бывала не только равнодушна, холодна, но даже враждебна, — и эти постоянныя смѣны чувствъ, всегда непонятныя, неожиданныя, совершенно изнуряли меня. Я порой тяжело ненавидѣла ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ даже и тогда одна мысль о ея темно-серебряныхъ сережкахъ, о томъ нѣжномъ и миломъ, еще очень юномъ, что было въ ея губахъ, въ овалѣ нижней части лица и въ опущенныхъ узкихъ глазахъ, одно воспоминаніе о грубомъ запахѣ ея волосъ, смѣшанномъ съ запахомъ платка, тѣла и дыханія, приводило меня въ трепеть. Я готовъ былъ тогда — и даже съ какой-то жадной радостью — на всякое униженіе передъ нею, лишь бы хоть на минуту возвратились первые счастливые дни нашей близости.

Я всѣми силами старался жить хотя бы съ виду маломальски пристойно, хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ такъ,

какъ жилъ когда-то, но всѣ дни мои уже давно превратились именно только въ жалкую видимость моей прежней жизни.

Прошла зима, наступила весна, стоялъ уже май, — я ничего не замѣчалъ. Помню, я зачѣмъ-то упорно изучалъ англійскій языкъ . . . Зачѣмъ?

Богъ спасъ меня неожиданно.

Былъ чудесный майскій день. Я сидѣлъ съ англійскимъ учебникомъ въ рукахъ возлѣ поднятаго окна въ своей комнатѣ. Рядомъ со мной, на балконѣ, слышались голоса братьевъ, невѣстки и матери. Я разсѣянно слушалъ и, тупо глядя въ книгу, думалъ самыя безнадежныя думы. Такъ и подмывало сбѣгать хоть на минуту въ алферовскую усадьбу, благо братъ съ женой у насъ и Тонька, вѣрно, одна въ домѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ душу давило такое тяжелое сознаніе своего крайняго паденія, было такъ горько и больно, такъ жаль себя, своей погибающей молодости, что приходили въ голову и казались счастьемъ мысли о смерти. Садъ то сіялъ жаркимъ солнцемъ и гудѣлъ пчелами, то стоялъ въ какой-то тончайшей и необъятной голубой тѣни: въ бесконечно-высокой, еще молодой, весенней и вмѣстѣ съ тѣмъ яркой и густой синевѣ порой круглилось, закрывало солнце бесконечно высокое крупное облако, и воздухъ медленно темнѣлъ, синѣлъ, небо казалось еще больше, еще выше, и въ этой вышинѣ, въ счастливой весенней пустотѣ міра, начинало вдругъ какъ - то благостно и величественно, съ постепенно возрастающей и катящейся звучностью и гулкостью, погромыхивать . . . Я взялъ карандашъ и, все думая о смерти, сталъ писать на учебникѣ:

И вновь, и вновь надъ вашей головой,
Межъ облаковъ и синей тьмы древесной,

Нальется высь эдемской синевой,
Блаженной, чистою, небесной,
И вновь, круглясь, заблещутъ облака
Изъ-за деревьевъ горними снѣгами
И шмель замретъ на вѣнчикѣ цвѣтка
И загремитъ державными громами
Весенній богъ, а я — гдѣ буду я?

— Ты дома? — какимъ-то строгимъ, необычнымъ тономъ сказалъ братъ Николай, подходя къ моему окну. — Выйди-ка ко мнѣ на минутку, мнѣ нужно кое-что сказать тебѣ...

Я почувствовалъ, что блѣднѣю, однако всталъ и выпрыгнулъ въ окно.

— Что сказать? — спросилъ я неестественно спокойно.

— Пойдемъ немного пройдемся, — сухо сказалъ онъ, идя впереди меня внизъ, къ пруду. — Только, пожалуйста, отнесись къ моимъ словамъ разумно...

И, приостановившись, обернулся ко мнѣ:

— Вотъ что, другъ мой, ты, конечно понимаешь, что вся эта исторія уже давно ни для кого не тайна...

— То есть какая исторія? — съ трудомъ, но рѣзко спросилъ я.

— Ну, ты отлично понимаешь... Такъ вотъ, я и хочу тебя предупредить: я ее нынче утромъ разсчиталъ. Иначе дѣло кончилось бы, вѣроятно, смертоубійствомъ. Онъ вчера вернулся и пришелъ прямо ко мнѣ. «Николай Александровичъ, я все давно знаю, отпустите Антонину сію же минуту, не то плохо будетъ...» И, понимаешь, бѣлый, какъ мѣлъ, губы такъ пересохли, что едва говоритъ... Очень совѣтую тебѣ опомниться и не пытаться больше ее видѣть. Да впрочемъ это и бесполезно — нынче они уѣзжаютъ куда-то подъ Ливны...

Я не сказалъ ни слова въ отвѣтъ, обошелъ его и пошелъ къ пруду, сѣлъ въ травѣ на берегу подъ молодыми

блестящими вѣтвями ивъ, дугой склонявшихся къ зеркально-свѣтлой, серебристой водѣ... Опять величественно загремѣло гдѣ-то въ бездонной пустой вышинѣ, потомъ вдругъ что-то крупно и быстро зашуршало, кругомъ запахло мокрой свѣжестью весенней зелени... Прямой, рѣдкій дождь длинными стеклянными нитями засверкалъ изъ новаго большаго облака, безконечно высоко вставшаго надъ самой моей головой своими снѣжными клубами, и по недвижной и ровной поверхности зеркально-бѣлой воды, быстро шумя и пестря ее темными точками, запрыгали безчисленные гвозди...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I.

Мои послѣдніе батуринскіе дни были вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдними днями всей прежней жизни нашей семьи.

Мы всѣ понимали, что преждее на исходѣ. Отецъ говорилъ матери: «Разлетается, душа моя, наше гнѣздо!» Въ самомъ дѣлѣ, Николай это гнѣздо уже бросилъ, Георгій собирался бросать, — срокъ его поднадзорности кончился; оставался одинъ я; но шелъ и мой чередъ.

И все таки, какъ водится, никто изъ насъ (кромѣ, конечно, матери) ничего не додумывалъ, я тѣмъ болѣе. Я, Богъ вѣсть почему и зачѣмъ, затѣялъ тогда переводъ «Гамлета» и мучилъ себя надъ нимъ съ необыкновеннымъ и все возроставшимъ наслажденіемъ...

II.

Опять, еще фазъ была весна. И опять казалась она мнѣ такой, какихъ еще не было, началомъ чего-то совсѣмъ не похожаго на все мое прошлое.

Во всякомъ выздоровленіи бываетъ нѣкое особенное утро, когда, проснувшись, чувствуешь наконецъ уже полностью ту простоту, будничность, которая и есть здорověе, возвратившееся обычное состояніе, хотя и отличающееся отъ того, что было до болѣзни, какою-то но-

вой опытностью, умудренностью. Такъ проснулся и я однажды въ тихое и солнечное майское утро въ своей угловой комнатѣ, окна которой я, по молодости, не имѣлъ надобности завѣшивать. Я откинулъ одѣяло, чувствуя спокойное довольство всѣхъ своихъ молодыхъ силъ и все то здоровое, молодое тепло, которымъ нагрѣлъ я за ночь постель и себя самого. Въ окна свѣтило солнце, отъ верхнихъ цвѣтныхъ стеколъ на полу горѣли синія и рубиновые пятна. Я поднялъ нижнія рамы — утро было уже похоже на лѣтнее, со всей мирной простотой, присущей лѣту, его утреннему мягкому и чистому воздуху, запахамъ солнечнаго сада со всѣми его травами, цвѣтами, бабочками. Я умылся, одѣлся и сталъ молиться на образа, висѣвшіе въ южномъ углу комнаты и всегда вызывавшіе во мнѣ своей арсеньевской стариной что-то обнадеживающее, покорное непреложному и безконечному теченію земныхъ дней. На балконѣ опять, какъ въ тотъ памятный день, когда уѣхала Тонька, слышны были голоса. Пили чай и разговаривали. Былъ опять братъ Николай, — онъ просыпался очень рано и часто приходилъ пить чай къ намъ. И онъ говорилъ — очевидно, обо мнѣ — со свойственной ему трезвостью:

— Да что жъ тутъ думать? Конечно, надо служить, поступить куда-нибудь на мѣсто... Думаю, что Георгію все таки удастся устроить его гдѣ-нибудь, когда онъ самъ какъ-нибудь устроится...

И эти слова еще болѣе умиротворили меня. «Ну, что жъ, служить такъ служить. А потомъ, все это еще такъ не скоро. Георгій уѣдетъ не раньше осени, а до осени еще цѣлая вѣчность...»

Какіе далекіе дни! Я теперь уже съ усиленіемъ чувствую ихъ своими собственными при всей той близости ихъ мнѣ, съ которой я все думаю о нихъ за этими записями и все зачѣмъ-то пытаюсь воскресить чей-то далекій юный образъ. Чей это образъ? Онъ какъ бы нѣкое подобіе моего

вымышленнаго младшаго брата, уже давно исчезнувшаго изъ міра вмѣстѣ со всѣмъ своимъ безконечно далекимъ временемъ.

Случалось, бывало, въ какомъ-нибудь чужомъ домѣ взять въ руки старый фотографическій альбомъ. Странныя и сложныя чувства возбуждали лица тѣхъ, что глядѣли съ его поблекшихъ карточекъ! Прежде всего — чувство необыкновенной отчужденности отъ этихъ лицъ, ибо необыкновенно бываетъ чуждъ человѣкъ человѣку въ инныя минуты. А потомъ — происходящая изъ этого чувства повышенная острота ощущенія ихъ самихъ и ихъ времени. Что это за существа, эти лица? Это все люди когда-то и гдѣ-то жившіе, каждый по своему, разными судьбами и разными эпохами, гдѣ было все свое: одежды, обычаи, характеры, общественныя настроенія, событія... Вотъ суровый чиновный старикъ съ орденомъ подъ двойнымъ галстухомъ, съ большимъ и высокимъ воротомъ, съ крупными и мясистыми чертами бритаго лица. Вотъ свѣтскій щеголь временъ Герцена съ подвитыми волосами и съ бакенбардами, съ цилиндромъ въ рукѣ, въ широкомъ сюртукѣ и такихъ же широкихъ панталонахъ, нога котораго кажется отъ нихъ особенно маленькой. Вотъ бюстъ грустно-красивой дамы: затѣйливая шляпка на высокомъ шиньонѣ, шелковое платье съ рюшами, плотно обтягивающее грудь и тонкую талию, длинныя серьги въ ушахъ... А вотъ молодой человѣкъ семидесятыхъ годовъ: высокіе, широко расходящіеся воротнички, не скрывающіе кадыка, нѣжный овалъ чуть тронутаго пушкомъ лица, юная томность въ загадочныхъ большихъ глазахъ, длинныя волнистыя волосы... Сказка, легенда всѣ эти лица, ихъ жизни и эпохи!

Точно тѣ же чувства испытываю я и теперь, воскрешая образъ того, къмъ я былъ когда-то. Былъ ли въ самомъ дѣлѣ? Былъ молодой Вильгельмъ Второй, былъ какой-то генералъ Буланже, былъ Александръ Третій, грузный хо-

зяинъ необъятной Россіи... И была въ эти легендарныя времена, въ этой навсегда погибшей Россіи весна, май и былъ кто-то, съ темнымъ румянцемъ на щекахъ, съ синими яркими глазами, зачѣмъ-то мучившій себя какимъ-то «Гамлетомъ» и день и ночь таившій въ себѣ тоску о своемъ будущемъ, гдѣ, казалось, ожидала его вся прелесть и радость міра сего...

III.

Въ началѣ лѣта я какъ то встрѣтилъ на деревнѣ невѣстку Тоньки. Она приостановилась и сказала:

— А вамъ одинъ человѣкъ поклонъ прислалъ...

Воротясь домой, я осѣдлалъ Кабардинку и пустился куда глаза глядятъ. Помню, я былъ въ Знаменскомъ, въ Малиновомъ, доѣхалъ до Ливенской большой дороги... Наступалъ одинъ изъ тѣхъ безмятежныхъ вечеровъ начала лѣта, когда въ поляхъ царить какая-то особенная полнота мира, красоты, благоденствія. Я постоялъ возлѣ дороги, подумалъ: куда еще? — пересѣкъ ее и поѣхалъ цѣликомъ дальше. Я ѣхалъ на блескъ уже низкаго солнца какими-то парами, — помню, это было цѣлое море чего-то ярко-желтаго, цвѣтущаго, — и въѣхалъ въ чей-то большой лѣсъ, начинавшійся длинной ложиной съ заросшими оврагами и буераками, гдѣ цвѣты и травы, уже свѣжѣвшіе и пахнувшіе къ вечеру лѣсной и луговой свѣжестью, были по брюхо лошади. Кругомъ, по всѣмъ кустамъ и чащамъ, сладко голосили и цокали соловьи, гдѣ-то далеко вдали мѣрно и настойчиво, какъ бы убѣжденная среди всѣхъ этихъ тщетныхъ соловьиныхъ восторговъ въ правотѣ только своей одинокой, бездомной печали, не смолкая куковала кукушка, и ея гулко-полый голосъ казался то ближе, то дальше, грустно и дивно чередуясь съ еще болѣе дальними откликами вечерѣющаго лѣса. И я ѣхалъ и

слушалъ, потомъ сталъ невольно считать, сколько лѣтъ нагадаетъ мнѣ она, — сколько еще осталось мнѣ всего того непостижимаго, что называется жизнью, любовью, разлуками, потерями, воспоминаніями, надеждами... И она все куковала и куковала, суля мнѣ что-то безконечное. Но что таило въ себѣ это безконечное? Въ загадочности и безучастности всего окружающаго было что-то даже страшное. Я смотрѣлъ на шею Кабардинки, на ея гриву, откинутую на сторону и ровно, въ ладъ съ ходомъ мотавшуюся, на всю эту поднятую конскую голову, когда-то, въ дни сказочные, порой говорившую вѣщимъ голосомъ: страшна была ея роковая безсловесность, это во вѣки ничѣмъ не могущее быть расторгнутымъ молчаніе, нѣмота существа, столь мнѣ близкаго и такого-же, какъ я, живого, разумнаго, чувствующаго, думающаго, и еще страшнѣй — сказочная возможность, что она вдругъ нарушить свое молчаніе... И съ бессмысленно-жуткой радостью голосили кругомъ соловьи, и съ колдовской настойчивостью куковала вдали кукушка, тщетно весь свой вѣкъ взыскающая какого-то завѣтнаго гнѣзда...

IV.

Лѣтомъ я былъ въ городѣ на Тихвинской ярмаркѣ и еще разъ случайно встрѣтился тамъ съ Балавинымъ. Онъ шелъ съ какимъ-то барышникомъ. Барышникъ былъ на рѣдкость грязень и оборванъ, онъ же особенно чистъ и нарядень — во всемъ съ иголки, въ новой соломенной шляпѣ и съ блестящей тросточкой. Барышникъ, поспѣвая рядомъ съ нимъ, яростно клялся ему въ чемъ-то, по минутно взглядывалъ на него дико и вопросительно, ¹ онъ шелъ, не слушая, холодно и жестко глядя передъ собой своими свѣтло-зелеными глазами. «Все брехня!» — кинулъ онъ наконецъ невнимательно и, поздоровавшись со мной, — такъ, какъ будто мы не два года тому назадъ,

а только вчера видѣлись, — взялъ меня подъ руку и предложилъ зайти «попить чайку и немножко побесѣдовать». И мы зашли въ одинъ изъ чайныхъ балагановъ, и за бесѣдой онъ сталъ съ усмѣшкой меня разспрашивать, — «ну-съ, какъ-же поживаете, въ чемъ преуспѣваете?» — а потомъ заговорилъ о «бѣдственномъ положеніи» нашихъ дѣлъ, — онъ откуда-то зналъ ихъ лучше насъ самихъ, — и опять о томъ, какъ быть лично мнѣ. Я послѣ того простился съ нимъ настолько разстроенный, что даже рѣшилъ тотчасъ же домой уѣхать. Уже вечерѣло, въ монастырѣ звонили ко всенощной, ярмарка, стоявшая на огромномъ выгонѣ возлѣ него, разъѣзжалась, коровы, уводимыя за скрипучими телѣгами, выбиравшимися на шоссе, ревѣли какъ-то угрожающе, захлебываясь, обратные извозчики, ныряя по пыльнымъ ухабамъ выгона, безшабашно неслись мимо . . . Я вскочилъ на перваго попавшагося и погналъ его на станцію, — былъ какъ разъ вечерній поѣздъ въ нашу сторону. Да, что же дѣлать? — думалъ я, вспоминая рѣчи Балавина и все больше убѣждаясь, что смыслъ ихъ былъ, собственно, отчаянный. «И ума не приложу, какъ вамъ быть далѣе, — говорилъ онъ мнѣ. — Отцы ваши въ такихъ обстоятельствахъ на Кавказъ служить скакали, къ разнымъ иностраннымъ коллегіямъ приписывались, а вамъ куда скакать или приписываться? Вы, вообще, я полагаю, служить не можете — не тѣ у васъ мечтанія. Вы, какъ говорится въ оракулахъ, слишкомъ въ даль простираетесь. На счетъ Батурина одинъ исходъ вижу: продать какъ ни можно скорѣй, пока съ молотка не продали. Въ этомъ случаѣ у вашего батюшки въ карманѣ хоть грошъ, а все таки останется. А на счетъ себя вы ужъ какънибудь сами подумайте . . .» Но что же я могу выдумать? — спрашивалъ я себя. — Въ амбаръ къ нему что-ли поступить?

Эта встрѣча нѣсколько охладила даже мою работу надъ «Гамлетомъ». Я началъ переводить его случайно —

онъ никакъ не былъ въ числѣ произведеній, близкихъ мнѣ. Онъ просто попался мнѣ подъ руку — какъ разъ тогда, когда мнѣ такъ хотѣлось снова начать чистую, трудовую жизнь. Я не медля взялся за работу, и она вскорѣ увлекла меня, стала радовать, возбуждать своей трудностью. Кромѣ того, родилась во мнѣ тогда дѣтская мысль стать вообще переводчикомъ, открыть себѣ впоследствии источникъ не только неизмѣнныхъ художественныхъ наслажденій, но и существованія. Теперь, воротясь домой, я вдругъ понялъ всю сомнительность подобныхъ надеждъ. Понялъ и то, что дни идутъ, а всѣ мои «мечтанія», которыя Балавинъ, самъ того не желая, вновь взволновалъ во мнѣ, такъ и остаются мечтаніями. О нашемъ «бѣдственномъ положеніи» я быстро забылъ. Другое дѣло были «мечтанія»... Въ чемъ собственно состояли онѣ? Да вотъ упомянулъ, напримѣръ, Балавинъ случайно про Кавказъ — «отцы ваши въ такихъ обстоятельствахъ на Кавказъ служить скакали» — и опять стало казаться мнѣ, что я бы полжизни отдалъ, лишь бы быть на мѣстѣ отцовъ... На ярмаркѣ гадала мнѣ по рукѣ молоденькая цыганка. Ужъ какъ не новы эти цыганки! Но чего только не почувствовалъ я, пока она держала меня за руку своими цѣпкими черными пальцами, и сколько думалъ потомъ о ней! Вся она была, конечно, необыкновенно пестра разнообразіемъ своихъ желтыхъ и красныхъ лохмотьевъ и все время слегка поводила бедрами, говоря мнѣ обычный вздоръ, откинувъ шаль съ маленькой смоляной головы и томя меня не только этими бедрами, сонной сладостью глазъ и губъ, но и всей своей древностью, говорившей о какихъ-то далекихъ краяхъ, и тѣмъ еще, что опять тутъ были мои «отцы», — кому же изъ нихъ не гадали цыганки? — моя тайная связь съ ними, жажда ощущенія этой связи, ибо развѣ могли бы мы любить міръ такъ, какъ любимъ его, если бы онъ ужъ совсѣмъ былъ новъ для насъ?

V.

Въ тѣ дни я часто какъ бы останавливался и съ рѣзкимъ удивленіемъ молодости спрашивалъ себя: все таки что же такое моя жизнь въ этомъ непонятномъ, вѣчномъ и огромномъ мірѣ, окружающемъ меня, въ непредѣльности прошлаго и будущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ какомъ-то Батуринѣ, въ ограниченности лично мнѣ даннаго пространства и времени? И видѣлъ, что жизнь (моя и всякая) есть смѣна дней и ночей, дѣлъ и отдыха, встрѣчъ и бѣсѣдъ, удовольствій и неприятностей, иногда называемыхъ событіями; есть беспорядочное накопленіе впечатлѣній, картинъ и образовъ, изъ которыхъ лишь самая ничтожная часть (да и то неизвѣстно зачѣмъ и какъ) удерживается въ насъ; есть непрестанное, ни на единый мигъ насъ не оставляющее теченіе несвязныхъ чувствъ и мыслей, беспорядочныхъ воспоминаній о прошломъ и смутныхъ гаданій о будущемъ; а еще — нѣчто такое, въ чемъ какъ будто и заключается нѣкая суть ея, нѣкій смыслъ и цѣль, что - то главное, чего ужъ никакъ нельзя уловить и выразить, и — связанное съ нимъ вѣчное ожиданіе: ожиданіе не только счастья, какой-то особенной полноты его, но еще и чего-то такого, въ чемъ (когда настанетъ оно) эта суть, этотъ смыслъ вдругъ наконецъ обнаружится, уловится. «Вы, какъ говорится въ оракулахъ, слишкомъ въ даль простираетесь . . . » И впрямь: втайнѣ я весь простирался въ нее. Зачѣмъ? Можетъ быть, именно за этимъ уловленіемъ?

VI.

Отъѣздъ брата Георгія положилъ конецъ нашему сравнительному благополучію.

Онъ уѣхалъ опять въ Харьковъ, — теперь уже совсѣмъ свободный, радостный, — и опять, какъ когда-то, безконечно давно, когда его везли въ тюрьму, въ свѣтлый и холодный октябрьскій день. Я провожалъ его на станцію. Мы рѣзво катили по набитымъ, блестящимъ дорогамъ, отгоняли бодрыми разговорами о будущемъ грусть разлуки, ту тайную боль о прожитомъ срокѣ жизни, которому всякая разлука подводитъ послѣдній итогъ и тѣмъ самымъ навсегда его заканчиваетъ. — Все, Богъ дастъ, устроится! — говорилъ братъ, себялюбиво не желая огорчать себя, своихъ надеждъ на харьковскую жизнь. — Какъ только осмотрюсь немного и справлюсь со средствами, тотчасъ же выпишу тебя. А тамъ видно будетъ, что и какъ... Хочешь папиросу? — сказалъ онъ и съ удовольствіемъ сталъ глядѣть, какъ я неловко, въ первый разъ въ жизни, закуриваю.

Возвращаться домой, одному, было особенно грустно и странно. Даже какъ-то не вѣрилось, что то, чего мы всѣ такъ долго втайнѣ боялись, совершилось, что вотъ брата уже нѣтъ, что я ѣду одинъ и одинъ проснусь завтра въ Батуриинѣ. А дома меня ожидало еще и большое несчастье. Я возвращался въ ледяные багровые сумерки. На пристяжкѣ была Кабардинка, всю дорогу не дававшая отдыху шедшему крупной рысью кореннику. Приѣхавъ, я о ней не подумалъ, ее, не выводивъ, напоили, потная, она смертельно продрогла, простояла морозную ночь безъ попоны и подъ утро пала. Въ полдень я пошелъ въ лужи за

садомъ, куда ее стащили. О, какая жестокая, свѣтлая пустота была въ мірѣ, какое гробовое солнечное молчаніе, какая прозрачность воздуха, холодъ и блескъ пустыхъ полей! Кабардинка безобразно чернѣла въ лужкахъ своей мертвой грудой, высоко вздутымъ бокомъ и тонкой длинной шеей съ далеко откинутой лежачей головой. Собаки уже работали надъ ея брюхомъ, сладострастно мотали, рвали его, траурная стая старыхъ вороновъ выжидательно торчала подлѣ, какъ то свирѣпо взлетая порой, когда собаки, безпокойно рычавшія даже въ самый разгаръ своихъ мерзкихъ хлопотъ, вдругъ кидались на нее съ оскаленными и окровавленными мордами... А послѣ завтрака, когда я тупо лежалъ на диванѣ въ своей комнатѣ, за мелкими квадратными стеклами которой ровно синѣло осеннее небо и чернѣли нагія деревья, послышались по корридору быстрые и тяжелые шаги и внезапно вошелъ ко мнѣ отецъ. Въ рукахъ у него была его любимая бельгійская двустволка, единственная драгоценность, оставшаяся ему отъ прежней роскоши.

— Вотъ, — сказалъ онъ, рѣшительно кладя ее рядомъ со мной. — Дарю, что могу, чѣмъ богать, тѣмъ и радъ. Можетъ быть, это тебя хоть немного утѣшитъ...

Я вскочилъ, схватилъ его руку, но не успѣлъ поцѣловать — онъ отдернулъ ее и, быстро наклонившись, неловко поцѣловалъ меня въ високъ.

— И вообще ты не очень убивайся, — прибавилъ онъ, стараясь говорить съ обычной своей бодростью. — Это я ужъ не о лошади, конечно, говорю, а вообще о твоемъ положеніи... Ты думаешь, я ничего не вижу, не думаю с тебѣ? Больше всѣхъ думаю! Я передъ всѣми вами виновать, всѣхъ васъ по міру пустилъ, да у тѣхъ хоть что-нибудь есть. Николай все таки хоть немного обезпеченъ, у Георгія есть образованье, а у тебя что, кромѣ твоей прекрасной души? Да и что имъ? Николай человѣкъ вполне дюжинный, Георгій всегда вѣчнымъ студентомъ оста-

нется, а вотъ ты . . . И хуже всего то, что не усидишь ты долго съ нами, и что тебя ждетъ, одинъ Богъ вѣдаетъ! А все таки помни мое: нѣтъ бѣднѣе бѣды, чѣмъ печаль . . .

VII.

Въ ту осень пусто, тихо было въ нашемъ домѣ. Никогда, кажется, не чувствовалъ я такой нѣжной любви къ отцу и матери, но только одна сестра Оля спасала меня въ тѣ дни отъ чувства одиночества, съ особенной силой овладѣвшаго мной. Дѣлать прогулки, вести разговоры, мечтать о будущемъ я сталъ теперь съ ней — и съ удивленіемъ и радостью все больше убѣждался въ томъ, что она гораздо взрослѣй, развитѣй и душевно и умственно и гораздо ближе мнѣ, чѣмъ я могъ полагать. Былъ въ этихъ нашихъ новыхъ отношеніяхъ еще и какой-то чудесный возвратъ къ нашей дальней, дѣтской близости . . .

Отецъ сказалъ про меня: «Что ждетъ тебя, одинъ Богъ вѣдаетъ!» А что ждало ее, со всей прелестью ея юности и со всей бѣдностью и одиночествомъ въ Батурино?

Впрочемъ, я тогда думалъ больше всего о себѣ.

VIII.

Работу я бросилъ. Много времени проводилъ на деревнѣ, по избамъ, много охотился — то съ братомъ Николаемъ, то одинъ. Борзыхъ у насъ уже не было, оставалась только пара гончихъ. Большія охоты, еще кое-гдѣ уцѣлѣвшія въ уѣздѣ, травили волковъ, лисицъ, далеко и надолго уходили въ отъѣзжее поле, въ мѣста болѣе прибыльныя, чѣмъ наши. Мы же и одному русаку бывали рады, — вѣрнѣе, нашимъ скитаньямъ за нимъ по осеннимъ полямъ, на осеннемъ воздухѣ.

Такъ скитался я однажды, въ концѣ ноября, подѣ Ефремовымъ. Рано утромъ позавтракалъ въ людской горячими картошками, перекинулъ ружье за плечи, сѣлъ на стараго рабочаго мерина, кликнулъ собакъ и поѣхалъ. У брата вѣяли, я поѣхалъ одинъ. Выдался необыкновенно теплый, солнечный день, но въ поляхъ было грустно, а въ смыслѣ охоты совсѣмъ безнадежно: грустно потому, что ужъ слишкомъ тихо и голо было всюду и во всемъ было то послѣднее, бѣдное, смиренное, что бываетъ только самой поздней осенью, а безнадежно по причинѣ недавнихъ дождей: было такъ грязно и вязко, — и не только по дорогамъ, а и на зеленяхъ, на взметахъ и жнивьяхъ, — что и мнѣ и собакамъ приходилось пробираться все межамми и гранями. Я вскорѣ и думать пересталъ объ охотѣ, а за мной и собаки — бѣжали себѣ впереди, отлично понимая невозможность гона по такому полю, если бы даже и было что гнать, и нѣсколько оживляясь лишь тогда, когда мы попадали въ какой-нибудь голый перелѣсокъ, гдѣ крѣпко и сыро пахло прѣлымъ листомъ, или проходили по рыжимъ дубовымъ кустарникамъ, по какому-нибудь логу, бугру. Но ничего не было и тутъ: всюду пустота, молчаніе, жидкій, безжизненный, хотя и теплый, ясный блескъ, въ которомъ по осеннему низко, плоско и четко лежали свѣтлыя окрестности, — всѣ эти клѣтчатые отъ жнивій, зеленей и пашенъ перевалы полей, рыжія шкуры кустарниковъ, сизо-сѣрѣющіе кое-гдѣ вдали березовые и осиновые острова...

И отъ Лобанова я повернулъ наконецъ назадъ. Проѣхалъ Шипово, потомъ вѣхалъ въ ту самую Кроптовку, гдѣ было родовое имѣніе Лермонтовыхъ. Тутъ я отдохнулъ у знакомаго мужика, посидѣлъ съ нимъ на крылечкѣ, выпилъ квасу. Передъ нами былъ выгонъ, за выгономъ — давно необитаемая мелкопомѣстная усадьба, которую красилъ немного только садъ, неподвижно поднимавшій въ блѣдно-голубомъ небосклонѣ, за небольшимъ

старымъ домою, свои черныя вершушки. Я сидѣлъ и, какъ всегда, когда попадалъ въ Кроптовку, смотрѣлъ и думалъ: да ужели это правда, что вотъ въ этомъ самомъ домѣ бывалъ въ дѣтствѣ Лермонтовъ, что почти всю жизнь прожилъ тутъ его родной отецъ?

— Говорятъ, продаютъ, — сказалъ мужикъ, тоже глядя на усадьбу и щурясь. — Говорятъ, ефремовскій Каманевъ торгуетъ...

И, взглянувъ на меня, еще болѣе сощурился:

— А вы какъ? Не продаете еще?

— Это дѣло отца, — отвѣтилъ я уклончиво.

— Конечно, конечно, — сказалъ мужикъ, думая, видимо, что-то свое. — Я это только къ тому, что всѣ, молъ, теперь продаютъ, плохое пришло господамъ житье. Народъ избаловался, — и свое-то и то какъ попало работаютъ, а не то, что господское, — а цѣна на руки въ горячее время — приступу нѣтъ, а загодя, подъ заработки барину не изъ чего дать — нужда, бѣдность...

Дальше я поѣхалъ, дѣлая большой крюкъ, рѣшивъ для развлечения проѣхать черезъ Васильевское, переночевать у Писаревыхъ. И, ѣдучи, какъ-то особенно крѣпко задумался вообще о великой бѣдности нашихъ мѣстъ. Все было бѣдно, убого и глухо кругомъ! Я ѣхалъ большой дорогой — и дивился ея заброшенности, пустынности. Ыхалъ проселками, проѣзжалъ деревушки, усадьбы: какія избы, какія усадьбы и какая жалкая и бессмысленная жизнь въ нихъ! Хоть шаромъ покати не только въ поляхъ, на грязныхъ дорогахъ, но и на такихъ же грязныхъ деревенскихъ улицахъ и на пустыхъ усадебныхъ дворахъ. Даже непонятно: да гдѣ-же люди и чѣмъ убиваютъ они свою осеннюю скуку, бездѣлье, сидя по этимъ избамъ и усадьбамъ? А потомъ я опять вспомнилъ бессмысленность и своей собственной жизни среди всего этого и просто ужаснулся на нее, вдругъ вспомнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтова. Да, вотъ Кроптовка, этотъ забытый домъ, на

который я никогда не могу смотреть без каких-то безконечно-грустных и неизъяснимых чувств... Вот бѣдная колыбель его, наша общая съ нимъ, вот его начальные дни, когда такъ же смутно, какъ и у меня нѣкогда, томилась его младенческая душа, «желаніемъ чуднымъ полна», и первые стихи, столь же, какъ и мои, безпомощные... А потомъ что? А потомъ вдругъ «Демонъ», «Мцыри», «Тамань», «Парусъ», «Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой...» Какъ связать съ этой Кроптовкой все то, что есть Лермонтовъ? Я подумалъ: что такое Лермонтовъ? — и увидѣлъ сперва два тома его сочиненій, столь знакомыхъ и близкихъ мнѣ съ дѣтства, уже давно ставшихъ частью моей жизни, увидѣлъ его странное молодое лицо съ неподвижными темными глазами, потомъ сталъ видѣть стихотвореніе за стихотвореніемъ и не только внѣшнюю форму ихъ, но и картины, съ ними связанныя, то есть то, что и казалось мнѣ земными днями Лермонтова: снѣжную вершину Казбека, Дарьяльское ущелье, ту, невѣдомую мнѣ, свѣтлую долину Грузіи, гдѣ шумятъ, «обнявшись точно двѣ сестры, струи Арагвы и Куры», облачную ночь и хижину на морскомъ побережьи въ Тамани. дымную морскую синеву, въ которой чуть бѣлѣеть вдали парусъ, молодую ярко-зеленую чинару у какого-то уже совсѣмъ сказочнаго Чернаго моря... Какая жизнь, какая судьба! Всего двадцать семь лѣтъ, но какихъ безконечно-богатыхъ и прекрасныхъ, вплоть до самаго послѣдняго дня, до того темнаго вечера на глухой дорогѣ у подошвы Машука, когда, какъ изъ пушки, грянулъ изъ огромнаго стариннаго пистолета выстрѣлъ какого-то Мартынова и «Лермонтовъ упалъ, какъ будто подкошенный»... Я подумалъ все это съ такой острой чувствъ и воображенія и у меня вдругъ занялось сердце такимъ восторгомъ и завистью, что я даже вслухъ сказалъ себѣ, что довольно наконецъ съ меня Батурина, что пора мнѣ что-то твердо рѣшить.

IX.

Я думалъ все о томъ-же и на другой день, возвратившись домой.

Ночью я сидѣлъ въ своей комнатѣ и, думая, читалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, — перечитывалъ «Войну и миръ». Погода за день круто измѣнилась. Ночь была холодная и бурная. Было уже поздно, весь домъ былъ тихъ и темень. У меня топилась печка, пылала и гудѣла тѣмъ жарче, чѣмъ злѣй и сумрачнѣй налеталъ на садъ, на домъ и потрясалъ окна вѣтеръ. Я сидѣлъ, читалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ о себѣ, съ грустнымъ наслажденіемъ чувствуя этотъ поздній часъ, ночь, печку и бурю. Потомъ всталъ, одѣлся, вышелъ черезъ гостиную наружу и сталъ взадъ и впередъ ходить по полянѣ передъ домомъ, по ея уже скудной и мерзлой травѣ. Кругомъ чернѣлъ шумный садъ, надъ поляной стоялъ блѣдный свѣтъ. Ночь была лунная, но какая-то мучительная, оссіановская. Вѣтеръ, ледяной, сѣверный, свирѣпствовалъ, верхушки старыхъ деревьевъ мрачно и слитно ревели, кусты шумѣли остро, сухо и какъ будто бѣжали впередъ; по небу, замазанному чѣмъ-то блесымъ, по небольшому лунному пятну въ огромномъ радужномъ кольцѣ, быстро неслись съ сѣвера, гдѣ было особенно зловѣще и угрюмо, темныя и странныя, какія-то не наши, а какъ будто морскія облака, вродѣ тѣхъ, что изображали старинные живописцы ночныхъ кораблекрушеній. И я, то на вѣтеръ, одолевая его ледяную свѣжесть, то гонимый имъ въ спину, сталъ ходить и опять думать — съ той беспорядочностью и наивностью, съ которой всегда (и особенно въ молодости) думаются думы наиболѣе сокровенныя. Я думалъ приблизительно такъ:

— Нѣтъ, лучше этого я еще никогда ничего не читалъ! Впрочемъ, а «Казакѣ», Ерошка, Марьянка? Или пушкинское «Путешествіе въ Арзерумъ»? Да, какъ они были всѣ счастливы, — Пушкинъ, Толстой, Лермонтовъ!

— Вчера, говорятъ, мимо насъ прошла по большой дорогѣ въ отѣзжее поле чья-то охота вмѣстѣ съ охотой молодыхъ Толстыхъ. Какъ это удивительно — я современникъ и даже сосѣдь съ *нимъ*! Вѣдь это все равно, какъ если бы жить въ одно время и рядомъ съ Пушкинымъ. Вѣдь это все *его* — и эти Ростовы, и Пьеръ, и Аустерлицкое поле, и умирающій князь Андрей: «Ничего нѣтъ въ жизни, кромѣ ничтожества всего понятнаго мнѣ, и величія чего-то непонятнаго, но важнѣйшаго...» Пьеру кто-то во снѣ говорилъ: «Жизнь есть любовь... Любить жизнь — любить Бога...» Это кто-то и мнѣ всегда говорить, и какъ люблю я все, даже вотъ эту дикую ночь! Но за что я такъ несчастенъ? Я хочу видѣть и любить весь міръ, всю землю, всѣхъ Наташъ и Марьянокъ, я во что бы то ни стало долженъ отсюда вырваться!

Въ кольцо вокругъ млечно-туманной луны было точно какое-то зловѣщее небесное знаменіе. Бѣдный, слегка склоненный на бокъ, ликъ ея все больше грустилъ и туманился на бѣлосой мути неба, въ вышинѣ неслись и мѣшались, порой могильно закрывая этотъ ликъ, дымныя, свинцовыя, а то и совсѣмъ темныя облака, съ сѣвера, изъ за ревушаго сада, поднималась черная туча и пахло по вѣтру снѣгомъ. А я ходилъ и думалъ:

— Да, больше нельзя такъ жить. Я не могъ бы, если бы даже имѣлъ десять незаложенныхъ Батуриныхъ. Вотъ они, эти молодые Толстые, вѣрно, счастливы, бражничая теперь гдѣ-нибудь на ночлегѣ, въ какой-нибудь лѣсной избѣ. А какъ-бы чуждъ оказался я имъ, попади я въ ихъ среду! Какъ это ужасно, что даже самъ Толстой въ молодости мечталъ больше всего о женитьбѣ, о семьѣ, о хозяйствѣ! А вотъ теперь все твердятъ о «работѣ на пользу

народа», о «возмѣщеніи своего долга передъ народомъ...» Но никакого долга передъ народомъ я никогда не чувствовалъ и не чувствую. Ни жертвовать собой за народъ, ни «служить» ему, ни играть, какъ говорить отецъ, въ партіи и вопросы на земскихъ собраніяхъ я не могу и не хочу... Нѣтъ, надо наконецъ на что-нибудь рѣшиться!

Я еще долго ходилъ и думалъ, тщетно искалъ, на что именно долженъ рѣшиться я, и вернулся въ домъ, совсѣмъ запутавшись въ беспорядочномъ и бесплодномъ думаньи. Печка потухла, лампа выгорѣла, пахла керосиномъ и свѣтила уже такъ слабо, что въ комнатѣ виденъ былъ невѣрный свѣтъ этой блѣдной и тревожной ночи. Я посидѣлъ возлѣ письменнаго стола, потомъ взялъ перо — и неожиданно сталъ писать брату Георгію, что ѣду на дняхъ искать какого-нибудь мѣста въ орловскомъ «Голосѣ»...

Х.

Это письмо и рѣшило мою судьбу.

Выѣхалъ я, конечно, не «на дняхъ», — нужно было сперва собрать хоть какія нибудь деньги въ дорогу, — но все равно: наконецъ выѣхалъ.

Помню мой послѣдній завтракъ дома. Помню, что лишь только былъ онъ конченъ, какъ послышался глухой шорохъ бубенчиковъ подъ окнами, и выросла за ними, совсѣмъ съ ними рядомъ, пара деревенскихъ, зимнихъ, лохматыхъ лошадей, — лохматыхъ и отъ снѣга, который непроглядно валилъ въ тотъ день густыми молочными хлопьями... Какъ, Боже мой, старо все это, всѣ подобные отъѣзды, а какъ мучительно-ново было для меня! Мнѣ показалось, что даже и снѣгъ валилъ въ тотъ день какой-то совсѣмъ особенный — такъ поразилъ онъ меня своей бѣлизной и свѣжестью въ ту минуту, когда, отягченный поверхъ лисьей поддевки еще и отцовской еноты-

вой шубой и сопровождаемый всѣмъ домою, я вышелъ садиться.

А потомъ былъ точно сонъ—долгая, безмолвная дорога, мѣрное покачиванье саней въ этомъ безконечно-бѣломъ царствѣ снѣжныхъ хлопьевъ, гдѣ не было ни земли, ни неба, а только какая-то неустанно текущая внизъ бѣлизна, да очаровательные зимніе дорожные запахи: лошадиной вони, мокраго енотового воротника, сѣрника и махорки при закуриваньи... А потомъ мелькнулъ въ этой бѣлизнѣ первый телеграфный столбъ, показались занесенные снѣгомъ, торчащіе изъ придорожныхъ сугробовъ, щиты, то есть, уже начало какой-то иной, не степной жизни, то, для русскаго человѣка всегда особое, волнующее, что называется желѣзной дорогой...

Когда пришелъ поѣздъ, я, простившись съ работникомъ, отдавъ ему шубу и наказавъ доправить въ Батурино тысячу поклоновъ, вошелъ въ людный третьеклассный вагонъ съ такимъ чувствомъ, точно отправлялся въ путь, которому и конца не предвидѣлось. Я даже долго дивился тому равнодушію, съ которымъ одни изъ пассажировъ пили чай и закусывали, другіе спали, третьи, отъ нечего дѣлать, все подбрасывали дрова въ желѣзную печку, и безъ того уже до-красна раскаленную, на весь вагонъ дышавшую пламенемъ. Я сидѣлъ и наслаждался даже этимъ сухимъ металлическимъ жаромъ, его березовымъ и чугуннымъ запахомъ, а за окнами все валилъ и валилъ сизобѣлый снѣгъ, и все время какъ будто близились сумерки...

XI.

Дальнѣйшее есть нѣчто очень странное: предчувствія мои были правильны — впереди ожидалъ меня и впрямь немалый, небудничный путь, цѣлые годы скитаній, бездомности, существованія безразсуднаго и беспорядочна-

го, то бесконечно счастливаго, то глубоко несчастнаго, словомъ, всего того, что, очевидно, и подобало мнѣ и что, быть можетъ, только съ виду было такъ бесплодно и безсмысленно.

ХІІ.

Въ тотъ зимній снѣжный день навсегда кончилось мое дѣтство, отрочество, ранняя молодость, — все, чѣмъ я жилъ съ самага рожденія, что было лишь какъ бы долгимъ приготовленіемъ къ чему-то главному, что, собственно, и называется жизнью, житейскимъ поприщемъ, и въ тотъ же день и началось это поприще — очень, повторяю, странное.

Тѣ смутныя думы, съ которыми я тогда выѣхалъ, были полны необыкновенной грусти и нѣжности ко всему тому, съ чѣмъ я только что разстался, что покинулъ все-таки такъ безжалостно на тишину и одиночество въ Батуринѣ; я чувствовалъ тамъ даже свое собственное отсутствіе, видѣлъ свою опустѣвшую комнату, какъ бы хранившую въ своемъ почти набожномъ молчаніи нѣчто уже навѣки завершенное — меня прежняго. Но была въ этой грусти, конечно, и большая тайная радость, счастье наконецъ-то хоть какъ-нибудь осуществившейся мечты, какой-то свободы и воли, дѣятельности, движенія (къ чему-то тѣмъ болѣе заманчивому, что совсѣмъ еще неопредѣленно было оно). И, конечно, все росли эти чувства съ каждой новой станціей, такъ что все слабѣли первыя, пока не отступило наконецъ куда-то вдаль (во что-то милое, но уже почти чуждое) все прошлое, покинутое, и не осталось одно настоящее, которое понемногу дѣлалось все интереснѣй и явственнѣй: вотъ я уже нѣсколько освоился со множествомъ этихъ чужихъ, грубыхъ жизней и лицъ вокругъ себя, нѣсколько разобрался въ нихъ, и вмѣстѣ съ чувства-

ми своими, личными, сталъ жить и чувствами къ нимъ, сталъ дѣлать о нихъ всякія предположенія, различать отъ махорки табакъ Асмолова, узелъ на колѣняхъ бабы отъ расписанной подъ дубъ укладки, стоящей противъ меня подъ локтемъ новобранца; вотъ я уже замѣтилъ, что вагонъ довольно новъ и чистъ, что онъ желтый и рубчатый отъ планокъ, составляющихъ его нагрѣтыя чугунокъ стѣны, и очень душень отъ этихъ разныхъ табачныхъ дымовъ, въ общемъ очень ѣдкихъ, хотя и дающихъ приятное чувство дружной человѣческой жизни, какъ-то оградившей себя отъ снѣговъ за окнами, гдѣ встаетъ и никнетъ, плыветъ и не кончается телеграфная проволока; а вотъ мнѣ уже хочется наружу, на снѣгъ и вѣтеръ, и я, качаясь, иду къ двери... Полевой снѣжный холодъ дуетъ въ сѣнцы вагона, кругомъ бѣлизна какихъ-то теперь уже совсѣмъ неизвѣстныхъ полей. Снѣгъ наконецъ рѣдѣетъ, стало свѣтлѣй и еще бѣлѣй, а поѣздъ межъ тѣмъ куда-то подходитъ и на нѣсколько минутъ останавливается: какой-то глухой полустанокъ, тишина, — только горячо сипитъ паровозъ впереди, — и во всемъ непонятная прелесть: и въ этомъ временномъ оцѣпенѣнны и молчаньи, и въ паровозной сипящей выжидательности, и даже какъ будто въ томъ, что вокзала не видно за красной стѣной товарныхъ вагоновъ, стоящихъ на первомъ пути, на обтаявшихъ рельсахъ, среди которыхъ спокойно, по домашнему ходитъ и поклевываетъ курица, осужденная мирно провести весь свой куриный вѣкъ почему-то именно на этомъ полустанкѣ и совсѣмъ неинтересующаяся тѣмъ, куда и зачѣмъ ѣдешь ты со всѣми своими мечтами и чувствами, вѣчная и высокая радость которыхъ связывается съ вещами внѣшне столь ничтожными и обыденными...

Когда потомъ стало близиться къ вечеру, все перешло лишь въ одно — въ ожиданіе первой большой станціи. И задолго до нея я опять зябъ въ сѣнцахъ, пока не увидалъ

наконецъ впереди, въ непривѣтливыхъ сумеркахъ, многихъ разноцвѣтныхъ огней, во всѣ стороны расходящихся рельсъ, постовъ, стрѣлокъ, запасныхъ паровозовъ, а затѣмъ и вокзала съ черной отъ толпы платформой, внутри ярко освѣщеннаго лампами... Легко представить себѣ, съ какой желѣзнодорожной поспѣшностью кинулся я въ пахучій и свѣтлый буфетъ со многими прочими, — со всѣмъ, какъ равный имъ, — и сталъ обжигаться какими-то вкуснѣйшими въ мірѣ щами!

Послѣдствія всего этого были довольно неожиданныя, — по крайней мѣрѣ какъ будто-бы: съ большимъ удовлетвореніемъ сидя послѣ обѣда съ папиросой возлѣ черныхъ оконныхъ стеколъ вновь гремящаго вагона, въ дымномъ полусвѣтѣ толстой казенной свѣчи, горѣвшей въ углу въ фонарѣ, думалъ я о томъ, что вотъ, какъ это ни странно, скоро и цѣль моего путешествія, тотъ самый Орель, котораго я еще почти никакъ не представляю себѣ, но который уже однимъ тѣмъ удивителенъ, что тамъ, вдоль вокзала — великій пролетъ сверху внизъ по всей картѣ Россіи: на сѣверъ — въ Москву и выше, на югъ — въ Курскъ и въ Харьковъ, а главное—въ тотъ самый Севастополь, гдѣ какъ будто навѣки осталась молодая отцовская жизнь... И я вдругъ сказалъ себѣ: да ужели и правда, что я ѣду въ какой-то «Голосъ», на какую-то службу? Тамъ, конечно, тоже было нѣчто такое, что влекло ужасно, — какая-то редація, какая-то типографія. Но Курскъ, Харьковъ, Севастополь...! «Нѣтъ, все это вздоръ! — вдругъ сказалъ я себѣ. — Въ Орель я лишь заѣду, познакомлюсь, узнаю, что мнѣ предложить, скажу, что мнѣ надо подумать, повидаться съ братомъ... Заѣду — и поѣду въ Харьковъ, благо денегъ мнѣ дали достаточно...»

Но оказалось, что даже и заѣзжать не слѣдуетъ. Вышло еще лучше, чѣмъ я предполагалъ: какъ нарочно попалъ я въ Орель съ опозданіемъ, какъ разъ къ приходу сверху поѣзда на Харьковъ. И поѣздъ, какъ нарочно, былъ

чудесный, никогда еще невиданный мной — скорый, съ американскимъ страшнымъ паровозомъ, весь изъ тяжелыхъ и большихъ вагоновъ лишь перваго и втораго класса, съ шерстяными занавѣсками на окнахъ, съ полутемнымъ свѣтомъ изъ-подъ синяго шелка, со всѣмъ тѣмъ тепломъ и уютомъ богатаго міра, провести ночь въ которомъ (да еще въ пути къ югу) мнѣ показалось уже со всѣмъ неотразимымъ счастьемъ...

ХІІІ.

Въ Харьковѣ я сразу попалъ въ совершенно новый для меня міръ.

Въ числѣ моихъ особенностей всегда была повышенная воспріимчивость къ свѣту и воздуху, къ малѣйшему ихъ различію. И вотъ первое, что поразило меня въ Харьковѣ: мягкость воздуха и то, что свѣта въ немъ было какъ будто немного больше, чѣмъ у насъ. Я вышелъ изъ вокзала, сѣлъ въ извозчичы сани, — извозчики, оказалось, ѣздили тутъ парой, съ глухарями-бубенчиками, и разговаривали другъ съ другомъ на вы, — оглянулся вокругъ и сразу почувствовалъ во всемъ что-то не совсѣмъ наше, болѣе мягкое и свѣтлое, даже какъ будто весеннее. И здѣсь было снѣжно и бѣло, но бѣлизна была какая-то иная, пріятно слѣпящая. Солнца не было, но свѣта было много, больше во всякомъ случаѣ, чѣмъ полагалось для декабря, и его теплое присутствіе за облаками обѣщало что-то очень хорошее. И все было мягче въ этомъ свѣтѣ и воздухѣ: запахъ каменнаго угля изъ-за вокзала, лица и говоръ извозчиковъ, громыханье на парныхъ лошадяхъ бубенчиковъ, ласковое зазыванье бабъ, продававшихъ на площади передъ вокзаломъ бублики и сѣмячки, сѣрый хлѣбъ и сало. А за площадью стоялъ рядъ высочайшихъ тополей, голыхъ, но тоже необыкновенно южныхъ, малорусскихъ. А въ городѣ на улицахъ таяло...

Однако, все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало меня въ тотъ день далѣе: такого количества новыхъ чувствъ я еще никогда не испытывалъ, столько знакомствъ за всю свою жизнь не дѣлалъ. Бываетъ такъ, что въ первый же день по пріѣздѣ куда-нибудь попадаешь на рѣдкое обиліе впечатлѣній и встрѣчъ. Такъ было и со мной въ тотъ день.

Въ братѣ, который встрѣтилъ меня съ радостнымъ изумленіемъ, оказалось тоже что-то новое, — онъ тутъ, въ Харьковѣ, былъ какъ будто какой-то другой, чѣмъ въ Батуриинѣ, моложе, милѣй, хотя какъ будто и менѣе близокъ мнѣ, несмотря на всю радость, съ которой мы встрѣтились. А какъ странна была, кромѣ того, его харьковская жизнь! Пусть и впрямь былъ онъ «вѣчный студентъ», по выраженью отца, но вѣдь все-таки былъ онъ Арсеньевъ. А гдѣ же нашелъ я его? Въ какой-то узкой улочкѣ, идущей подъ гору, въ каменномъ и грязномъ дворѣ, густо пахнущемъ каменнымъ углемъ и еврейскими кухнями, въ тѣсной квартиркѣ какого-то многосемейнаго портного Блюмкина... Правда, даже и это было страшно хорошо своей новизной, но все же я былъ пораженъ.

— Ну, какъ отлично, что ты попалъ въ воскресенье и засталъ меня! — сказалъ братъ, расцѣловавшись со мной. — Хотя, собственно, зачѣмъ ты пріѣхалъ? — тотчасъ же прибавилъ онъ, стараясь говорить въ томъ вѣчно насмѣшливомъ тонѣ, который былъ такъ принятъ въ нашей семьѣ, а глазами смѣясь.

И я, тоже невольно смѣясь — и отъ удовольствія встрѣчи и отъ какой-то пріятной неловкости, — отвѣтилъ, что и самъ не знаю, зачѣмъ... затѣмъ, конечно, чтобы посовѣтоваться наконецъ серьезно, какъ же мнѣ въ самомъ дѣлѣ быть съ собой? Но братъ уже не слушалъ, — «обдуманно какъ нибудь!» увѣренно сказалъ онъ, — и тотчасъ же сталъ торопить меня умыться, пріодѣться и ит-

ти обѣдать съ нимъ въ кухмистерскую какого-то «пана» Лисовскаго, гдѣ всегда обѣдали многіе изъ его сослуживцевъ по земской статистикѣ. И вотъ мы вышли и пошли изъ улицы въ улицу, продолжая что попало говорить съ обычной въ такихъ случаяхъ беспорядочностью, межъ тѣмъ какъ у меня, — одѣтаго уже горожаниномъ и очень это чувствующаго, — глаза разбѣгались на эти улицы, казавшіяся мнѣ совершенно великолѣпными, и на то, что окружало меня: послѣ полудня стало совсѣмъ солнечно, всюду блестѣло, таяло, тополя на Сумской улицѣ возносились верхушками къ пухлымъ бѣлымъ облакамъ, плывшимъ по влажно-голубому, точно слегка дымящемуся небу...

А у пана Лисовскаго оказался необыкновенно интересный низокъ, стойка съ превосходными и удивительно дешевыми закусками, — особенно хороши были, какъ огонь, горячіе и страшно перченые блинчатые пирожки по двѣ копейки штука, — и множество обѣдающихъ чиновниковъ, весьма удивившихъ меня своей простонародностью, столь свойственной Малороссіи. Когда же мы сѣли за большой отдѣльный столъ, стали подходить и присоединяться къ намъ люди уже и совсѣмъ для меня странные, на которыхъ я смотрѣлъ тѣмъ болѣе жадно, что все это были какъ разъ тѣ самые (какъ будто совсѣмъ особые отъ всѣхъ прочихъ) люди, о которыхъ я столько наслушался отъ брата еще въ Батуригѣ. Со всѣми съ ними братъ знакомилъ меня почему-то съ радостной поспѣшностью и даже какъ будто съ гордостью:

— Представьте, только что пріѣхаль! — говорилъ онъ, чему-то смѣясь.

И скорѣ у меня уже голова кругомъ шла: и отъ этого совершенно для меня непривычнаго и столь замѣчательнаго общества, и отъ этого люднаго низка, въ полуподвальные окна котораго по весеннему весело блестѣлъ

сверху солнечный свѣтъ и видны были всяческія ноги идущихъ взадъ и впередъ по улицѣ, и отъ краснаго горячаго борща, и отъ того, что весьма оживленный разговоръ за нашимъ столомъ шелъ все о чемъ-то совсѣмъ неизвѣстномъ, а межъ тѣмъ казавшемся чрезвычайно интереснымъ мнѣ: о знаменитомъ статистикѣ Анненскомъ, имя котораго произносилось съ неизмѣннымъ восхищеніемъ, о какомъ-то волжскомъ губернаторѣ, который будто бы поролъ голодающихъ мужиковъ, чтобы они не распространяли слуховъ о своемъ голодѣ, о предстоящемъ въ Москвѣ Пироговскомъ съѣздѣ, который, какъ всегда, долженъ быть цѣлымъ событіемъ, и о томъ, какъ «реагировать» на вчерашнюю выходку — «вѣрнѣе, доносъ» — председателя губернскаго земскаго собранія, сказавшаго, что «харьковское земское статистическое бюро уже давно прославилось на всю Россію своей крамольностью...» Легко представляю себѣ, до чего рѣзко выдѣлялся я за этимъ обѣдомъ своей юностью, свѣжестью, деревенскимъ загаромъ, здоровьемъ, простосердечностью, горячей и напряженной внимательностью слуха и зрѣнія, видъ имѣвшей, вѣроятно, даже глупости и отупѣнія! Очень выдѣлялся и братъ. И онъ былъ изъ какого-то совсѣмъ другого міра, чѣмъ всѣ прочіе, несмотря на всю близость къ нимъ; и онъ казался моложе и какъ будто наивнѣй всѣхъ, имѣлъ какой-то болѣе тонкій видъ и даже иной языкъ.

Многіе изъ всего этого общества были, какъ я понималъ **в**послѣдствіи, очень типичны и по внѣшности и по всему прочему. Нѣкоторыхъ я втайнѣ уже не одобрилъ кое въ чемъ: одинъ, очень длинный и узкогрудый, былъ слишкомъ близорукъ и все сутулился, все держалъ руку въ карманѣ штановъ и все мелко трясъ ногой, на которой лежала другая, чудодѣйственно заплетенная за нее винтомъ нога; другой, желтоволосый, прозрачно-желтый и худой лицомъ, говорилъ, какъ мнѣ казалось, черезчуръ много,

горячо и вдохновенно и, не глядя на папиросу, все сбивалъ съ нея пепель вытянутымъ костлявымъ указательнымъ пальцемъ той же руки, въ которой держалъ ее; а слѣдующій все чему-то ѣдко ухмылялся, дѣлая то, что мнѣ было особенно непріятно: все катавъ по скатерти двумя пальцами катышку бѣлаго хлѣба, уже давно ставшую грязной... Но зато нѣкоторые другіе были чрезвычайно милы: полякъ Ганскій съ глубокими и скорбными глазами и запекшимися губами, курившій неустанно, глубоко затягиваясь и поминутно поджигая и безъ того горящую папиросу дрожащей рукой; огромный ростомъ и живописно-кудлатый Краснопольскій, недавно уволенный съ пятого курса медикъ, въ очкахъ, но похожій на Іоанна Крестителя; бородатый Леонтовичъ, который былъ старше и, какъ статистикъ, извѣстнѣй всѣхъ и сразу очаровалъ меня своей порядочностью, ласковымъ спокойствіемъ, доброжелательной разсудительностью и, главное, необыкновенно пріятнымъ, чисто малорусскимъ звукомъ грудного голоса; затѣмъ нѣкто Падалка, маленькій, остроносенькій и тоже въ очкахъ, до нельзя разсѣянный, неистово пылкій, все на что-то страстно негодовавшій и вмѣстѣ съ тѣмъ такой дѣтски чистый, искренній, что я тотчасъ же полюбилъ его еще болѣе, чѣмъ Леонтовича. Ужасно понравился мнѣ еще статистикъ Вагинъ, — статистикъ, какъ я узналъ потомъ, такой заядлый, что для него, казалось, во всемъ мірѣ не существовало ничего, кромѣ статистики, — крѣпкій, рослый, бѣлозубый, по мужицки красивый и веселый, — онъ и былъ изъ мужиковъ, — хохотавшій раскатисто и заразительно, говорившій крупно, окая... И ужасную непріязнь возбуждали два человѣка: бывший рабочій Быковъ, коренастый парень въ блузѣ, въ кудрявой головѣ котораго, въ толстой шеѣ и выкаченныхъ глазахъ было и впрямь что-то бычье, и еще одинъ, по фамиліи Мельникъ: весь какой-то дохлый, чахлый, песочно-рыжій, золотушный,

подслѣпый и гнусавый, но необыкновенно рѣзкій и само-
надѣянный въ сужденіяхъ, — много лѣтъ спустя оказав-
шійся, къ моему крайнему изумленію, большимъ лицомъ,
какимъ-то «хлѣбнымъ диктаторомъ»...

XIV.

Въ средѣ подобныхъ людей я и провелъ мою первую
харьковскую зиму (да и многіе годы впослѣдствіи).

Извѣстно, что это была за среда, какъ слагалась, жила
и вѣровала она.

Замѣчательнѣй всего то, что члены ея, пройдя еще на
школьной скамьѣ все то особое, что полагалось имъ для
начала, то есть какой-нибудь кружокъ, затѣмъ участіе во
всякихъ студенческихъ «движеніяхъ» и въ той или иной
«работѣ», затѣмъ высылку, тюрьму или ссылку и такъ или
иначе продолжая эту «работу» и потомъ, жили, въ об-
щемъ, очень обособленно отъ прочихъ русскихъ людей,
даже какъ бы и за людей не считая всякихъ практическихъ
дѣятелей, купцовъ, земледѣльцевъ, врачей и педагоговъ
(чуждыхъ политикѣ), чиновниковъ, духовныхъ, военныхъ
и особенно полицейскихъ и жандармовъ, малѣйшее обще-
ніе съ которыми считалось не только позорнымъ, но да-
же преступнымъ, и имѣли все свое, особое и непоколе-
бимое: свои дѣла, свои интересы, свои событія, своихъ
знаменитостей, свою нравственность, свои любовные, се-
мейные и дружескіе обычаи и свое собственное отношеніе
къ Россіи: отрицаніе ея прошлаго и настоящаго и мечту
о ея будущемъ, вѣру въ это будущее, за которое и нужно
было «бороться». Въ этой средѣ были, конечно, люди
весьма разные не только по степени революціонности,
«любови» къ народу и ненависти къ его «врагамъ», но и
по всему внѣшнему и внутреннему облику. Однако, въ об-
щемъ, всѣ были достаточно узки, прямолинейны, нетер-

пимы, исповѣдывали нѣчто достаточно несложное: люди это только мы да всякіе «униженные и оскорбленные»; все злое — направо, все доброе — налево; все свѣтлое — въ народѣ, въ его «устояхъ и чаяніяхъ»; всѣ бѣды — въ образѣ правленія и дурныхъ правителейъ (которые почитались какъ будто даже за какое-то особое племя); все спасеніе — въ переворотѣ, въ конституціи или республикѣ...

И вотъ къ этой-то средѣ и присоединился я въ Харьковѣ, гдѣ оказался достаточно вѣрный и полный образецъ ея.

Попавъ въ Харьковъ, я присоединился къ ней тотчасъ же и даже не внѣшне только, хотя ужъ какъ не подобала она мнѣ!

Къ чему другому могъ присоединиться я? Я былъ полонъ жаднаго любопытства ко всему и ко всѣмъ. Въ Харьковѣ окружала меня уже большая и разнообразная жизнь. И я на все смотрѣлъ во всѣ глаза, втайнѣ хотѣлъ попасть во всѣ круги ея. Но какъ я могъ проникнуть въ нихъ? Никакой посредствующей связи у меня съ ними не было, да я и не искалъ ея: надъ желаніемъ проникнуть въ нихъ уже преобладало чувство и сознаніе, что, если и есть многое, что совсѣмъ не по мнѣ въ моемъ новомъ кругу, то очень и очень многое будетъ въ другихъ кругахъ не по мнѣ еще болѣе, ибо что общаго было у меня, напри- мѣръ, съ купцами, съ чиновниками? Да многое въ этомъ кругу было просто пріятно мнѣ. Знакомства мои въ немъ быстро расширились, и мнѣ нравилась легкость, съ которой можно было дѣлать это въ немъ. Нравилась студенческая скромность его существованія, простота обычаевъ, обращенія другъ съ другомъ. Очень нравились нѣкоторыя отдѣльныя лица — особенно по внѣшности, которой для меня всегда опредѣлялось все прочее. Кромѣ того, и жилось въ этомъ кругу довольно весело. Утромъ — сборище на службѣ, гдѣ не мало чаепитія, куренья и споровъ; затѣмъ оживленная трапеза, такъ какъ обѣдали по-

чти всѣ компаніями, по кухмистерскимъ; вечеромъ — новое сборище: на какомъ-нибудь засѣданіи, на какой-нибудь вечеринкѣ или на дому у кого-нибудь... Мы въ ту зиму чаще всего бывали у Ганскаго, человѣка довольно состоятельнаго, затѣмъ у Шкляревичъ, богатой и красивой вдовы, гдѣ нерѣдко бывали знаменитые малорусскіе актеры, пѣвшіе пѣсни о «вільномъ казацствѣ» и даже свою марсельезу — «До зброи, громада!» — или же въ гостепріимномъ домѣ одного крупнаго желѣзнодорожника, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпнаго, упитаннаго сорокалѣтняго красавца восточнаго типа, плотояднаго, талантливаго, ѣдко и какъ-то пренебрежительно остроумнаго, все и вся презиравшаго, не вѣрившаго ни во что рѣшительно, кромѣ того, что совершенно необходимо съ лица земли стереть всѣ сущіе въ Россіи порядки и обычаи, и угощавшаго насъ шамбертенемъ и сигарами...

А не по мнѣ было въ этомъ кругу тоже многое. По мѣрѣ того какъ я привыкалъ и присматривался къ нему, я все чаще и чаще возмущался въ немъ то тѣмъ, то другимъ и даже порой не скрывалъ своего возмущенія, пускался въ горячій и, конечно, напрасный споръ то по одному, то по другому поводу, благо большинство полюбило меня и прощало мнѣ мои возмущенія. Я чувствовалъ, что все больше проникаюсь огульнымъ предубѣжденіемъ противъ всѣхъ другихъ круговъ, а что нахожу въ* своемъ? Дѣвочкамъ и мальчикамъ даютъ тутъ читать политическую экономію, сами читаютъ только Короленко, Златовратскаго, а напимѣръ, Чехова презираютъ за политическое безразличіе, Толстого всячески поносятъ за «постыднѣйшую и вреднѣйшую проповѣдь недѣланія», за то, что онъ «носится съ Богомъ, какъ съ писаной торбой» и, поигравъ въ пахаря или сапожника, садится за «роскошный» столъ, въ то время какъ тотъ же яснополянскій мужикъ, въ любви къ которому онъ такъ распинается, «пухнетъ

съ голоду»; о художественной литературѣ говорятъ вообще такъ, что въ меня, вопреки всѣмъ моимъ возмущеніямъ, все таки съ каждымъ днемъ все больше и больше внѣдряется тайный страхъ, что, можетъ быть, и впрямь вотъ этого никакъ нельзя писать, а вотъ это никому не нужно, а вотъ это (о бѣдномъ Макарьѣ или о жизни ссыльныхъ) единственно необходимо; всегда готовы на все за благо Россіи, а всѣ русскія сословія, кромѣ самаго темнаго и нищаго, взяли подъ самое строгое подозрѣніе; времена «Отечественныхъ Записокъ» считаютъ золотымъ вѣкомъ, а ихъ закрытіе однимъ изъ самыхъ большихъ и страшныхъ событій всей русской жизни, свое же время называютъ безвременьемъ — «бывали хуже времена, но не было подлѣй» — и увѣряютъ, будто бы вся Россія отъ этого безвременья «задыхается»; клеймятъ «ренегатомъ» всякаго, кто хоть мало мальски усумнился въ чемъ-нибудь ими узаконенномъ и поминутно издѣваются надъ чьей-нибудь «умѣренностью и аккуратностью»; пресерьезно восхищаются тѣмъ, на примѣръ, что жена Вагина организуетъ какія-то воскресныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и сама готовитъ одно такое чтеніе — «объ огнедышащихъ горахъ»; на вечеринкахъ поютъ даже бородатые: «Вихри враждебные вѣютъ надъ нами» — а я чувствую такую ложь этихъ «вихрей», такую искренность выдуманныхъ на всю жизнь чувствъ и мыслей и такую неподобающую возрастамъ чувствительность, что не знаю, куда глаза дѣвать, и меня спрашиваютъ:

— А вы, Алеша, опять кривите свои поэтическія губы? Чему собственно?

Это спрашиваетъ жена Богданова, того самаго статистика, который такъ непостижимо для меня умѣетъ винтомъ заплетать нога за ногу. У Богдановыхъ большой вечеръ, въ маленькой квартирѣ ихъ многолюдство и табачный дымъ, со стола не сходитъ самоваръ, углы полны опустѣвшими пивными бутылками: собрались въ честь тай-

но прїѣхавшаго въ Харьковъ стараго, знаменитаго «борца», прославившагося своей огромной и жестокой дѣятельностью, безъ счета сидѣвшаго по крѣпостямъ, нѣсколько разъ попадавшаго за полярный кругъ и отовсюду убѣгавшаго, человѣка съ виду совсѣмъ пещернаго, густобородаго и неуклюжаго, съ волосами въ ноздряхъ и ушахъ, маленькіе глазки котораго глядятъ, однако, чрезвычайно умно и пронизательно, а рѣчь льется съ удивительной плавностью, точно по писаному. Самъ Богдановъ всячески незначителенъ, но жена его давно и заслуженно пользуется извѣстностью: кого только не знала она на своемъ вѣку, въ какихъ только предпрїятіяхъ не участвовала! Она была когда-то хорошенькая, имѣла множество поклонниковъ, до сихъ поръ весела и бойка, на языкъ остра и находчива, отбрить можетъ всякаго съ рѣдкой логикой, тонка и моложава, на вечеринки принаряжается, — портитъ ее только пенснэ, зацепившее кожу на ея переносицѣ. Она меня любитъ, но пробираетъ на каждомъ шагу. Теперь я «губы кривлю» потому, что, вдоволь наслушавшись знаменитости, вдоволь наговорившись и порядочно выпивъ, уже поютъ въ одномъ углу: «Мы пошлемъ всѣмъ злодѣямъ проклятье, на борьбу всѣхъ борцовъ позовемъ!» — Мнѣ тяжело, неловко, и хозяйка, сидящая возлѣ меня на диванѣ съ тонкой папироской въ рукѣ, замѣчаетъ это и немного раздражается. Я не знаю, что ей отвѣтить, не умѣю себя выразить, и она, не дожидаясь моего отвѣта, звонко затягиваетъ: «Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови...» Мнѣ это кажется просто ужасно — да кто это ужъ такъ ликуетъ, думаю я, кто болтаетъ и обагряетъ! А потомъ идетъ нѣчто еще болѣе для меня ненавистное своимъ студенческимъ молодечествомъ: «Изъ страны, страны далекой, съ Волги матушки широкой, ради славнаго труда, ради вольности веселой, собралися мы сюда...» Я даже отворачиваюсь отъ этой Волги-матушки и славнаго труда и вижу,

какъ Браиловская, прелестная дѣвочка, молчаливая и страстная, съ пылкими и пытливыми архангельскими глазами, глядѣть на меня изъ угла съ какой-то вызывающей прямою ненависти...

Я не былъ правѣ ихъ въ общемъ, то есть въ своей легкомысленной революціонности, въ искренней жаждѣ добраго, человѣчнаго, справедливаго, но я просто не могъ слушать, когда мнѣ даже шутя (а все таки, разумѣется, наставительно) напоминали: «Поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ!» — когда въ меня внѣдряли эту обязательность, когда мнѣ, хотя бы косвенно, иносказательно, проповѣдывали, что весь смыслъ жизни заключается «въ работѣ на пользу общества», то есть мужика или рабочаго. Я изъ себя выходилъ: какъ, я долженъ принести себя въ жертву какому-нибудь вѣчно пьяному слесарю или безлошадному Климу, да и Климу-то не живому, а собирательному, котораго они, въ сущности, и знать не желаютъ, котораго въ жизни замѣчаютъ такъ же мало, какъ любого ѣдущаго по улицѣ извозчика, въ то время какъ я дѣйствительно любилъ и люблю нѣкоторыхъ своихъ батуринскихъ Климовъ всѣмъ сердцемъ и послѣднюю копейку готовъ отдать какому-нибудь бродячему пыльщику, робко и неловко бредущему по городу съ мѣшкомъ и пилой за плечами и застѣнчиво говорящему мнѣ, нищему молодому человѣку, наивную и трогательную глупость: «Работки у васъ, барчукъ, не найдется какой?» — да не только копейку отдать, а кого-то за горло схватить за него! Я постигнуть не могъ, какъ это можно говорить, будто бы даже и умереть можно спокойно, «честно поработавъ на пользу общества»: это перевертывало всю мою душу своей дерзостью по отношенію къ ней. Я уже истинно страдалъ при этихъ вѣчныхъ цитатахъ изъ Щедрина объ Іудушкахъ, о городѣ Глуповѣ и градоначальникахъ, вѣзжающихъ въ него на бѣломъ конѣ, зубы стискивалъ, видя на стѣнѣ чуть не каж-

дой знакомой квартиры очки и птичье лицо Чернышевского или худого, какъ смерть, съ огромными и страшными глазами Бѣлинскаго, приподнимающагося со своего смертнаго ложа навстрѣчу показавшимся въ дверяхъ его кабинета жандармамъ.

Были кромѣ того въ этомъ кругу и Быковы, Мельники... Трудно было, глядя на ихъ лица, освоиться съ мыслью, будто они тоже работники на какое-то прекрасное будущее, а сами себя считаютъ даже въ числѣ главнѣйшихъ знатоковъ и устроителей человѣческихъ благъ.

И былъ еще одинъ, извѣстный подъ кличкой Максъ, съ времени до времени появлявшійся откуда-то въ Харьковѣ: рослый, на кривыхъ и крѣпкихъ, какъ дубовые корни, ногахъ, въ толстыхъ швейцарскихъ ботинкахъ, подбитыхъ гвоздями, очень спокойный и дѣловитый, очень точный на слова, съ загорѣлымъ грубоватымъ лицомъ и съ большимъ, кругло и круто расширяющимся надъ нимъ горшкомъ черепа. Онъ необыкновенно мало ѣлъ, мало спалъ и все ѣхалъ и ѣхалъ куда-то безъ всякой усталости...

XV.

Такъ прошла зима.

По утрамъ, пока братъ былъ на службѣ, я бродилъ по городу, сидѣлъ читалъ въ публичной библиотекѣ. Потомъ опять шелъ бродить, думать о прочитанномъ, о прохожихъ и проѣзжихъ, о томъ, что почти всѣ они, вѣрно, по своему счастливы и спокойны — заняты каждый своимъ дѣломъ и болѣе или менѣе обезпечены, межъ тѣмъ какъ я только томлюсь смутнымъ и напраснымъ желаніемъ писать что-то такое, чего и самъ не могу понять, что-то ни о чемъ и обо всемъ, на что у меня нѣтъ ни смѣлости рѣшиться, ни умѣнья взяться и что я все откладываю на какое-то будущее, а бѣдень настолько, что не могу позво-

лить себѣ осуществить свою жалкую завѣтную мечту — купить хорошенькую записную книжку: это было тѣмъ болѣе горько, что, казалось, отъ этой книжки зависить очень многое — вся бы жизнь пошла какъ-то иначе, болѣе бодро и дѣятельно, потому что мало-ли что можно было записать въ нее! Уже наступала весна, я только что прочелъ собраніе малорусскихъ «Думъ» Драгоманова, былъ совершенно плѣненъ «Словомъ о полку Игоревѣ», нечаянно перечитавъ его и вдругъ понявъ всю его несказанную красоту, и вотъ меня уже опять тянуло въ даль, вонъ изъ Харькова: и на Донецъ, воспѣтый пѣвцомъ Игоря, и туда, гдѣ все еще, казалось, стоитъ на городской стѣнѣ, все на той-же древней ранней утренней зарѣ, молодая Княгиня Евфросинія, и на Черное море казацкихъ временъ, гдѣ на какомъ-то «біломъ каміні» сидитъ какой-то дивный «сокіль-білозірець», и на ровные «шляхи полтавскіі», а вмѣстѣ съ тѣмъ опять въ молодость отца, въ Севастополь...

Такъ убиваль я утро, а потомъ шель къ пану Лисовскому — возвращался къ дѣйствительности, къ этимъ застольнымъ бесѣдамъ и спорамъ, уже ставшимъ для меня привычными, буднично-интересными. Потомъ мы съ братомъ отдыхали, болтали и валялись на постеляхъ въ нашей каморкѣ, гдѣ послѣ обѣда особенно густо пахло сквозь двери еврейской трапезой, чѣмъ-то теплымъ, душисто-щелочнымъ. Потомъ мы немного работали, — мнѣ тоже давали иногда изъ бюро кое-какіе подсчеты и сводки. А тамъ мы опять шли куда-нибудь на люди...

Я, помню, больше всего любилъ бывать у Гансаго. Онъ былъ прекрасный музыкантъ, иногда игралъ для насъ по цѣлымъ вечерамъ. Станный, совершенно дотолѣ невѣдомый мнѣ, сладостно и мучительно возвышенный міръ открывалъ онъ мнѣ, міръ, въ который вступалъ я съ восторженной и жуткой радостью при первыхъ же звукахъ,

чтобы тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ обрѣсти тотъ величайшій изъ обмановъ (мнимой божественной возможности быть всеблаженнымъ, всемогущимъ, всезнающимъ), который даетъ только музыка да инья минуты поэтическаго вдохновенія! И странно было видѣть и самого Ганскаго, человѣка столь крайняго въ своей революціонности, — хотя онъ рѣже и сдержаннѣй всѣхъ проявлялъ ее, — сидящимъ за піанино, съ губами уже до черноты спекшимися отъ той все разгорающейся, напряженной страсти, съ которой всегда игралъ онъ. Звуки куда-то вели, шли тактъ за тактомъ, настойчиво, изысканно-плавно, ликующе, такъ бессмысленно-божественно-весело, что становились почти страшными, и чудесно-трагическій образъ вставлялъ передъ моимъ воображеніемъ: мнѣ все думалось, что непременно сойдетъ когда-нибудь Ганскій съ ума и тогда, въ своей узкой камерѣ съ рѣшеткой въ окнѣ, со своими горящими губами, съ экстатическимъ взоромъ и сѣрымъ халатомъ, будетъ уже непрерывно жить и безъ музыки въ подобномъ же бессмысленно-радостномъ, обманчиво-возвышенномъ мірѣ...

Ганскій однажды рассказывалъ, какъ онъ, еще юношей, былъ въ Зальцбургѣ въ домѣ Моцарта и видѣлъ его старинные, узенькіе клавикорды, а рядомъ—стеклянную витрину, гдѣ лежалъ его черепъ. Я подумалъ: «Еще юношей! А я?» И мнѣ стало такъ горько, такъ обидно, что я едва усидѣлъ на мѣстѣ — такое страстное желаніе внезапно овладѣло мной тотчасъ же бѣжать домой, сѣсть, не теряя ни минуты, за какую-то поэму или повѣсть, написать что-то необыкновенное, сразу прославиться, стать знаменитымъ — и уѣхать въ Зальцбургъ, чтобы собственными глазами увидѣть и эти клавикорды и этотъ черепъ...

Много лѣтъ спустя я осуществилъ эту мечту, всегда тайно жившую во мнѣ съ тѣхъ поръ, среди множества прочихъ, давнихъ и завѣтныхъ: видѣлъ и Зальцбургъ, и черепъ, и клавикорды. Клавиши ихъ были совершенно

одного цвѣта съ черепомъ, и мнѣ все хотѣлось наклониться и поцѣловать ихъ, приложиться къ нимъ. А самъ черепъ былъ неправдоподобно малъ, совершенно младенческій...

XVI.

Ранней весной я поѣхалъ въ Крымъ.

Мнѣ достали бесплатный билетъ, я долженъ былъ ѣхать подъ чьимъ-то чужимъ именемъ, выдавая себя за какого-то желѣзнодорожнаго рабочаго... Въ большихъ лишеніяхъ проходила моя молодость!

Я тогда впервые почувствовалъ значеніе въ жизни имени, мнѣ потомъ всю дорогу пришлось какъ-то преодолѣвать то чужое, оскорбительное, что я долженъ былъ принять вмѣстѣ съ именемъ этого рабочаго. Да пришлось преодолѣвать и не это одно. Вотъ хотя бы то, что выѣхалъ я въ такой тѣснотѣ и мерзости, какихъ я еще никогда не испытывалъ, въ ночномъ почтовомъ поѣздѣ, прямо страшномъ своей длиной. Онъ и пришелъ переполненный, а на платформѣ въ Харьковѣ осадилъ его новая несмѣтная орда ѣхавшихъ на югъ на заработки, со всѣми своими мѣшками, котомками и привязанными къ нимъ лаптями и онучами, съ чайниками и вонючими съѣстными запасами: ржавыми таранками, печеными яйцами... Кромѣ того время было уже позднее, такъ что мнѣ тотчасъ же предстояла бессонная ночь, затѣмъ долгій день, а тамъ новая ночь безъ сна... Но я шелъ на все — гдѣ-то тамъ, вдали, ждала меня отцовская молодость.

Видѣніе этой молодости жило во мнѣ съ младенчества. Это былъ какой-то безконечно-давній свѣтлый предъосенній день. Въ этомъ днѣ было что-то очень грустное, но и безконечно счастливое. Было что-то, что связывалось съ моимъ смутнымъ представленіемъ дней Крымской

войны: какіе-то редуты, какіе-то штурмы, какіе-то солдаты того особеннаго времени, что называлось «крѣпостнымъ» временемъ, и смерть на Малаховомъ курганѣ дяди Николая Сергѣевича, великана и красавца полковника, челоуѣка богатаго и блестящаго, память котораго была въ нашей семьѣ всегда окружена легендой. А главное — былъ въ этомъ днѣ какой-то пустынный и свѣтлый приморскій холмъ, а на этомъ холмѣ, среди камней, какіе-то бѣлые цвѣты вродѣ подснежниковъ, что росли на немъ только потому, разумѣется, что еще въ младенчествѣ слышалъ я какъ-то зимой, въ снѣжный солнечный день, слова отца:

— А мы, бывало, въ Крыму, въ это время цвѣточки рвали въ однихъ мундирчикахъ!

Что же я нашель въ дѣйствительности?

Помню, что на разсвѣтѣ первой ночи я очнулся въ своемъ тѣсномъ углу на какой-то степной станціи, уже далеко отъ Харькова. Еще догорала свѣча въ углу, солнца еще не было, но было уже совсѣмъ свѣтло и розово. Я съ изумленіемъ оглянулъ тяжко-безобразную картину какъ попало спящихъ въ этомъ розовомъ, со всѣмъ ихъ зловоніемъ и повсюду наваленнымъ скарбомъ, и сейчасъ же открылъ окно. Боже, какая заря была! Мертвая тишина вездѣ, розовымъ огнемъ горитъ вдали востокъ, въ воздухѣ та дивная свѣжесть и ясность, что бываетъ лишь ранней весной, на разсвѣтѣ, въ степи; въ тишинѣ свѣжо и сладостно, по весеннему, поютъ невидимые въ небѣ жаворонки, вправо и влево тянется неподвижная стѣна нашего поѣзда, а въ двухъ шагахъ отъ насъ, на безконечной и гладкой, какъ токъ, степи, стоитъ и глядитъ на меня большой могильный курганъ... До сихъ поръ не могу понять, чѣмъ онъ такъ поразилъ меня. Это было нѣчто ни на что не похожее ни по своимъ столь опредѣленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мягкимъ очертаніямъ, ни по тому, главное, что таилось въ нихъ. Это было нѣчто совершенно необык-

новенное при всей своей простотѣ, такое древнее, что казалось безконечно чуждымъ всему живому, нынѣшнему, и въ то же время было такъ знакомо, близко, родственно.

— Ишь, какъ въ старину-то люди хоронились! — скажь мнѣ какой-то старикъ изъ дальняго угла. Онъ одинъ не спалъ, сидѣлъ и, согнувшись, съ трудомъ дыша, жарко раскуривалъ трубку, блестя запухшими, слезящимися глазами изъ-подъ рваной телячьей шапки, изъ всего того краснаго, морщинистаго, неряшливо чѣмъ-то сѣдымъ заросшаго, что составляло его лицо. — Въ старину люди хоронились, чтобы память была! — твердо сказалъ онъ. — Богатые были.

И, помолчавъ, добавилъ:

— А, можетъ, это татары насъ такъ закапывали? Вѣдь всего бывало на свѣтѣ, барчукъ,—и плохого и хорошаго...

А второй разсвѣтъ былъ мнѣ еще удивительнѣй. Опять внезапно очнулся я на какой-то станціи — и увидѣлъ уже что-то райское: бѣлое лѣтнее утро — тутъ было уже совсѣмъ лѣто — и что-то очень тѣсное и сплошь цвѣтущее, росистое и благовонное, какой-то маленькій бѣлый вокзалъ, весь увитый розами, какой-то лѣсистый обрывъ, отвѣсно поднимающійся надъ нимъ, и какія-то густыя, тоже цвѣтуція заросли въ обрывахъ съ другой стороны... И какъ-то совсѣмъ иначе, радостно и какъ будто испуганно, звонко, по горному крикнулъ паровозъ, трогаясь въ путь. Когда-же снова выбрался онъ на просторъ, изъ-за дикихъ лѣсистыхъ холмовъ впереди вдругъ глянуло на меня всей своей темной громадной пустыней, поднявшейся въ небосклонъ, что-то тяжело-синее, почти черное, влажно-мглистое, еще сумрачное, только что освобождающееся изъ влажныхъ и темныхъ нѣдръ ночныхъ, — и я вдругъ съ ужасомъ и радостью *узналъ* его. Именно — вспомнилъ, узналъ!

Севастополь же показался мнѣ чуть не тропическимъ. Какой знойный, южно-роскошный вокзалъ, весь насквозь

нагрѣтый нѣжнымъ воздухомъ! Какъ горячи, какъ блестятъ рельсы передъ нимъ! Небо отъ зноя даже блѣдное, сѣрое, но и въ этомъ роскошь, счастье, югъ. Все то огромное, мужицкое, что везли мы съ собой, по дорогѣ растаяло. А вотъ и я, почти одинъ, выхожу наконецъ изъ поѣзда, опять съ моимъ подлиннымъ именемъ, и, шатаюсь отъ усталости и голода, иду въ первый классъ. Полдень, вездѣ пустота, огромный буфетный залъ (мiръ богатыхъ, свободныхъ и знатныхъ людей, прїѣзжающихъ сюда съ курьерскими!) чистъ и тихъ, блестятъ бѣлизной столовъ, вазами и канделябрами на нихъ... Я не могъ больше удерживаться, быть, какъ былъ весь путь, нищенски расчетливымъ, — спросилъ себѣ кофе, калачъ. Мнѣ все это подали, искоса на меня поглядывая — видъ мой и впрямь былъ подозрителенъ. Но все равно, — я опять былъ я, я наслаждался тишиной, чистотой, вѣющимъ въ окна и двери жаркимъ воздухомъ — и вдругъ увидаль: изъ открытыхъ на яркую платформу дверей неожиданно, но совсѣмъ просто, гуляючи, вошло въ залу что-то пестренькое, вродѣ цесарочки... Съ тѣхъ поръ уже всегда связывалось у меня представленіе о южныхъ вокзалахъ съ этимъ пестренькимъ.

Но гдѣ-же было то, за чѣмъ какъ будто и ѣхалъ я? Не оказалось и въ самомъ Севастополѣ ни разбитыхъ пушками домовъ, ни тишины, ни запустѣнія — ничего отъ дней отца и Николая Сергѣевича съ ихъ деньщиками, погребцами и казенными квартирами. Городъ уже давно-давно жилъ безъ нихъ, вновь и, конечно, гораздо лучше отстроенный, ослѣпительно-бѣлый, нарядный и жаркій, съ просторными извозчичьими колясками подъ бѣлыми навѣсами, съ караимской и греческой толпой на улицахъ, освѣненныхъ свѣтлой зеленью южной акации, съ великолѣпными табачными магазинами, съ памятникомъ сутулому Нахимову на площади возлѣ лѣстницы, ведущей къ Графской пристани, къ зеленой морской водѣ со стоящи-

ми на ней броненосцами. Только тамъ, за этой зеленой водой, было нѣчто отцовское — то, что называлось Сѣверной стороной, Братской Могилой; и только оттуда вѣяло на меня грустью и прелестью прошлаго, давняго, теперь уже мирнаго, вѣчнаго, и даже какъ будто чего-то моего собственнаго, тоже всѣми давно забытаго . . .

И вотъ, я пустился въ путь далѣе. Я переночеваль гдѣ-то на окраинѣ, въ грошевой гостиницѣ, и рано утромъ вышелъ изъ Севастополя. Въ полдень я былъ уже за Балаклавою . . . Какъ одинокъ, какъ безвѣстенъ и молодосчастливъ былъ я въ тотъ день! И какъ страненъ былъ нагой горный мѣръ, что окружалъ меня! Бѣлое шоссе безъ конца, голыя, сѣрыя долины впереди, голыя сѣрыя ковриги близкихъ и дальнихъ вершинъ, одна за другой уходящія и куда-то томительно зовущія своими сиреневыми и пепельными грудями, знойнымъ и таинственнымъ сномъ своимъ . . . Гдѣ былъ завѣтный холмъ съ бѣлыми подснежниками? Онъ исчезъ, потонулъ въ какой-то другой, вѣковой старинѣ. Посреди какихъ-то огромныхъ кремнистыхъ долинъ я, помню, сидѣлъ, отдыхаль. Чабанъ татарченокъ съ высокимъ крюкомъ въ рукѣ стоялъ вдали, возлѣ сѣрой отары овецъ, голышами насыпанной сзади него. Онъ что-то жеваль. Я пошелъ къ нему, увидалъ, что онъ ѣсть брынзу и хлѣбъ, вынулъ двугривенный. Онъ, жуя, не сводя съ меня глазъ, замоталь головой, протянулъ весь мѣшокъ, черезъ плечо висѣвшій на немъ. Я взялъ, — онъ нѣжно и радостно оскалился, блеснулъ всѣмъ своимъ черноглазымъ лицомъ, уши, торчавшія подъ его круглой шапочкой, двинулись назадъ . . . А по бѣлому шоссе мимо насъ катилась коляска тройкой, съ топотомъ копытъ и звономъ колокольчиковъ: на козлахъ — татаринъ ямщикъ, въ коляскѣ — сѣдобровый старикъ въ полотняномъ картузѣ, а рядомъ съ нимъ, вся закутанная, вся восковая, желтая, съ темными и страшными глазами, дѣвушка . . . Вѣрно, не разъ я видалъ, много лѣтъ спустя,

въ дни совсѣмъ иные для меня, ея мраморный крестъ на горѣ надъ Ялтой, среди множества прочихъ крестовъ, подъ кипарисами и розами, въ легкомъ и свѣжемъ морскомъ вѣтеркѣ свѣтлаго южнаго дня...

У Байдарскихъ воротъ я ночевалъ на крыльцѣ почтовой станціи. Смотритель не пустилъ меня въ комнаты, узнавъ, что лошадей я не буду брать. За воротами, въ безконечной темной пропасти, всю ночь шумѣло море — довременно, дремотно, съ непонятнымъ, угрожающимъ величіемъ. Я выходилъ иногда подъ ворота: край земли и кромѣшная тьма, крѣпко дуетъ пахучимъ туманомъ и холодомъ волнъ, шумъ то стихаетъ, то растеть, поднимается, какъ шумъ дикаго бора... Бездна и ночь, что-то слѣпое и безпокойное, какъ-то утробно и тяжело живущее, враждебное и безсмысленное...

XVII.

Откуда нибудь возвращаясь, всегда думаешь, что въ твое отсутствіе что нибудь случилось, получено какое-нибудь письмо, извѣстіе. Чаше всего оказывается, что ничего не случилось, ничего не получено. Не такъ, однако, было со мной на этотъ разъ. Братъ встрѣтилъ меня съ большимъ смущеньемъ: во-первыхъ, отецъ запродавъ Батурино, прислалъ намъ денегъ, написалъ необыкновенно грустно, покаянно... Я на мгновеніе вспыхнулъ отъ радости, — опять, значить, есть возможность куда-нибудь поѣхать, — но тотчасъ-же это чувство смѣнилось острой болью: значить, совсѣмъ конецъ всей нашей прежней жизни! — и горькой жалостью къ отцу, къ матери, къ Олѣ: мы тутъ веселы, безпечны, у насъ весна, люди, городъ, а они тамъ въ глуши, въ одиночествѣ, въ думахъ только о насъ, а вотъ теперь и о своей близкой безпріютности... Я никогда не могъ спокойно видѣть отца въ грусти, не

могъ слушать его оправданій въ томъ, что онъ «пустилъ насъ по міру»: я въ такія минуты всегда готовъ былъ кинуться руки его цѣловать даже какъ бы съ горячей благодарностью именно за это самое. Теперь же, послѣ Севастополя, едва удержался отъ слезъ... Къ счастью, оказалось, что онъ запродалъ только землю, безъ усадьбы.

А вторая новость была еще неожиданнѣй. Братъ со-всѣмъ потерялся, сообщая ее: «Прости, что я даже отъ тебя скрывалъ это, я не хотѣлъ и теперь не хочу, чтобъ объ этомъ знали наши... Дѣло въ томъ, что я женатъ... Не церковно, конечно, — она даже продолжаетъ, ради ребенка, жить вмѣстѣ съ мужемъ, — но ты понимаешь меня... Переодѣвайся и пойдемъ сейчасъ къ ней, она тебя знаетъ и заранѣе любить...»

И онъ поспѣшно разсказалъ мнѣ свою исторію. Она была изъ богатой и родовитой семьи, но росла въ страстныхъ свободолюбивыхъ и народническихъ мечтахъ, рано вышла замужъ, чтобы начать «рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ» жить только для народа, въ борьбѣ за народъ... «Любимый человѣкъ», ставъ, благодаря ей, человѣкомъ богатымъ, скоро остылъ ко всѣмъ своимъ прежнимъ стремленіямъ, межъ тѣмъ, какъ для нея эти стремленія были столь святы, дороги, съ самыхъ раннихъ лѣтъ мучили ее, счастливую, такой болью за свое собственное счастье среди всѣхъ народныхъ несчастій и такимъ стыдомъ даже за красоту свою, что она однажды пыталась себя изуродовать, сжечь сѣрной кислотой себѣ руки, которыми всѣ черезчуръ восхищались... Съ братомъ она встрѣтилась на югѣ, — онъ тогда скрывался, жилъ подъ чужимъ именемъ... Понявъ свою любовь къ нему, она въ отчаяннѣи кинулась въ море, спасена была только случайно, рыбаками...

Я, покорно переодѣваясь, слушалъ все это съ большимъ удивленіемъ, ужасно волнуясь и отводя глаза. Мнѣ почему-то было неловко, неприятно за брата, во мнѣ рос-

ла враждебность къ его героинѣ, — ужь слишкомъ все это было романтично. Однако я былъ удивленъ еще болѣе, едва переступилъ порогъ комнаты въ томъ богатомъ отелѣ, гдѣ жила она. Какъ быстро встала она мнѣ навстрѣчу, какъ нѣжно и родственно обняла меня, какъ ласково и чудно улыбнулась, какъ хорошо, легко заговорила! Во всей милой простотѣ ея обращенья была тонкость породы, воспитанья, прекраснаго сердца, застѣнчивая, женственная и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то удивительно свободная прелесть, въ движеніяхъ мягкость и точность, въ грудномъ, слегка пѣвучемъ и гармонически-изысканномъ звукѣ голоса, равно, какъ въ чистотѣ и ясности сѣрыхъ, нѣсколько грустно улыбающихся глазъ съ черными рѣсницами, — необъяснимое очарованіе . . .

И все таки это неожиданное знакомство, это внезапное открытіе, что у брата есть своя собственная жизнь, отъ насъ ото всѣхъ сокровенная, есть привязанность не къ намъ однимъ, очень ранило меня. Я опять почувствовалъ себя одинокимъ со всей своей молодостью среди всего того весенняго, что окружало меня, испыталъ какую-то горечь, разочарованіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я какъ будто сказалъ себѣ: «Ну, что жъ, тѣмъ лучше для меня, я теперь ужь совсѣмъ свободенъ въ той чудесной странѣ, которая только что открылась мнѣ . . .» Страна же эта грезилась мнѣ необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше плѣняла мое воображеніе и древностью своей и современностью. Въ современности былъ великій и богатый край, красота его нивъ и степей, хуторовъ и селъ, Днѣпра и Кіева, народа сильнаго и нѣжнаго, въ каждой мелочи быта своего красиваго и опрятнаго, — наслѣдника славянства подлиннаго, дунайскаго, карпатскаго. А тамъ, въ древности, была колыбель его, были Свитополки и Игори, печенѣги и половцы, — меня даже одни эти слова очаровывали, — потомъ вѣка казацкихъ

битвъ съ турками и ляхами, Пороги и Хортица, плавни и гирла херсонскія... «Слово о Полку Игоревѣ» сводило меня съ ума:

«Хощу бо, рече, копіе преломити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русици... Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому... Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ... Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю. Солнце ему тмою путь заступаше; ночь стонуши ему грозою птичь убуди... Дивъ кличетъ връху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Влзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу...»

«Кричатъ телѣгы полунощи, рци лебеди распущени, Игорь вои къ Дону ведеть... Орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты... О русьская земле! уже за шеломянемъ еси...»

«Другого дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идуть: въ нихъ трепещуть синія молніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами...»

И потомъ:

«Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»

«Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Киевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чорною паполомою, на кровати тисовѣ. Черпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено...»

«Прысну море полунощи... Игореву Князю Богъ путь кажить изъ земли Половецкой на землю Русьскую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зори: Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ Великаго Дона до Малаго Донца...»

И вскорѣ я опять пустился въ странствія. Былъ на тѣхъ самыхъ берегахъ Донца, гдѣ когда-то кинулся изъ плѣна Князь «горностаемъ въ тростникъ, бѣлымъ гоголемъ на

воду»; потомъ былъ на Днѣпрѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ «пробилъ онъ каменные горы сквозь землю Половецкую», плылъ мимо бѣлыхъ весеннихъ селъ, среди необозримо синѣющихъ солнцемъ и воздухомъ приднѣпровскихъ низинъ, вверхъ, къ Кіеву — и какъ рассказать, что пѣло тогда во мнѣ вмѣстѣ съ этой весной и пѣсней объ Игорѣ? «Солнце свѣтится на небеси, Игорь Князь въ Русьской землѣ! Дѣвицы поютъ на Дунаи. Вьются голоса черезъ море до Кыева...»

А отъ Кіева ѣхалъ я на Курскъ, на Путивль. «Сѣдлай, брате, свои борзые комони, а мои ти готовы, осѣдлани у Курьска напередѣ...» Только много лѣтъ спустя произошло во мнѣ чувство Костромы, Суздаля, Углича, Ростова Великаго: въ тѣ дни я жилъ въ иномъ очарованіи. И что нужды, что оказался «Курьскъ» только скучнѣйшимъ губернскимъ городомъ, а пыльный Путивль и того скучнѣй! Развѣ не та же глушь, пыль была и тогда, когда на ранней степной зарѣ, на земляной стѣнѣ, убитой кольями, слышенъ былъ «Ярославнинъ гласъ»?

«Ярославна рано плачетъ Путивлю городу: полечю, рече, зегзицею, омочю бебрянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя раны его...»

XVIII.

Этимъ путемъ я уже возвращался домой. Теперь я даже спѣшилъ туда: кочевая страсть моя была до поры до времени нѣсколько насыщена, мнѣ хотѣлось отдыха и работы, и лѣто, ожидавшее меня въ Батуричѣ, представлялось мнѣ восхитительнымъ — такъ богатъ я былъ самыми лучшими надеждами, планами и довѣріемъ къ судьбѣ. Но, какъ извѣстно, нѣтъ ничего опаснѣе излишняго довѣрія къ ней...

Короче сказать, по пути я заѣхалъ въ Орель.

Туть я почувствовалъ свои странствія почти конченными: еще нѣсколько часовъ — и я въ Батуринѣ. Оставалось только взглянуть на самый Орель — городъ Лѣскова и Тургенева — да узнать наконецъ, что же такое редакція и типографія.

Бодрость я чувствовалъ необыкновенную. Но почернѣлъ, похудѣлъ, какъ цыганъ, побывавшій на пяти ярмаркахъ: столько ходилъ пѣшкомъ, столько плылъ по Днѣпру и все на палубѣ, въ радостной жарѣ солнца, блеска воды, раскаленной паровой трубы, надъ которой весь день дрожало и плавилось что-то тончайшее, стеклянное, лазурно-пламенное, въ духотѣ и густомъ теплѣ, людскомъ, машинномъ и кухонномъ. Надо было поэтому хоть нѣсколько вознаградить себя. И вотъ, выйдя въ Орлѣ, я взялъ рѣзваго извозчика, велѣлъ везти себя въ лучшую гостиницу... Были пыльно-сиреневыя сумерки, вездѣ рассыпались вечерніе огни, за рѣкой, въ городскомъ саду, играла духовая музыка... Извѣстны тѣ неопредѣленные, сладко волнующія чувства, что испытываешь вечеромъ въ незнакомомъ большомъ городѣ, въ полномъ одиночествѣ. Съ этими чувствами я и обѣдалъ въ пустой залѣ той старой и почтенной губернской гостиницы, въ которую привезли меня, и сидѣлъ потомъ на желѣзномъ балкончикѣ своего номера, надъ уличнымъ фонаремъ, горѣвшимъ подъ деревомъ, сквозившая зелень котораго, благодаря ему, была ярка, казалась нарядной, изящной, хотя и металлической. Внизу взадъ и впередъ шли съ разговоромъ, смѣхомъ и огоньками папирозъ гуляющіе, напротивъ, въ большихъ домахъ, были открыты окна, а за ними видны освѣщенные комнаты, люди, сидящіе за чайнымъ столомъ или что-то дѣлающіе, — чья-то чужая, манящая жизнь, на которую глядишь въ такіе часы съ особенно обостренной наблюдательностью... Впослѣдствіи, безъ конца скитаясь по свѣту, много пережилъ я подобныхъ часовъ одинокаго спокойствія и наблюденія и многимъ изъ нихъ

обязанъ весьма горькой мудростью. Но совѣмъ не до мудрости было мнѣ въ ту теплую ночь въ Орлѣ съ этой полковой музыкой, порой доносившейся ко мнѣ изъ-за рѣки то своей пѣвучей томностью, то печально-восторженнымъ грохотомъ. Втайнѣ я, конечно, опять ждалъ того, что казалось тогда высшей радостью, завершеиіемъ всякаго счастья...

Я совѣмъ отвыкъ спать по человѣчески. — мнѣ даже странной показалась въ ту ночь большая, покойная и чистая кровать, темнота, тишина и просторъ моего номера. Я и проснулся по дорожному — чуть стало свѣтать. Этимъ и объясняется то, что пришелъ я въ редакцію «Голоса» совѣмъ въ неурочный часъ.

Утро было жаркое, — весна была рѣдкая. Главная улица, бѣлая, голая, была еще пуста. Чтобы какъ-нибудь приблизить тотъ срокъ, когда по моимъ предположеніямъ можно было, не слишкомъ нарушая приличія, явиться въ редакцію, я пошелъ сперва внизъ по этой улицѣ, перешелъ какой-то мостъ, вышелъ на другую, большую, торговую, со всякими старыми складами и амбарами, скобяными, желѣзными, москательными и колониальными лавками и вообще всѣмъ тѣмъ грузнымъ обиліемъ благосостоянія, отъ котораго ломились тогда русскіе города. Въ ладъ съ этимъ обиліемъ и густымъ утреннимъ солнцемъ, густо и важно-благостно звонили къ обѣднѣ въ тяжелой и высокой церкви возлѣ Орлика. Подъ этотъ гудящій звонъ, — онъ гудѣлъ даже во мнѣ во всемъ, — я перешелъ еще одинъ мостъ, поднялся на гору къ присутственнымъ мѣстамъ, огромнымъ домамъ николаевскихъ и александровскихъ временъ, передъ которыми вдоль длинной свѣтлой площади вправо и влѣво тянулся бульваръ, широкая аллея еще по утреннему свѣжихъ, прозрачно-тѣнистыхъ липъ. Я зналъ улицу, гдѣ была редакція «Голоса», спросилъ, далеко-ли она, у встрѣчнаго:

— Вонъ тамъ, въ двухъ шагахъ, — сказалъ онъ мнѣ,

и я вдруг почувствовал сердцебиение: сейчас буду въ редакціи!

Простота этой редакціи была однако истинно провинціальная. За площадью шли сплошные сады, тихія тѣнистыя улицы, совсѣмъ утонувшія въ нихъ и заросшія густой травой. Въ такой-же улицѣ, въ большомъ саду, стоялъ и тотъ длинный сѣрый домъ, гдѣ помѣщалась редакція. Я подошелъ, увидаль полуоткрытую прямо на улицу дверь, дернулъ за ручку звонка... Онъ задребезжалъ гдѣ-то вдали, но не произвелъ никакого дѣйствія: домъ казался необитаемымъ, какъ впрочемъ и все вокругъ: тишина, сады, милое свѣтлое утро губернскаго степного города... Я опять позвонилъ, подождалъ еще и наконецъ рѣшилъ войти. Длинные сѣни вели куда-то вглубь. Я пошелъ туда и увидаль большой, низкій и необыкновенно грязный залъ, весь загроможденный какими-то машинами, затоптанный и усѣянный рваными сальными бумагами. Машины были всѣ въ движеніи, мѣрно рокотали, взадъ и впередъ катая какія-то темно-свинцовыя доски подъ своими черными валами и валиками, мѣрно поднимая и опускавая какія-то рѣшетки, листь за листомъ откладывая большіе бумажные листы, съ исподу еще бѣлые, а сверху уже покрытые какъ бы зернью черной блестящей икры, и отъ всѣхъ этихъ машинъ, рокотъ и шумъ которыхъ сливался порой съ перекрикивающимися голосами печатниковъ и наборщиковъ, вѣяло пахучимъ вѣтромъ, крѣпкой и пріятной вонью свѣжей краски, бумаги, свинца, керосина и маслъ — всѣмъ тѣмъ, что тотчасъ же стало для меня (и уже навсегда) такимъ особеннымъ и сладостнымъ.

— Редакція? — сердито крикнулъ кто-то мнѣ изъ этого вѣтра, шума и рокота. — Тутъ типографія! Эй, проводи въ редакцію!

И подъ ноги мнѣ кинулся откуда-то грязный, съ круг-

лой, густо заросшей свинцовымъ ежомъ головой мальчишка:

— Сюда пожалуйте!

И я, волнуясь, поспѣшилъ за нимъ назадъ въ сѣни и черезъ минуту уже сидѣлъ въ большой пріемной редактора, который оказался очень хорошенькой и маленькой полной молодой женщиной, очень дѣловитой, живой, такъ и сиявшей при каждой улыбкѣ ямочками, а еще черезъ пять — уже въ столовой, совсѣмъ по домашнему, за кофеемъ. Меня то и дѣло угощали и все спрашивали, сказали нѣсколько лестныхъ словъ о моихъ стихахъ, напечатанныхъ въ столичныхъ ежемѣсячникахъ, звали сотрудничать въ «Голосъ»... Я краснѣлъ, благодарилъ и неловко улыбался, сдерживая почти восторженное удовольствие отъ такого неожиданно-чудеснаго знакомства, этого гостепримства и вниманія, нѣсколько дрожащими руками бралъ какія-то домашнія печенья, быстро и сладко таявшія во рту... А за большими итальянскими окнами стоялъ свѣтло-зеленый солнечный садъ, радостно и молодо глядѣвшій въ домъ и напоминавшій, что въ мірѣ безмятежно-счастливое утро, огромная Россія со всѣми своими полями, лѣсами и рѣками, богатый и старинный Орелъ и желѣзная дорога въ Батурино... Кончилось все это тѣмъ, что хозяйка вдругъ пріостановилась, услышавъ за дверью оживленные женскіе голоса, засмѣялась и сказала:

— А вотъ и мои заспавшіяся красавицы! Я сейчасъ познакомлю васъ съ двумя очаровательными созданіями, моей кузиной Ликой М. и ея подругой Сашенькой Оболенской...

И тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ въ столовую, тоже чему-то смѣясь, вошли двѣ высокія ростомъ дѣвушки въ цвѣтисто-расшитыхъ русскихъ нарядахъ съ разноцвѣтными бусами и лентами, съ широкими рукавами, до локтя откывавшими ихъ молодыя круглыя руки...

XIX.

Удивительна была быстрота и безвольность, лунатичность, съ которой я отдался всему тому, что такъ случайно свалилось на меня, началось съ такой счастливой беззаботностью, легкостью, а потомъ принесло столько мукъ, горестей, отняло столько душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, погубило столько лучшихъ дней!

Почѣму мой выборъ палъ на Лику? Оболенская была всячески лучше ея. Теперь, вспоминая ее, я такъ ясно вижу ея преимущества и вообще испытываю такія чувства къ ней, что мнѣ жаль до сихъ поръ, что я потерялъ ее, что не съ ней свела меня судьба, что только случайно (а мнѣ кажется, что именно случайно) разошлись мы съ ней. Не нужно было особаго вниманія, чтобы оцѣнить ее: она была смугла, высока и сильна прекрасной молодой художой, у нея были густые и какъ-то очень хорошо убранные, слегка вьющіеся и жесткіе черные волосы, благородная простота и твердость въ темныхъ горячихъ глазахъ, въ умныхъ и точныхъ сужденіяхъ; ея любовь была бы, мнѣ кажется, не совсѣмъ легка, но достойна моей молодости, въ жизни моей оставила бы глубокій поэтический слѣдъ... Но тогда вниманіе мое то-ли было недостаточно, то-ли случайно отвлечено тѣмъ, что Лика взглянула на меня дружелюбнѣй и внимательнѣй, заговорила проще и живѣй, чѣмъ Оболенская... И въ кого вообще такъ быстро влюбился я? Конечно, во все: въ то молодое женское общество, въ которомъ я очутился вдругъ и которое почему-то приняло меня съ такимъ веселымъ расположеніемъ; въ тувельку хозяйки и въ расшитые наряды этихъ дѣвушекъ со всѣми ихъ лентами, бу-

сами, круглыми руками и удлинено-округлыми колѣнями; во всѣ эти просторныя, невысокія провинціальныя комнаты съ окнами въ солнечный садъ; даже въ то наконецъ, что нянька привела съ гулянья въ столовую раскраснѣвшагося и немного запотѣвшаго русаго мальчика, такъ серьезно и внимательно заглядѣвшагося на меня во всѣ свои синіе глаза, пока мать цѣловала его и разстегивала ему курточку... Тутъ, кстати, тотчасъ же стали убирать со стола и накрывать его къ завтраку, а хозяйкѣ вдругъ пришла въ голову мысль, что уходитъ мнѣ отъ завтрака совсѣмъ не слѣдъ, какъ не слѣдъ и вообще скоро уѣзжать изъ Орла, а Лика отняла у меня картузь, сѣла за піанино и заиграла «Собачій вальсъ»... Словомъ, я ушелъ изъ редакціи только въ три часа, совершенно изумленный, какъ быстро все это прошло: я тогда еще не зналъ, что эта быстрота, исчезновеніе времени есть первый признакъ начала такъ называемой влюбленности, начала всегда бессмысленно-веселаго, похожаго на эфирное опьяненіе; не зналъ и того, что только этимъ опьяненіемъ и объясняется то восхищеніе предметомъ своей влюбленности, въ которомъ живешь иногда подолгу, чтобы потомъ, когда оно пройдетъ, совершенно не понимать его, дивиться на себя прежняго, какъ на челоуѣка, пережившаго подлинное сумасшествіе...

XX.

Такъ началась для меня еще одна любовь, которой суждено было стать въ моей жизни большимъ событіемъ. И начало это ознаменовалось случаемъ вдвойнѣ удивительнымъ.

Я покидалъ Орель какъ нѣчто уже дорогое, близкое, со всей грустью и нѣжностью первой любовной разлуки и съ горячими надеждами на скорое новое свиданіе. Нуж-

но же было быть тому, что какъ разъ въ этотъ день экстренно проходилъ черезъ Орель нѣкій траурный поѣздъ чрезвычайной важности! Онъ проходилъ ровно въ два часа, всего за часъ до моего поѣзда, и потому мой новый другъ, хозяйка «Голоса», которой необходимо было присутствовать при встрѣчѣ его, предложила подвезти меня на вокзалъ и тѣмъ самымъ дать мнѣ еще и возможность видѣть рѣдкое зрѣлище. И вотъ, все такъ же неожиданно, какъ все время въ Орлѣ, я очутился въ большой, но очень избранной толпѣ, ожидавшей, передъ рядами парадно выстроенныхъ на платформѣ солдатъ, прибытія того величаваго и жуткаго, что гдѣ-то тамъ уже шло, близилось, — среди всякихъ знатныхъ представителей города и губерніи, фраковъ, шитыхъ мундировъ, треуголокъ, жирныхъ военныхъ эполетъ и цѣлаго синклита блистающихъ ризъ и митръ. Всякій попадающій въ подобное торжественное-напряженное общество тотчасъ заражается нѣкоторымъ оцѣпенѣніемъ, такъ что, постоявъ на платформѣ съ полчаса, я очнулся лишь въ тотъ внезапный мигъ, когда вдругъ, съ шумомъ и грохотомъ, какъ бы обрушился на насъ и на весь вокзалъ огромный паровозъ съ траурными флагами, а потомъ замелькало передъ глазами что-то великолѣпное, темносинее, съ большими чистыми стеклами и шелковыми занавѣсками, съ золотыми орлами гербовъ... Тутъ вся толпа встрѣчающихъ подалась назадъ, а изъ средняго вагона тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ мягко и точно остановившагося поѣзда быстро появился и шагнулъ на красное сукно, заранѣе разостланное на платформѣ передъ нимъ, молодой, ярко-русый гигантъ гусарь въ красномъ доломанѣ, съ прямыми и рѣзкими чертами лица, съ тонкими, энергично и какъ бы нѣсколько презрительно изогнутыми ноздрями, съ чуть-чуть выдвинутымъ подбородкомъ, совершенно поразившій меня своей нечеловѣческой высотой, длиной тонкихъ ногъ, зоркостью царственныхъ глазъ, больше же всего гордо

и легко откинутой назадъ головой въ короткихъ и точно гофрированныхъ ярко-русыхъ волосахъ и крѣпко и красиво выщепившей рыжей острой бородкой...

Могъ-ли я думать въ тотъ жаркій весенній день, *какъ* и *гдѣ* увижу я его еще одинъ разъ!

XX

Цѣлая жизнь прошла съ тѣхъ поръ.

Россія, Орель, весна... И вотъ, Франція, югъ, среди-земные зимніе дни.

Мы съ нимъ уже давно въ чужой странѣ. Въ эту зиму онъ мой близкій сосѣдь, тяжело больной. Однажды повтру, развернувъ мѣстный французскій листокъ, я вдругъ опускаю его: конецъ. Я долго и напряженно слѣдилъ за нимъ по газетамъ и все смотрѣлъ съ своей горы на тотъ дальній горбатый мысъ, гдѣ все время чувствовалось его присутствіе. Теперь этому присутствію конецъ.

Солнечно, свѣтло и холодно. Я выхожу изъ дому въ садъ, уступами идущій внизъ, на усыпанную гравіемъ площадку подъ пальмами, откуда видна цѣлая страна долинъ, моря и горъ, сіяющая солнцемъ и синевою воздуха. Огромная лѣсистая низменность, все повышаясь своими волнами, холмами и впадинами, идетъ отъ моря къ тѣмъ предгорьямъ Альпъ, гдѣ я. Подо мной, на крутомъ каменистомъ отрогѣ, громоздится вокругъ остатковъ своей древней крѣпости съ первобытно-грубой сарацинской башней одно изъ самыхъ старыхъ гнѣздъ Прованса, то есть тоже нѣчто весьма грубое, сѣрое, каменное, уступчатое, воедино слитое, сверху чешуйчатое, какъ бы ржавое, коряво-черепичное. Вправо — синѣющіе въ вѣчной солнечной дымкѣ хребты Эстереля и Моръ. На горизонтѣ впереди — высоко поднимающаяся къ свѣтло-туман-

ному небу бѣлесая туманность далекаго моря. А *тотъ* горбатый мысъ — лѣвѣй, тонетъ въ утреннемъ морскомъ блескѣ, зыбко окружающемъ его . . . Я долго смотрю туда. Поднимающійся мистраль прилетаетъ порой въ садъ, волнуетъ жесткую и длинную листву пальмъ, сухо, знойно - холодно, точно въ могильныхъ вѣнкахъ, шелеститъ и шуршитъ въ ней . . . Ъхать-ли туда? Это непостижимо-странно — встрѣтиться всего два раза въ жизни и оба раза въ сообществѣ смерти. Да и все непостижимо. Вотъ онъ, во всей силѣ и крѣпости своего расцвѣта, черезъ всю Россію, снизу до верху ея, совершаетъ свое парадно-траурное шествіе съ гробомъ отца; вотъ я, бессмысленно счастливый своей молодостью и тѣмъ счастьемъ, которому суждено было погубить нѣсколько самыхъ лучшихъ лѣтъ ея, стою на вокзалѣ въ Орлѣ, тупо и нѣсколько враждебно ожидая его . . . Неужели это солнце, что такъ ослѣпительно блестятъ сейчасъ и погружаетъ вонъ тѣ солнечно-мглистыя горы въ равнодушно-счастливыя, тысячелѣтніе сны о всѣхъ временахъ и народахъ, нѣкогда видѣнныхъ ими, ужели это то же самое солнце, что свѣтило намъ съ нимъ нѣкогда?

XXII.

Весь день мистраль, острый шелестъ пальмъ, тревожный зимній блескъ.

Къ вечеру какъ будто стихаетъ.

Въ четыре часа я уже на мысу, быстро ѣду *туда*.

Дорога поднимается среди сплошныхъ южныхъ садовъ, по длинному проспекту, откуда, грубо гремя и звеня, катится навстрѣчу трамвай . . .

Наконецъ, вотъ и оно, это большое старинное помѣстье и этотъ бѣлый большой домъ въ глубинѣ обширнаго и просторнаго сада, за раскрытыми настежь воротами, въ концѣ длинной аллеи старыхъ сумрачныхъ пальмъ. Пред-

вечернее солнце, весь свѣтъ и блескъ западнаго неба — за домою.

Это первое, что жутко, — эти такъ широко и свободно для всякаго раскрытые смертью ворота и множество автомобилей, стоящихъ возлѣ нихъ.

Аллея однако пуста, всѣ уже въ домѣ. Быстро иду къ нему. Подъ ногами шуршитъ гравій.

Пусто и возлѣ крыльца. Сюда?

Но я произношу это слово только потому, что вдругъ теряюсь: внезапно вижу на крыльцѣ то, чего не видѣлъ уже цѣлыхъ десять лѣтъ и что поражаетъ меня какъ чудодѣйственно воскресшая вдругъ передо мной вся моя прежняя жизнь: рыжеусаго, свѣтлоглазаго русскаго офицера въ гимнастеркѣ, въ погонахъ...

Я вижу за нимъ высокія стеклянныя двери, тоже настезь открытыя. За дверями — полутемный вестибюль и такія же другія двери, а дальше полусвѣтъ большого французскаго салона, что-то странное и красивое: гранатомъ сквозящія на солнцѣ, скрытомъ за ними, спущенныя на высокіхъ и полукруглыхъ окнахъ шелковыя шторы и необычно зажженная въ такой еще ранній часъ, палевымъ жемчугомъ сіяющая подъ потолкомъ, люстра.

Въ вестибюлѣ молчаливая и тѣсная толпа. Съ какой-то особой покорностью пробираюсь ко вторымъ дверямъ, затѣмъ поднимаю глаза — и тотчасъ же вижу лежащій въ непомѣрно длинномъ гробу, въ желтомъ дубовомъ саркофагѣ, большой желто-сѣрый ликъ, большой романовскій лобъ, всю эту старческую мертвую голову, уже сѣдую, а не русую, но все еще властную и гордую: посѣдѣвшая борода слегка выдвинута, ноздри вырѣзаны тонко и какъ бы чуть презрительно...

Затѣмъ вижу и чувствую подробности. Да, странный полусвѣтъ, спущенныя, красно просвѣчивающія предвечернимъ солнцемъ шторы, жемчужно сіяющая люстра,

тонкіе и блѣдныя, чуть дрожащіе огни высокихъ церковныхъ свѣщниковъ. И тутъ народъ, но только по стѣнамъ, а чуть не вся середина салона занята *имъ*. У стѣны налѣво стоймя стоитъ прислоненная къ мраморному камину съ завѣшеннымъ зеркаломъ, висится и блистаетъ желтымъ лакированнымъ дубомъ гробовая крышка необычной формы, — въ бокахъ расширенная. Въ глубинѣ угла, за гробовымъ возглавіемъ, робко и нѣжно, какъ въ дѣтской спальнѣ, теплится на столикѣ передъ древнимъ серебрянымъ образомъ лампадка.

Чуть не все остальное занято гробомъ-саркофагомъ. Онъ тоже странно расширенъ въ бокахъ, необыкновенно дологъ и глубокъ, блещетъ своей новизной, полировкой, ладностью — и страшень тѣмъ, что въ немъ заключенъ еще другой, цинковый гробъ, который внутри обить бѣлымъ рытымъ бархатомъ, но чернѣющіе металлические края котораго все таки видны. Вокругъ застылъ въ своихъ напряженно-щегольскихъ воинскихъ позахъ его послѣдній почетный караулъ, офицерская и казачья стража: шашки на-голо, къ правому плечу, на согнутой лѣвой рукѣ — фуражки, глаза съ рѣзко подчеркнутымъ выраженіемъ непрекословности и готовности устремлены на *него*. Самъ -же онъ, вытянутый во весь свой необыкновенный ростъ и до половины покрытый трехцвѣтнымъ знаменемъ, лежитъ еще неподвижнѣе. Голова его, прежде столь яркая и нарядная, теперь старчески проста и простонародна. Посѣдѣвшіе волосы мягки и слабы, лобъ далеко обнаженъ. Голова эта кажется теперь велика, — такъ дѣтски худы и узки стали его плечи. Онъ лежитъ въ старой, совсѣмъ простой рыже-сѣрой черкескѣ, лишенной всякихъ украшеній, — только георгіевскій крестъ на груди, — съ широкими, но не въ мѣру короткими рукавами, такъ что выше кисти, — длинной и плоской, — открыты его большія желтоватыя руки, неловко и тяжело положенныя одна на другую, тоже старческія, но еще могучія, по-

ражающія своею деревянностью и тѣмъ, что одна изъ нихъ съ грозной крѣпостью, какъ мечъ, зажала въ кулакѣ древній аѳонскій кипарисовый крестъ, почернѣвшій отъ времени... Я подхожу и становлюсь возлѣ самого гробового изножія, у пальмовыхъ вѣтвей и вѣнковъ, прислоненныхъ къ нему.

Тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ начинается служба. Изъ внутреннихъ покоевъ выходятъ близкіе, облачается въ ризу старенькій священникъ, — онъ именно старенькій, какъ почти всегда бываетъ это, — въ рукахъ у насъ тепло и ласково зажигаются огни восковыхъ свѣчей... Какъ все это уже привычно теперь — это негромкое, стройное пѣніе, мѣрное кадильное звяканье, скорбно-покорные, горестно-умиленные возгласы и моленія, уже миллионы разъ звучавшіе на землѣ! Только имена мѣняются въ этихъ моленіяхъ, и для каждаго имени настаетъ въ нѣкій срокъ свой чередъ!

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ...

— Міромъ Господу помолимся...

— О приснопамятномъ рабѣ Божиємъ...

Я все еще думаю о томъ, кто когда-то, въ жаркій солнечный день, былъ на вокзалѣ въ Орлѣ. Но лишь на мигъ мелькаетъ передо мной это яркое видѣніе. Горестно и несмѣло звучатъ моленія о «Благовѣрномъ Государѣ, Великомъ Князѣ», новопреставленномъ въ сонмѣ всѣхъ «чающихъ Христова утѣшенія» и вотъ теперь тоже смиренно ждущемъ «покоя, тишины, блаженные памяти», уповающимъ «неосужденнымъ предстати у страшнаго престола Господа Славы...» Мертвый ликъ, уже обращенный къ чему-то намъ недоступному, все еще выразителенъ, но уже покоенъ и тихъ. Выпуклыя вѣки закрыты, безцвѣтныя губы сжаты, пепельно бѣлѣютъ подъ усами... Я вижу слегка вздувшіяся вены на его старчески крупныхъ вискахъ, — завтра онъ уже почернѣютъ, думаю я... Я ду-

маю о его протекшей жизни, такой большой и сложной, думаю и о своей собственной...

— Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Твоего... и о еже проститися ему всякому согрѣшенію, вольному же и невольному...

— Милости Божія, Царства Небеснаго и оставленія грѣховъ его у Христа, безсмертнаго Царя и Бога нашего, просимъ...

Потомъ взгляды мой опять останавливаются на трехцвѣтномъ знамени, до половины прикрывающемъ его ноги, его черкеску, видить эту окаменѣвшую руку съ зажатымъ въ ней чернымъ крестомъ, эти застывшія въ своей напряженной готовности лица караула, ихъ фуражки, клинки и погоны, уже десять лѣтъ мной невидѣнные...

— Образъ есмь неизреченныя Твоя славы — щедріи созданіе Твое, Владыко, и вождѣнное Отечество подаждь ми...

И я опускаюсь на колѣни и, сжимая зубы, страстно плачу...

Когда мы всѣ выходимъ, уже вечеръ. Солнце только что сѣло, сзади, за черными пальмами, темнорозовое зарево. А впереди, вдали, огромная картина этихъ вѣчныхъ средиземныхъ береговъ. Въ глубинѣ ея, въ смутномъ и холодномъ, розово-синемъ восточномъ небѣ, надо всѣмъ мертвенно царятъ снѣжные хребты Верхнихъ Альпъ, уже гаснушіе, сумрачно малиновые, всему живому безконечно чуждые, уходящіе въ свою дикую зимнюю ночь, снизу уже до половины потонувшіе въ сизой густой мглѣ. Сурово, холодно посинѣло къ ночи море подъ ними...

XXIII.

Ночью на моей горѣ все гудитъ, реветъ, бушуетъ отъ мистрала. Я просыпаюсь внезапно. Я только что видѣлъ или думалъ во снѣ о томъ, какъ, во время прощанія послѣ панихиды, послѣдней изъ числа близкихъ *ему* просталась какая-то худенькая, высокая дѣвушка вся въ черномъ, съ длинной траурной вуалью. Она подошла такъ просто, склонилась такъ женственно-любовно, на минуту закрывъ легкимъ концомъ ея и край саркофага и старчески-дѣтское плечо въ черкескѣ... Стремительно несется мистраль, вѣтви пальмъ, бурно шумя и мѣшаясь, тоже точно несутся куда-то... Я встаю и съ трудомъ открываю дверь на балконъ. Въ лицо мнѣ рѣзко бьетъ холодомъ, надъ головой разверзается черно-вороненое, въ бѣлыхъ, синихъ и красныхъ пылающихъ звѣздахъ небо. Все несется куда-то впередъ, впередъ...

Я кладу на себя медленное крестное знаменіе, глядя на все то грозное, траурное, что пылаетъ надо мной.

1927—29.